КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XIX.

НОЯБРЬ.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штаммомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1887 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 31-го октября 1887 года.

Отъ редакціи.

Съ выпускомъ 12-й (декабрьской) книжки, которая выйдетъ 1-го декабря, изданіе «Кіевской Старины», за болѣзнью редактора-издателя, *пріостанавливается*. Подписка вновь не принимается ни въ редакціи, ни у книгопродавцевъ; не можетъ производиться и взаимный обмѣнъ изданіями и объявленіями.

О возобновленіи или совершенномъ прекращеніи журнала будетъ объявлено особо.

Желающіе пріобрѣсти экземпляры «Кіевской Старины» за прежніе годы (1882—1887) могутъ обращаться по прежнему: *Въ Редакцію «Кіевской Старины», Кіевъ, Михайловская улица, № 12.* Изданіе перваго года, оставшееся въ числѣ не свыше 10-ти экземпл., высылается по прежней цѣнѣ 10 руб. съ перес. Выписывающіе затѣмъ одновременно за слѣдующія *пять* лѣтъ пользуются уступкою 25%, за *четыре* года 20%, за *три* 15% и за *два* 10% съ общей подписной суммы. Книжнымъ магазинамъ уступается сверхъ того 5% коммисіонныхъ. Цѣна годовому изданію въ одномъ экземплярѣ 10 р. съ пересылкой. Отдѣльныя книжки выдаются на мѣстѣ и высылаются по 1 р. с.

Гг. подписчиковъ не доплатившихъ или вовсе не уплатившихъ подписной суммы редакція покорнѣйше проситъ поспѣшить высылкою слѣдуемыхъ денегъ.

Раина Могилянка, княгиня Вишневецкая.
(† 1619 г.).

Раина Могилянка, княгиня Вишневецкая.

..........Теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ;
Прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды.
(2-е посл. къ Тимоѳ., IV, 6—7).

Раина Могилянка, дочь Іереміи Могилы, господаря молдавскаго, двоюродная сестра знаменитаго кіевскаго митрополита Петра Могилы, жена богатѣйшаго изъ русскихъ князей Михаила Вишневецкаго, мать отступника Іереміи, бабка польскаго короля Михаила, по мужу старостянка овручская, каштелянша кіевская, какъ значится на ея старинномъ портретѣ, представляетъ собою замѣчательную женщину въ южно-русскомъ обществѣ начала XVII ст. Время пощадило ея портретъ и съ помощію его мы ясно можемъ представить себѣ ея внѣшнія черты; но исторія слишкомъ мало сохранила свѣдѣній о ея жизни, и при посредствѣ ихъ мы не можемъ возсоздать въ полномъ очертаніи ея нравственнаго облика. Есть впрочемъ одна яркая черта, которая свѣтлой полосой проходитъ чрезъ всю ея недолгую жизнь, и по ней-то мы причисляемъ Раину Вишневецкую къ числу замѣчательныхъ женщинъ своего времени: это глубокая ея набожность, твердость въ отеческой вѣрѣ и непоколебимая преданность ей до конца жизни. Въ наше время маловѣрія и невѣрія такое качество не сочтется, быть можетъ, ни добродѣтелью, ни достоинствомъ; но въ тѣ бурныя времена религіозной борьбы и кровавыхъ войнъ за вѣру, когда княжескіе и дворянскіе русскіе роды, подъ неотразимымъ напоромъ цѣлаго строя и духа государственной и общественной жизни, десятками и сотнями

*

переходили то въ католичество, то въ протестантство, устоять въ православной вѣрѣ стоило величайшихъ усилій, а для слабой женской натуры это составляло прямой, при томъ тягчайшій подвигъ. Клеймя позоромъ отступниковъ нашей вѣры, подрывавшихъ въ корнѣ благополучіе и славу родной страны, мы должны хранить въ нашей памяти имена лицъ, выдержавшихъ въ свое время этотъ тягчайшій искусъ жизни, и они яркими свѣточами станутъ для насъ на темномъ жизненномъ пути нашемъ и всего народа...

Но возвратимся къ Раинѣ Могилянкѣ.

Отецъ Раины Іеремія Могила былъ однимъ изъ лучшихъ правителей Молдавіи и отличался набожностью и глубокою преданностью православной церкви. Будучи обязанъ своимъ господарствомъ польскому королю Сигизмунду III, но зная его, какъ фанатическаго виновника и распространителя въ своихъ русскихъ земляхъ уніи, онъ предъ самымъ вступленіемъ на престолъ, обѣщая всякую покорность своему патрону, выговорилъ для своего государства полную свободу греческаго вѣроисповѣданія. Въ недолгое время своего управленія 1595—1606 г., расходуясь много на дани и подарки, чтобы удержаться на шаткомъ престолѣ, набожный Іеремія дѣлалъ частыя и щедрыя пожертвованія на церковныя нужды и дѣла благотворенія. «Отъ нашея юности, писалъ онъ въ одной изъ дарственныхъ грамотъ Скульскому монастырю, боголюбивымъ желаніемъ и сердечнымъ распаленіемъ утвержденіе и честь и украшеніе св. церкви непремѣнно въ душу вкорененны имамы». Не ограничиваясь предѣлами собственной земли, Іеремія до самой смерти своей былъ наиболѣе усерднымъ благотворителемъ и покровителемъ православнаго львовскаго братства. Великолѣпная, донынѣ существующая въ Львовѣ церковь Успенія Богородицы, заложенная братствомъ въ 1591 г., создана почти исключительно на средства Іеремии и брата его Симеона. Независимо отъ денежныхъ пособій, пользуясь хорошими отношеніями къ королю Сигизмунду и къ вліятельнымъ польскимъ сановникамъ, онъ весьма часто оказывалъ львовскому братству и другія важныя услуги, ограж-

дая его своимъ ходатайствомъ отъ латинскихъ притѣсненій и выпрашивая ему нужныя привилегіи. Въ домѣ его и братнемъ являлись учителя, которыхъ высылало имъ львовское братство. Мать Раины Елисавета, дочь сенатора изъ Трансильваніи, была также набожная женщина и по смерти мужа не переставала благотворить тому же львовскому братству. Такимъ образомъ та твердая преданность вѣрѣ, которую потомъ Раина обнаружила въ своей жизни внѣ родительскаго дома, вынесена была ею отсюда и составляла, какъ мы знаемъ по другимъ примѣрамъ, отличительную черту рода Могилъ.

Раина была старшею дочерью Іереміи Могилы; кромѣ нея было у него три сына и еще три дочери: Марія, Катерина и Анна, и всѣ онѣ, по примѣру сестры, были выданы замужъ въ Русь и Польшу: Марія за брацлавскаго воеводу Стефана Потоцкаго, усерднаго кальвиниста, Катерина за православнаго волынскаго князя Самуила Корецкаго, Анна за ленчицкаго воеводу Максимиліана Пржерембскаго. Послѣдняя была потомъ за ленчицкимъ каштеляномъ Яномъ Чарнковскимъ, далѣе за краковскимъ воеводою Владиславомъ Мышковскимъ и наконецъ за коронным гетманомъ Станиславомъ Потоцкимъ, роднымъ племянникомъ Стефана, мужа сестры Маріи. Выходъ двухъ сестеръ Раины въ замужество за поляковъ-иновѣрцевъ не помѣшалъ имъ оставаться въ той же вѣрѣ, въ какой онѣ были воспитаны набожнымъ отцемъ: Марія и умерла православною, а Анна вписалась даже (въ 1630 г.) въ реестръ братчиковъ львовскихъ [1]). Примѣры подобной религіозной стойкости въ то время были необыкновенно рѣдки въ бракахъ иновѣрцевъ съ православными.

Раньше всѣхъ вышла замужъ старшая изъ сестеръ, Раина. Можно полагать, что это было въ 1605 г., еще при жизни ея отца: подъ этимъ именно годомъ князь Михаилъ Вишневецкій внесъ въ книги люблинскаго трибунала вѣновую и дарственную записи своей молодой женѣ. По этимъ записямъ можно заключать, какъ велико было приданое молдавской господаровны, если женихъ, въ обезпеченіе его, записалъ невѣстѣ 50,000 червонцевъ

---

[1]) Памятники кіев. ком., т. III, отд. 1, стр. 19.

на половинѣ всѣхъ родовыхъ своихъ имѣній и сверхъ того другимъ актомъ записалъ ей въ даръ еще 100,000 червонцевъ.

Мужъ Раины, князь Михаилъ Михайловичъ Вишневецкій, староста овручскій, ничѣмъ не ознаменовалъ себя въ исторіи; но, помимо древности и знатности рода, онъ славился богатствомъ и необъятностью своихъ территоріальныхъ владѣній. Кромѣ мѣстечка Вишневца и многихъ другихъ имѣній на Волыни и въ Кіевщинѣ, ему принадлежали еще обширныя земельныя пространства на лѣвой сторонѣ Днѣпра, тянувшіяся широкой полосой черезъ всю нынѣшнюю полтавскую и часть черниговской губерніи, отъ устьевъ р. Сулы почти до Конотопа. Эти громадныя владѣнія, такъ и называвшіяся въ XVII ст. «Вишневеччиной», какъ кажется, были пріобрѣтены отцемъ мужа Раины, княземъ Михаиломъ Александровичемъ Вишневецкимъ, который задолго еще до соединенія Литвы съ Польшею былъ старостою черкасскимъ и каневскимъ, а послѣ люблинской уніи былъ въ теченіе 15-ти лѣтъ каштеляномъ кіевскимъ, неоднократно громилъ татаръ и похороненъ въ 1584 году въ кіево-печерскомъ монастырѣ. Въ то время это были пустыя, незаселенныя степи, съ многочисленными городищами и другими слѣдами нѣкогда бывшихъ здѣсь поселеній; но съ началомъ XVII ст. онѣ стали быстро заселяться, такъ что во 2-й четверти того же вѣка въ Вишневеччинѣ насчитывалось уже болѣе 50-ти городовъ и селеній.

За такимъ богатымъ мужемъ молодой и къ тому же необыкновенно красивой господаровнѣ жизнь, казалось, сулила въ будущемъ однѣ радости. Такъ бы оно, вѣроятно, и было на самомъ дѣлѣ, еслибы личное счастье Раины не было омрачаемо безпрестанными огорченіями по поводу раздоровъ, возникшихъ между ея родными изъ-за наслѣдства престола по смерти отца ея, послѣдовавшей въ 1606 году, годъ спустя послѣ ея брака. Изгнанная изъ родной страны племянникомъ своимъ Симеономъ, мать Раины проживала у нея съ дѣтьми, пока три зятя ея ходили добывать престолъ Молдавіи для старшаго ея сына Константина. Походъ оказался удачнымъ и Константинъ безъ особаго труда овладѣлъ престоломъ отца; но за ослушность свою падишаху скоро смѣщенъ былъ съ него

турецкимъ кандидатомъ Стефаномъ Томжею. Новый походъ имѣлъ послѣдствія роковыя: Константинъ былъ разбитъ на голову и попалъ въ плѣнъ, таже горькая судьба постигла и двухъ его зятьевъ: Стефана Потоцкаго и отважнаго рыцаря князя Самуила Корецкаго. Не трудно себѣ представить, какимъ горькимъ воплемъ отозвалась эта вѣсть въ Вишневцѣ и еще болѣе, конечно, въ Корцѣ и въ Золотомъ-Потокѣ, въ груди несчастныхъ Катерины и Маріи Могилянокъ! Но что еще печальнѣе: князь Корецкій, какимъ-то чудомъ бѣжавшій изъ тюрьмы, проплывъ на купеческомъ суднѣ въ Италію и побывавъ въ Римѣ и въ Лоретѣ, вернулся оттуда на родину рьянымъ католикомъ, а за тѣмъ, попавъ въ плѣнъ въ злосчастной цецорской битвѣ, былъ задушенъ въ цареградской тюрьмѣ. Бѣжалъ и Стефанъ Потоцкій и возвратился на родину добрымъ католикомъ, а освободившійся позже всѣхъ братъ Раины, Константинъ, долженъ былъ отказаться отъ всякой мечты о престолѣ и прожилъ до самой смерти своей въ Подоліи, въ отцовскомъ имѣніи Устьѣ, не подалеку отъ резиденціи его старшей сестры.

Среди такихъ-то безпокойствъ, хлопотъ и огорченій прошли молодые годы Раины Вишневецкой. А далѣе наближалась для нея еще болѣе печальная пора преждевременнаго вдовства. Князь Михаилъ, хотя и избѣжалъ горестной судьбы своихъ шурьевъ, но возвратился домой изъ несчастнаго молдавскаго похода больнымъ, съ надломленными силами и черезъ три года умеръ, оставивъ Раину съ малолѣтними дѣтьми, изъ коихъ старшему сыну Іереміи было не болѣе четырехъ лѣтъ, а его сестрѣ Аннѣ и того меньше. Тогда для вдовы настали новыя хлопоты и огорченія, столь обычныя въ то время при переходѣ большихъ имѣній въ руки наслѣдниковъ. Деверь Раины и опекунъ ея дѣтей, князь Юрій Михайловичъ Вишневецкій вздумалъ воспользоваться смертію брата для увеличенія своего состоянія и не допустилъ невѣстку вступить во владѣніе заднѣпровскими имѣніями. Надо было вести съ нимъ тяжбу, хлопотать по судамъ и трибуналамъ, пока смерть Юрія (въ 1618 году) не положила конца этимъ непріятностямъ. Въ тоже время нашлись и другіе претенденты на Вишневеччину: какой то п. Лавринъ Черкасъ, неизвѣстно

по какому праву, занялъ тамъ замки: Михайловъ или Пирятинъ и Журавку, и когда былъ изгнанъ оттуда, то затѣялъ съ княгинею Раиною процессъ, окончившійся лишь послѣ ея смерти. А черезъ годъ княгини не было уже въ живыхъ.

Не долго жила Раина, но оставила по себѣ свѣтлую память на Украйнѣ, какъ основательница трехъ православныхъ монастырей: густынскаго - прилуцкаго, ладинскаго - подгорскаго и мгарскаго - лубенскаго. Эти вѣковѣчные памятники ея благочестія имѣли немаловажное значеніе въ исторіи обширной страны, тогда только-что начавшей выходить изъ состоянія необитаемости, а черезъ нѣсколько десятилѣтій представлявшей уже цвѣтущую провинцію, въ которой народная жизнь била живымъ ключемъ. Основателями перваго изъ этихъ монастырей были иноки межигорской обители, въ числѣ нѣсколькихъ направившіеся изъ Кіева «въ страны восточные заднѣпрскіе, до державы благороднаго князя Михайла Корыбута-Вишневецкаго», а устроителемъ его былъ инокъ кіево-печерскаго монастыря, въ теченіе 16-ти лѣтъ «въ пещерѣ работавшій Господеви въ постѣхъ и молитвахъ»,—Исаія Копинскій, впослѣдствіи митрополитъ кіевскій. Онъ-то лично испросилъ у князя Михаила и его благочестивой жены первыя земельныя пожалованія обители и былъ принятъ ими съ особымъ почетомъ, «понеже, какъ говоритъ лѣтопись, князь добродѣтеленъ бяше, княгиня же его, Раина Могилянка, зѣло благонарочита и благочестива бяше: велми бо любяше слуги Христовы, калугери»[1]). Это происходило въ мартѣ 1614 г. А полгода спустя густынскіе чернцы вторично побывали въ Вишневцѣ и выпросили тамъ другой такой же фундушъ для устроеннаго ими скита подгорскаго (или ладинскаго) на той же рѣкѣ Удаѣ, въ 10-ти верстахъ отъ Густыни.

Когда Исаія задумалъ основать третій монастырь подъ Лубнами, въ мгарскомъ лѣсу, къ тому времени князя Михаила уже не было въ живыхъ; но его набожная жена, по просьбѣ Копинскаго, выдала ему (въ январѣ 1719 г.) новыя фундушевыя записи

---

¹) Лѣтопись монастыря Густынскаго, стр. 9

въ пользу заднѣпровскихъ монастырей, съ подтвержденіемъ прежнихъ «наданій» и съ придачею новыхъ. Надѣливъ щедро густынскій монастырь, княгиня Раина позволила подгорскій скитъ преобразовать въ женскій ладинскій монастырь и настоятельство въ немъ предоставила пожизненно родной сестрѣ Исаіи, инокинѣ Александрѣ. Особымъ фундушемъ (18 янв. 1619 г.) она дала Копинскому полномочіе на устройство въ ея владѣніяхъ мгарскаго монастыря, отпустила для него строительный матеріалъ, оставшійся послѣ перестройки замка въ Лубнахъ, щедро надѣлила новую обитель землями, рыбными ловлями и разными угодьями и отдала ее, наравнѣ съ густынскимъ и ладинскимъ монастырями, въ пожизненное завѣдываніе, на правахъ игумена, тому же Исаіи Копинскому. Сверхъ того она поручила благочестивому игумену завѣдывать всѣми приходскими церквами въ ея украинскихъ мѣстностяхъ, съ подчиненіемъ ему священниковъ и остального духовенства и съ правомъ «подаванья» приходовъ, по соглашенію съ ея старостами. А чтобы вѣрнѣе обезпечить на будущія времена неотмѣняемость своихъ распоряженій, набожная княгиня, по обычаю того времени, наложила клятву на нарушителей ея воли: «А хто бы мѣлъ тую фундацію нашу нарушати и касовати въ потомные часы и одыймовати то, що есми надали разъ тымъ святымъ мѣстамъ, або на старожитную благочестивую восточную православную вѣру нашу наступовати и отмѣняти хотѣлъ, теды нехай на немъ будетъ клятва св. отецъ, 318, иже въ Никеи, и разудится тотъ со мною передъ маестатомъ Божіимъ»!

Бѣдная княгиня! Могла ли она думать, что не далѣе, какъ черезъ 10—20 лѣтъ, первымъ нарушителемъ ея благочестивой воли и самымъ лютымъ врагомъ и «наступателемъ» на ея праотеческую вѣру явится не кто иной, какъ ея любимый сынъ, «пожаданная ея утѣха», князь Іеремія, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она приложила столько заботъ «на уфундоване и размноженя хвалы Божои и житія законного иноческого старожитнои реліи греческои, восточнаго православія», онъ будетъ «фундовать» бернардиновъ (въ Лубнахъ) и доминиканови (въ Прилукѣ), на-

строитъ латинскихъ костеловъ (въ Ромнахъ, Лохвицѣ, Мошнахъ, и явится злѣйшимъ гонителемъ и мучителемъ[1]) тѣхъ самыхъ смиренныхъ «калугеровъ», которыхъ она «велми любяше, яко слуги Христовы и богомолцы»! Не рѣшившись упразднить православные украинскіе монастыри, которымъ благотворила его мать, и подтвердивъ даже ея фундуши, онъ вырвалъ однако ихъ (1636 г.) изъ рукъ престарѣлаго Исаіи Копинскаго, изгнаннаго изъ Кіева и съ титуломъ архіепископа заднѣпрскаго и сѣверскаго проживавшаго по большей части въ Лубнахъ или въ Ладинѣ.

Но до всѣхъ этихъ печальныхъ перемѣнъ не дожила набожная Раина Могилянка. Она скончалась въ 1619 г,, оставивъ семилѣтняго Іеремію на попеченіе его троюроднаго дяди, князя Константина Константиновича Вишневецкаго, тогда старосты черкасскаго, одного изъ первыхъ вѣроотступниковъ (1595 г.) въ родѣ Вишневецкихъ.

Умерла Раина въ возрастѣ лѣтъ 30-ти. Всего 14 лѣтъ прожила она въ русской землѣ, но связала себя съ нею неразрывными узами, какъ и двоюродный братъ ея знаменитый Петръ Могила, оставила по себѣ вѣковѣчные памятники своей глубокой набожности и благочестія, напечатлѣла свое имя на страницахъ нашей исторіи, сохранила въ чистотѣ вѣру среди иновѣрной родни, въ такую притомъ пору, когда вѣра эта повсюду подвергалась жесточайшимъ преслѣдованіямъ и осмѣянію и считалась вѣрой хлопской, унизительной для лица высшаго званія. Подлинно, умирая, она могла повторить слова св. ап. Павла: *теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ, прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, его же воздастъ ми Господь въ день онъ, судія праведный.*

На прилагаемомъ портретѣ Раины Могилянки мы видимъ женщину умную и энергическую, въ цвѣтѣ молодости, силъ и здоровья. Портретъ заимствованъ нами изъ портретной гал-

---

[1]) Впослѣдствіи, въ 1648 г., козаки, жалуясь на безчеловѣчную расправу Іеремiи съ мирными малороссіянами, между прочимъ упоминали: „а священникамъ нашимъ онъ глаза буравомъ просверливалъ“. См. письмо полковника Максима Кривоноса—Памятн. кіев. коммисіи, т. I, отд. 3, стр. 157.

лереи князей Вишневецкихъ, хранившейся въ деревнѣ Новомъ-Малинѣ, острожскаго уѣзда, волынской губерніи, откуда получены, между прочимъ, и портреты князя Константина Острожскаго и его жены, помѣщенные въ «Кіев. Старинѣ» за 1883 г. Кромѣ историческаго значенія, онъ представляетъ немаловажный археологическій интересъ, какъ живое изображеніе *костюма* знатной южно-русской женщины начала XVII ст. Въ нашей литературѣ пока нельзя указать ни одного сочиненія по исторіи старинныхъ южнорусскихъ одеждъ и украшеній, и потому нарядъ Раины, какъ онъ изображенъ на портретѣ, нуждается въ нѣкоторыхъ объясненіяхъ.

Изъ подъ черной бархатной «сукни» или платья, съ большимъ вырѣзомъ на груди, видна «*кошулька*»—родъ шемизетки изъ батиста, съ голубыми шелковыми прошвами, вся расшитая жемчугомъ и золотомъ. Поверхъ нея монисто изъ крупныхъ жемчужинъ («перелъ уріанскихъ») и золотой крестикъ на такой же цѣпочкѣ; а ниже на груди, поверхъ платья, спускается длинная золотая цѣпь («ланцугъ»), украшенная крупными рубинами. Верхнее платье—это что-то въ родѣ кунтуша, очень своеобразнаго кроя, съ короткими рукавами и золотымъ шитьемъ въ видѣ каймы.

На головѣ княгини бѣлый кружевной «*чепецъ*», перевитый красными лентами. Онъ составлялъ необходимую принадлежность костюма замужней женщины со дня брака, когда онъ возлагался на ея голову съ извѣстными обрядами (обрѣзаніе косы). Въ XVI ст. «чепецъ» обыкновенно имѣлъ форму сѣтки, сплетенной изъ шелка и украшенной золотомъ, серебромъ и жемчугомъ, какъ то можно видѣть, наприм., на портретѣ княгини Софіи Острожской; но въ XVII ст. его форма, матеріалъ, цвѣтъ, способъ украшенія и проч. не были постоянными, а мѣнялись безпрестанно, по прихоти моды, законодателями которой въ то время для всей Европы служили Парижъ и Лондонъ. Поверхъ чепца надѣтъ бархатный, фіолетоваго цвѣта «*беретъ*» съ страусовыми перьями и золотою «запоною», украшенною драгоцѣнными кам-

нями. Такой же «беретъ» мы видимъ и на портретѣ княгини Острожской.

Наконецъ, еще одна подробность, уже не относящаяся къ костюму. Въ правой рукѣ Раина держитъ книжку, на лицевой сторонѣ которой надпись: «молитвословъ славянорусскій».

Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ.

(Окончаніе) [1].

30.

Св. Николай.

Имя св. Николая весьма популярно въ малорусскихъ народныхъ разсказахъ и пѣсняхъ; въ честь этого святаго сложено нѣсколько духовныхъ стиховъ, весьма распространенныхъ въ народѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ имя св. Николая по видимому пріурочивается къ Кіеву. Такъ въ духовномъ стихѣ, записанномъ въ мѣстечкѣ Млѣевѣ, черкасскаго уѣзда, говорится:

Будь похвальны, святителю,
Мирнокіевскій учителю, св. Николай!
(Чуб., т. I, стр. 170).

Въ великорусской переработкѣ найболѣе распространеннаго стиха «О хто, хто Миколая любить», записанной въ орловской губерніи, встрѣчаемъ тѣ же слова, но измѣненныя до потемненія смысла:

Будь похваленъ, святителю,
Между кіевскихъ въ пещеры,
Мирно во вѣки. (Безсон., Калѣки перехожіе, т. III, стр. 761).

Не трудно однако догадаться, что въ первомъ стихѣ слово: ***мирнокіевскій*** есть прямое искаженіе слова: ***мирликійскій***, котораго не

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., сентябр. кн., стр. 1—64.

могъ могъ осилить народный пѣвецъ, не знакомый съ географіею, а во второмъ искаженное слово разбито на два и поставлено въ двухъ отдѣльныхъ стихахъ.

Пріуроченіе св. Николая къ Кіеву могло находить основаніе въ его житіи, гдѣ, въ числѣ совершенныхъ имъ чудесъ, описываются два чуда, бывшія въ Кіевѣ.

Чудо первое. Двое кіевлянъ, мужъ и жена съ маленькимъ ребенкомъ, отправились однажды изъ Кіева въ Вышгородъ поклониться мощамъ свв. Бориса и Глѣба, въ день ихъ памяти. Возвращаясь домой по Днѣпру, жена уронила ребенка въ рѣку. Отецъ и мать обратились съ молитвой къ св. Николаю. Св. Николай взялъ дитя изъ воды и принесъ его въ палату, находившуюся при кіевскомъ софійскомъ соборѣ. Церковный сторожъ нашелъ ребенка передъ образомъ св. Николая и передалъ его родителямъ [1]). Старинное изображеніе этого чуда, писанное масляными красками на холстѣ, находится и нынѣ въ колокольнѣ кіево-софійскаго собора и съ любопытствомъ разсматривается богомольцами.

Другое чудо. Одинъ кіевлянинъ отпустилъ на волю плѣннаго половчанина, послѣ того какъ послѣдній поклялся именемъ св. Николая, что привезетъ выкупъ. Половчанинъ думалъ, что икона св. Николая, передъ которой онъ далъ обѣщаніе кіевлянину, ничего ему не сдѣлаетъ, если онъ и не выполнитъ обѣщанія. Св. Николай три раза напоминалъ половчанину о его обязательствѣ, а въ третій разъ сбросилъ половчанина съ коня, металъ, корчилъ и билъ его о землю. Половчанинъ отвезъ выкупъ кіевлянину.

Эти сказанія о чудесахъ св. Николая въ Кіевѣ возникли въ древности, до монгольскаго нашествія, и, можетъ быть, существованіе этихъ и другихъ подобныхъ мѣстныхъ кіевскихъ сказаній о святителѣ Николаѣ побудило кіевскаго митрополита Ефрема (1096—1098 г.) установить празднованіе перенесенія мощей св. Николая изъ Мира въ Баръ 9-го мая, празднованіе, существовавшее въ западной церкви и неизвѣстное на греческомъ востокѣ.

Народные разсказы и пѣсни упоминаютъ о св. Николаѣ, какъ сотрудникѣ апостоловъ и спутникѣ Іисуса Христа во время Его

---

[1]) Сказаніе объ этомъ чудѣ издано Калужняцкимъ въ „Обзорѣ слав.-рус. памятн.“, стр. 16—18, по рукописи львовскаго университета.

земныхъ странствованій по землѣ. Св. Николай участвуетъ въ обходахъ апостольскихъ (Драг., стр. 112). Существующее въ ушицкомъ уѣздѣ, подольской губерніи, повѣрье, что волки находятся подъ покровительствомъ св. Николая (Чуб., т. I, стр. 167), вышло, повидимому, изъ превратно понятаго другаго, также народнаго разсказа. Св. Николай, сопутствуя Іисусу Христу и апостоламъ въ хожденіи по землѣ, старался, чтобы волкъ не съѣлъ коровы одной бѣдной вдовы. Богъ отдалъ волку рябую корову этой вдовы; но св. Николай, жалѣя вдову, опередилъ волка и вымазалъ вдовину корову болотомъ, чтобы она казалась чорной и волкъ не могъ бы съѣсть ее (Драг., стр. 112). На основаніи этого разсказа могъ возникнуть другой, противоположный. Св. Николай отдаетъ корову вдовы волкамъ за то, что вдова дѣлала убытки людямъ (Чуб., т. I, стр. 167). Въ большинствѣ случаевъ покровителемъ и повелителемъ волковъ считается св. Георгій, и св. Николай случайно замѣнилъ его въ немногихъ народныхъ разсказахъ, тѣмъ болѣе случайно, что въ самомъ житіи святителя нѣтъ рѣчи о волкахъ.

На основаніи житейнаго сказанія о св. Николаѣ и отпущенномъ на откупъ половчанинѣ сложился одинъ народный разсказъ, записанный И. И. Манжурой въ селѣ Благовѣщенкѣ, александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи. Одинъ бѣдный мужикъ не могъ заплатить подушнаго. Призвали его въ «сборню», стали наказывать, бить, наконецъ привязали къ столбу. Еврей далъ ему денегъ, взявши съ него въ церкви передъ иконой св. Николая обѣщаніе, что онъ заплатитъ. Но мужикъ, разбогатѣвъ, не выполнилъ своего обѣщанія. Однажды въ полѣ, на дорогѣ, его настигъ фургонъ. Мужикъ свернулъ съ дороги, фургонъ за нимъ, такъ въ другой, въ третій разъ и дальше, наконецъ фургонъ наѣхалъ на мужика и переломалъ ему ту руку, которою онъ бралъ у еврея деньги. Мужикъ отдалъ деньги еврею, и еврей принялъ христіанство (изъ рукоп. Сборника малоруск. пѣсенъ).

Житейное сказаніе о св. Николаѣ и Аріѣ получило среди малоруссовъ своеобразную переработку, съ пріуроченіемъ св. Николая и Арія къ Кіеву, въ слѣдующемъ разсказѣ, записанномъ И. И. Манжурой въ селѣ Алексѣевкѣ, александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи: «Вызывала печерська Божа Мати Миколая угодника та Арія свого собору у Кыиви святити. Хто, каже, швидче

прибуде, той й посвятить. Отъ Миколай угодникъ зибравсь та й поихавъ; въ дорози ставъ кони годувать, ажъ ось и Арій бижить и соби ставъ на тому постояльному. Миколай вже своихъ выгодувавъ и каже запрягать, а Арій баче, що Миколай рушати збирается, та веливъ своимъ слугамъ позрубувати у Миколаевыхъ коней головы. Ти пошли, та такъ и зробили. Отъ Миколаеви слуги вертаются, та й кажуть, що щось поодрубовало головы конямъ. Пидить, каже, поприставляйте. Коли приставили, ажъ такъ и е, тильки билому коневи зъ вороного приставили, а вороному зъ билого, запрягли та и поихали. Арій и байдуже, все кормивъ, а дали й соби подавсь. Прибига, ажъ Миколай уже и святе церкву. Арій до слугъ: та мы, кажуть, позрубували. Подививсь той на кони, бачить, у вороного коня била голова, а у билого ворона. Тоди Арій и ставъ вже Миколая за старшого почитать» (изъ рукоп. Сборника г. Манжуры).

Кромѣ Кіева, есть на югѣ Россіи еще одно мѣсто, съ которымъ связываются народные разсказы о св. Николаѣ,—это святогорскій монастырь (изюмскаго уѣзда, харьковской губерніи), съ чудотворнымъ образомъ святителя, найденнымъ въ древности на столбѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ храмъ во имя св. Іоанна Предтечи, называвшійся раньше по имени св. Николая. Объ этомъ-то храмѣ ходитъ въ народѣ любопытный разсказъ, что онъ вышелъ изъ воды, что три раза показывался подъ селомъ Богородичнымъ (въ 3-хъ верстахъ отъ Святыхъ Горъ) и все переходилъ съ мѣста на мѣсто, пока не сталъ въ Святыхъ Горахъ, что передъ страшнымъ судомъ онъ снова войдетъ въ воду вмѣстѣ съ людьми, которые на ту пору будутъ въ немъ и что тогда, какъ земля и все на ней сгоритъ, не сгоритъ одинъ этотъ храмъ съ оставшимися въ немъ людьми (изъ рукописн. Сборника И. И. Манжуры). По другому разсказу (Основа, 1862 г., т. VI, стр. 44) чудотворецъ Николай, что въ Святыхъ Горахъ, нерѣдко беретъ дитя у женщины, пришедшей на богомолье и носитъ его по-надъ Донцемъ и по-надъ лугомъ, а потомъ снова положитъ на руки той женщины.

Малорусскіе духовные стихи о св. Николаѣ большею частію сухи, съ явнымъ отпечаткомъ школы и схоластики. Въ нихъ въ общихъ чертахъ передаются главныя событія жизни св. Николая, преимущественно его чудеса. Попадаются слова книжныя, церковно-

славянскія и польскія, плохо понятыя народными пѣвцами. Наибольшей популярностію пользуется стихъ «Хто, хто Миколая любить», сравнительно съ другими стихами о св. Николаѣ простой и легкій. Стихъ этотъ встрѣчается въ старинныхъ сборникахъ стихотвореній духовно-нравственнаго содержанія, напр. въ Кантичкѣ XVIII—XIX ст. [1]). Изъ южной Руси этотъ стихъ проникъ въ Великороссію и даже въ Сербію [2]).

Въ колядкахъ встрѣчается любопытный поэтическій мотивъ, какъ сѣлъ, придя къ крестьянину,

Святый Микола
На конець стола,
Пидперся мечемъ
Пидъ правымъ плечемъ,
Склонивъ головку,
Вронивъ слизоньку.
Де слеза кане,
Тамъ Дунай стане (Чуб., т. III, стр. 344).

По другой колядкѣ

Конецъ престола сидить Микола,
Ризами вкрывся, слизами умывся.
(Чуб., т. III, стр. 307).

Въ галицкой пѣснѣ поется: «зъ той слизоньки ясна керничка» (Гол., т. II, стр. 40). Въ рѣкѣ Дунаѣ, возникшемъ изъ слезы св. Николая, купается Іисусъ; въ криницѣ пресв. Богородица бѣлитъ ризы.

Къ св. Николаю часто обращаются въ заговорахъ, напримѣръ: «святителю Миколаю, угодниче Божій, помошнику скорый! допоможи мени ласкою своею небесною вымовити и выговорити и соячныци, и веретильныци, и заспани, и наслани, и ранніи, и пизніи (Чуб., т. I, стр. 114).

31.

Св. Георгій.

Литературная исторія христіанской легенды о св. Георгіи изслѣдована проф. А. И. Кирпичниковымъ въ диссертаціи: «Св.

[1]) *Петровъ*, Опис. рукоп. церк.-арх. музея, т. II, стр, 420.
[2]) *Безсоновъ*, Калѣки перехожіе, т. III, стр. 762.

Георгій и Егорій храбрый» 1879 г. и акад. А. Н. Веселовскимъ въ обширной статьѣ «Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ», напечатанной въ 1 кн. 37 тома Записокъ Академіи Наукъ 1880 г. Можно сказать, что эти два изслѣдованія исчерпали содержаніе сказаній и пѣсенъ о св. Георгія, какъ русскихъ, такъ и западно-европейскихъ, и другимъ ученымъ остается только ограничиваться отдѣльными замѣчаніями при нахожденіи вновь открываемыхъ рукописныхъ списковъ житія св. Георгія. Такъ И. В. Ягичъ, напечатавшій въ одной изъ послѣднихъ книжекъ Архива слав. филологіи сербскій изводъ житія св. Георгія, ограничивается краткими комментаріями и отсылаетъ при этомъ читателя къ изслѣдованіямъ А. И. Кирпичникова и А. Н. Веселовскаго.

Сказанія, пѣсни и повѣрья о св. Георгіи распространены во всѣхъ христіанскихъ странахъ, въ особенности на Кавказѣ и въ Великороссіи. Въ Малороссіи св. Георгій входитъ изрѣдка въ народные разсказы и пѣсни, и только въ народныхъ повѣрьяхъ, преимущественно въ дневникѣ, св. Георгій занимаетъ видное мѣсто.

Образъ св. Георгія воина, поражающаго змѣя, отразился въ народной поэзіи въ представленіи св. Юрка въ видѣ козака, съ копьемъ и саблей, расправляющагося съ пьянымъ бѣсомъ (Весел., стр. 150). Въ галицко-русской колядкѣ:

Самъ святый Юрій коникомъ игравъ,
Коникомъ игравъ, шабельковъ звивавъ.
(Голов., т. III, стр. 20).

Другое обычное представленіе св. Георгія въ малорусскихъ народныхъ разсказахъ въ видѣ старика. Въ винницкомъ уѣздѣ, подольской губерніи, разсказываютъ, что одинъ путникъ, ѣхавшій наканунѣ Юрьева дня ночью подъ лѣсомъ, замѣтилъ въ лѣсу огонекъ. Онъ поѣхалъ на огонь и вскорѣ увидѣлъ человѣка, убѣленнаго сѣдинами; передъ нимъ горитъ свѣча, а вокругъ него волковъ видимо невидимо» (Чуб., т. I, стр. 171).

Во всей Россіи, въ частности въ Малороссіи, Юрій—покровитель животныхъ, въ особенности рогатаго скота (Чуб., т. I, стр. 51—52). Въ харьковской губ. народъ поститъ 23 апрѣля, «щобъ Егорій скотину спасъ отъ звиря» (Харьковск. Сборникъ, вып. I, 1887 г., стр. 76). Въ особенную близость къ Юрію поставляются

волки: «Святый Юрій звиря пасе»; волкъ—«Юрова собака» (Номисъ, стр. 10). Юрій назначаетъ, какую крестьянскую корову высъѣсть волку (Чуб., т. II, стр. 7). На Юрьевъ день впервые выгоняютъ въ поле скотъ, совершивъ моленія, иногда гонятъ его освященной вербой (Терещ., бытъ рус. нар., т. VI, стр. 29). Подобнаго рода обычаи и повѣрья встрѣчаются у болгаръ, грековъ и кавказскихъ горцевъ (Веселов., Зап. Акад. н., т. 37. стр. 6 и др.).

Юрьевъ день не только пастушескій, но и земледѣльческій праздникъ, что объясняется сельско-хозяйственными условіями: около Юрьева дня, во второй половинѣ апрѣля, крестьяне сѣютъ овесъ и гречку, и вообще это время есть начало, а осенній Юрій конецъ всѣмъ полевымъ работамъ. Праздникъ св. Георгія бываетъ весною, въ которой языческое міросозерцаніе издавна установило цѣлый рядъ обрядовъ и повѣрій; кое-что изъ языческой обрядности сохранилось до настоящаго времени, впрочемъ весьма немного, большая же часть связанныхъ съ весеннимъ Юріемъ повѣрій и обрядовъ имѣетъ чисто бытовой сельско-хозяйственный характеръ. Св. Георгій вошелъ въ разнообразные религіозно-миѳическіе обряды. Такъ у галицкихъ гуцуловъ и подгорянъ весной «палятъ Юрка», что соотвѣтствуетъ малорусскому обычаю сожигать весной символизирующее зиму чучело Марену или Мару (Весел., стр. 99); у малороссіянъ Юрій, какъ весенное божество—громовникъ, отмыкаетъ небо и посылаетъ росу, а у чеховъ отмыкаетъ землю, чтобы трава росла (ib. стр. 97); въ великорусскихъ и малорусскихъ суевѣріяхъ св. Георгій поставляется иногда въ связь съ явленіемъ грозы и сближается съ св. Ильей (ib. стр. 86). Въ малорусскомъ народномъ повѣрьѣ, записанномъ въ ушицкомъ уѣздѣ, подольской губерніи, фазы луны происходятъ отъ того, что тамъ заслонка, которую Юрій постоянно то опускаетъ, то поднимаетъ (Чуб., т. I, стр. 9). А. Н. Веселовскій указалъ на сходныя болгарское и польское повѣрья (стр. 931—133). Св. Георгій часто встрѣчается въ заклинаніяхъ, напримѣръ въ заговорѣ отъ волковъ: «Молюся Богу, Матери Божій, св. Георгію, хортивъ припынающему» (Ефим., стр. 48). Въ другомъ заговорѣ отъ волковъ: «засикаю отъ юрьевыхъ собакъ» (Ефим., стр. 50). Въ заговорѣ отъ бѣльма: «Ѣхавъ св. Юрій на вороныхъ коняхъ, на четырехъ колесахъ; кони разбѣглись; колесы роскотились по синёму морю, по чистому полю» (Ефим., стр.

9). Въ заговорѣ отъ червей: «Ѣхавъ св. Юрій на бѣлому конѣ черезъ лѣсъ, а за нимъ бѣгло три псы» (Ефим., стр. 20).

32.

Св. Меланія.

Канунъ новаго года у малороссовъ называется «Меланкой», по имени преп. Меланіи римлянки. Тоже и въ Галиціи; но у галицкихъ поляковъ день этотъ носитъ названіе Сильвестръ, по имени чествуемаго въ этотъ день латинской церковью папы Сильвестра (Kolberg, Porucie, т. I, стр. 121). У русиновъ «Меланка» день обрядный и пѣсенный. Въ этотъ день одинъ какой либо парень, молодой, безъ растительности на лицѣ, одѣвается въ женскій костюмъ и называется Меланкой, другой называется Василькомъ, а третій Дѣдомъ. Послѣдній подвѣшиваетъ искусственную бороду, усы, горбъ, опоясывается соломеннымъ поясомъ и къ боку привѣшиваетъ деревянную саблю. Эта веселая компанія въ сопровожденіи скрипача ходитъ по селу и щедруетъ подъ окнами. Домохозяева даютъ хлѣбъ мѣхоношѣ и бросаютъ мѣдныя деньги (крейцеры) въ передникъ Меланки. Если колядовщики ничего не получаютъ, то Дѣдъ вскакиваетъ въ хату, разливаетъ воду, опрокидываетъ горшки, корпаетъ печь и затѣмъ быстро убѣгаетъ подъ защиту товарищей. Любопытны мѣстныя галицкія особенности празднованія Меланки. Подъ Коломыей парубокъ дѣлаетъ изъ дерева фигурки разныхъ животныхъ, преимущественно бычковъ, иногда солнце и мѣсяцъ, носитъ ихъ по домамъ, показываетъ дѣтямъ и получаетъ за то подарки отъ ихъ родителей; затѣмъ уже слѣдуетъ хожденіе Меланки, причемъ являются добавочныя маски, цыганъ, коза, жандармъ и жолнѣръ. Меланка входитъ иногда въ хату, выметаетъ ее, моетъ полы и шутки ради исполняетъ другія женскія домашнія обязанности. Обычай «Меланки» огрубѣлъ и сталъ падать. Меланка и ея спутники, въ особенности Дѣдъ, стали красть, и потому полиція стала преслѣдовать этотъ выродившійся обычай (Kolberg, т. I, стр. 121—129). Съ хожденіемъ Меланки иногда связывается глубоко древній обычай таскать плугъ по хатамъ, образное паханіе и разбрасываніе хлѣбныхъ зеренъ (Голов., т. III, стр. 145). Обрядъ Меланки живетъ еще на Поднѣстровьѣ; въ остальной Малороссіи обрядъ этотъ,

повидимому, не встрѣчается, но пекутся блины, поются щедривки, сходныя съ тѣми, которыя поются въ Галиціи. Великорусскія повѣрья и пѣсни не знаютъ Меланки. А. Н. Веселовскій, высказывая предположеніе, что галицкія пѣсни о Меланкѣ и самый обрядъ захожія, сближаетъ Меланку съ западно-европейской Бертой. «Берта, олицетвореніе рождественскаго цикла, обходитъ людей въ дни, посвященные ея чествованію и требуетъ ихъ соблюденія; не то она наказываетъ непослушныхъ, оскверняя пряжу работницъ, грозя работнику, у котораго пахатный снарядъ не въ порядкѣ, какъ въ галицкомъ обрядѣ Меланка производитъ безпорядокъ въ хозяйствѣ, мотивированный ея неумѣлостью. Что хозяйки (въ Галиціи) прячутъ отъ нея посуду, вѣники и т. д., это отвѣчаетъ требованію Берты въ нѣмецкихъ преданіяхъ о ней, чтобы все было прибрано. Плугъ также является въ окруженіи Берты, какъ въ обрядѣ на Меланку. Первая представляется то милующей, то карающей, то свѣтлой, то черной; иногда ее замѣняетъ въ разсказахъ Богородица, и нѣмецкіе изслѣдователи указывали на параллелизмъ между представленіями Schwarze Bertha и черными византійскими изображеніями св. Дѣвы. Меланія является новымъ и болѣе вѣскимъ мотивомъ такого сближенія: Меланія означаетъ черная; она—Schwarze Bertha; обѣ привязаны къ одному и тому же праздничному циклу» (Зап. Акад. Наукъ, т. 37, кн. 2, стр. 196). Всѣ эти сопоставленія мало убѣдительны, и я не нахожу достаточнаго повода для сближенія Меланки съ Бертой ни въ обрядности, ни въ названіи Меланки. Я думаю, что Меланка явилась, какъ дополненіе къ св. Василію, чествуемому перваго января, подобно тому, какъ въ Великороссіи Аграфена Купальница является при Иванѣ Купалѣ, причемъ ближайшимъ поводомъ было самое имя Меланіи, но только не въ греческомъ его значеніи, котораго простой малорусскій народъ не знаетъ, а въ народномъ украинскомъ, отъ слова милая, въ значеніи хорошая, красивая. Въ галицкихъ пѣсняхъ мы постоянно встрѣчаемъ Меланку, при томъ въ такихъ характерныхъ сочетаніяхъ съ именемъ Василія и съ такими характерными эпитетами:

Красная Меланка,
Еще крашшій Васильчикъ

—

Красная Меланка
Качури пасла,
Докъ не стало вечерѣти,
Зоря не згасла;
Качурича загубила,
Шукаючи зблудыла,
Выблудыла въ чисте поле,
Тамъ іи Васильчикъ оре.

—

Чесна, красна Меланка,
А ще кращшій Василько.
Ой, Васильку, Васильку,
Чи любишъ ты Маланку?
(Голов., т. III, стр. 144—140).

—

Ой, черчику Васильчику,
Чи любишъ ты нашу Маланочку?
Люде идуть на жниву,
А Маланка зъ Васылемъ до корчмы на пиво;
Люде нажали по сто кипъ,
А Маланка зъ Васылемъ лишъ одинъ снипъ
(Kolberg, т. I, стр. 123).

Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь олицетвореніе двухъ дней, по сопредѣльности ихъ, съ именами святого и святой, и перенесеніе этихъ олицетвореній въ разрядъ любовныхъ пѣсенъ праздничнаго рождественскаго цикла.

33.

Листъ небесный, или Эпистолія о недѣлѣ.

Въ Журналѣ министер. народ. просвѣщенія 1876 г. А. Н. Веселовскій подробно изложилъ внѣшнюю исторію воскреснаго культа, привелъ цѣлый рядъ легендъ, вызванныхъ этимъ культомъ и подробно разсмотрѣлъ редакціи апокрифическаго «Письма съ неба» или «Эпистоліи о недѣлѣ», преимущественно западно-европейскія. Отсылая читателя къ этому цѣнному изслѣдованію, я остановлюсь только на южнорусскихъ сказаніяхъ о недѣлѣ сравни-

тельно съ извѣстными въ печати сѣвернорусскими и польскимъ текстомъ въ «Лѣтописцѣ» Ерлича.

Древнѣйшее положительное свидѣтельство объ эпистоліи относится къ концу VI вѣка. Около 584 г. карѳагенскій епископъ Лициніанъ упрекалъ въ письмѣ другаго епископа въ излишней довѣрчивости къ отреченному письму. Затѣмъ упоминанія объ эпистоліи встрѣчаются VIII вѣкѣ, въ XII, XIII уже часто.

«Листъ небесный» одинъ изъ самыхъ популярныхъ апокрифовъ въ Россіи, встрѣчается во многихъ народныхъ разсказахъ и въ старинныхъ рукописныхъ сборникахъ. Апокрифъ этотъ изданъ во 2 т. «Памятн. рус. литер.» А. Н. Пыпина по новымъ спискамъ и во 2 т. «Памят. рус. отреч. литер.» Тихонравова по рукописи XVI ст. Г. Франко въ № 9 «Зари» 1886 г. издалъ въ значительной степени отличную южнорусскую редакцію апокрифа, взявъ ее изъ Дрогобицкаго рукописнаго сборника половины XVIII ст. Апокрифъ о недѣлѣ множество разъ переписывался, и между отдѣльными списками обнаруживается различіе по величинѣ и по содержанію. Южнорусская редакція отличается краткостью и сжатостью, сравнительно съ напечатанными у Пыпина и Тихонравова. Содержаніе ея состоитъ въ слѣдующемъ. Листъ небесный—посланіе Іисуса Христа съ неба, которое іерусалимскій патріархъ нашелъ въ церкви на престолѣ. Патріархъ отправилъ это посланіе въ Римъ къ папѣ, а папа къ польскому королю Сигизмунду, чтобы послѣдній сдѣлалъ это посланіе извѣстнымъ въ разныхъ странахъ. Посланіе, написанное золотыми литерами, гласитъ: «Я правдивый Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, той листъ написалъ, а тотъ листъ такую моцъ маетъ, гди его кто читаетъ албо съ пильностью слухаетъ, тому человѣку сто дній отпущеніе грѣховъ будетъ, и которая невѣста беременная, а тотъ листъ при собѣ носити будетъ, то легко отроча породитъ, а въ которомъ дому той листъ будетъ, въ томъ дому нѣчо злого шкодити не будетъ, а ни огнь, ани чары, ани иншіи речи шкодити не можутъ»; затѣмъ слѣдуетъ еще нѣсколько обѣщаній благъ за храненіе и чтеніе листа небеснаго, обѣщаній, повторяющихся и въ другихъ апокрифахъ заклинательнаго свойства, напр. во «Снѣ пресв. Богородицы». Суть разсматриваемаго апокрифа заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Глаголетъ Іисусъ Христосъ: приказую вамъ и объявляю, моцію Бoства своего, абысте

день недѣльный святили и жадныхъ работъ не робили, ани корѣня въ городахъ своихъ не копали и на пожитокъ свой не обертали; тое вамъ приказую, же быстe съ жидами доброволъне не ѣли и не пили, ижъ я правдивый Сынъ Божій той листъ написалъ, а быстe ся добре справовали на томъ свѣтѣ и тому листу вѣрили... Приказую вамъ во вечеръ суботній поперестати отъ всякихъ роботъ, для поцтивости Матки моеи; бо гды бы Матка моя до Бога Отца моего не молила ся, давно быстe погинули. Про то въ недѣлю каждый человѣкъ маетъ ити до церкви на молитву, старіи и молодіи, зъ офѣрами, розмышляючи о грѣсехъ своихъ, а если то для поцтивости Матки моей чинити не будете, буду васъ карати толодомъ и войною строгою, напущу на васъ прузи поганые, которые працю вашу поядятъ... А не хотѣли быстe ся покаяти, то большимъ караніемъ буду васъ карати: побужу короля на короля, мѣсто на мѣсто, пана на пана, одинъ на другого, отца на сына, брата на брата, дщерь на матерь свою, невѣстку на свекруху свою и кровопролитіе будетъ и ненависть межи вами будетъ, а если и по томъ караню не покаетеся..., то перепущу на васъ птахи черные, сромливые, которые прилетаючи будутъ васъ кусати, же и единъ отъ васъ скрыется, и отъ тихъ птаховъ злое повѣтріе начнется, а гды не покаетесь, еще буду васъ карати голодомъ, и нестерпливымъ моромъ, и блискавицею, и градомъ огненнымъ и иншими карностями»...

Сравнивая дрогобицкую редакцію апокрифа съ редакціями, изданными Пыпинымъ и Тихонравовымъ, мы находимъ, что въ южнорусскомъ изводѣ угрозы значительно сокращены и упрощены и совсѣмъ выпущено перечисленіе событій ветхозавѣтной исторіи, совершившихся будто бы въ воскресный день. Затѣмъ южнорусская редакція «Сказанія о недѣли» заключаетъ въ себѣ требованіе почитанія только воскреснаго дня, а великорусскія, кромѣ воскресенья, еще среды и пятницы, что съ особенной отчетливостью сказывается у г. Тихонравова въ слѣдующемъ мѣстѣ апокрифа: «Чтите святую недѣлю, среду и пятокъ; тѣми бо треми дньми земля стоитъ» (т. II, стр. 316). Кромѣ того, въ галицко-русской редакціи нѣтъ проклятія по адресу тѣхъ, кто усумнится въ небесномъ происхожденіи эпистоліи о недѣлѣ.

Дрогобицкая редакція апокрифа проникла въ южную Русь, должно быть, изъ Польши. Она обнаруживаетъ большое сходство съ польскимъ текстомъ «Листа небеснаго», находящимся въ хроникѣ Іоахима Ерлича половины XVII ст. (перепечат. въ 184 т. Журн. мин. народ. просв. 1876 г., стр. 102—103). Сходство настолько значительно, почти буквально, что дрогобицкій «Листъ небесный» можно считать повтореніемъ листа Ерлича, съ небольшими измѣненіями въ отдѣльныхъ фразахъ и словахъ. По замѣчанію же А. Н. Веселовскаго, «подробности польскаго пересказа не только указываютъ на его западный оригиналъ, но и открываютъ въ этомъ оригиналѣ особую разновидность древней эпистоліи, въ которой дѣйствующими лицами являлись папа Левъ III и Карлъ Великій» (т. 184, стр. 103). Западно-европейское, а не византійское происхожденіе дрогобицкаго текста видно далѣе изъ того, что здѣсь не упоминается среда, почитаніе которой отмѣнено было для западной церкви около 300 года на Элиберійскомъ соборѣ и замѣнено почитаніемъ субботы. Въ западныхъ редакціяхъ эпистоліи соблюденіе среды не внушается вѣрующимъ, въ русскихъ это постоянная черта, отличающая вѣроятно и византійскіе пересказы» (Журн. мин. нар. просв. 1877 г., т. 191, стр. 122).

Эпистолія о недѣлѣ оказала вліяніе на народную словесность. Въ малорусскихъ народныхъ разсказахъ «Богъ Недили подарувавъ цей день и сказавъ: «гляди, щобъ люде не робили». Съ початку, кажуть, люде робили и въ недилю, але дуже давно, а теперъ вже не роблять и въ суботу въ вечери, якъ сонце зайде; бо свята недиленька накаже такъ, що Господи»! (Чуб., т. II, стр. 432). Въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи встрѣчается народный разсказъ, что одна молодица пряла въ воскресенье. Въ хату вошла неизвѣстная женщина, «така хороша, якъ сонечко святее, червона, та ясна», пообрѣзывала на рукахъ пряхи кожу и повѣсила ее на прялку (Чуб., т. II, стр. 433). Нѣсколько лѣтъ назадъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» въ фельетонѣ «Изъ Волыни» напечатанъ волынскій разсказъ о Недѣлѣ, въ вольной литературной передачѣ корреспондента. Суть его въ томъ, что одному крестьянину, ѣхавшему въ воскресный день изъ города въ село, встрѣтилась какая-то женщина, предлагавшая ему покормить лошадей сѣномъ, которое она указала подъ кустомъ, называя это сѣно Божіимъ, а себя посредницею

между Богомъ и людьми, дающею послѣднимъ все необходимое. Подъ конецъ разговора женщина на вопросъ крестьянина объ ней назвала себя святою «Недилею» и, показавъ скрытое подъ вуалью лице, изрытое глубокими язвами, пояснила, что это раны, нанесенныя ей людьми, не почитающими ее, работающими, пьянствующими и безчинствующими въ день, ей посвященный, и т. д.

Воскресный культъ выразился также въ народныхъ пѣсняхъ, напримѣръ, въ исторической пѣснѣ о плѣнѣ и ослѣпленіи Коваленка татарами:

Ой въ недилю рано—пораненько
Тай избиравъ женцивъ Коваленко...
Ой повивъ женцивъ доломъ-долиною
А на тую пшеныченьку на озимую.

Пошелъ Коваленко обѣдать; въ это время ворвались татары, схватили Коваленка, связали и ослѣпили его. Коваленко говоритъ:

Десь же мене та Господь покаравъ,
Що я въ недилю женци позбиравъ,
У недилю до схидъ сонця поснидати давъ.
Ой десь мене Господь Богъ не простивъ,
Що я у недилю серпы позубивъ.

Въ варіантахъ Коваленко проситъ Бога:

Дай же ми, Боже, недили диждати,—
Буду я знати, якъ святковати.
(Ант. и Драг., Ист. пѣс. т. I, стр. 79—93).

Воскресный культъ выразился также въ приведенной уже нами однажды галицко-русской царинной пѣснѣ «Війте, дѣвойки». Здѣсь свѣтлое солнце жалуется Богу, что люди въ воскресный день работаютъ: мужики дрова рубятъ, дѣвушки косу чешутъ (Голов., т. II, стр. 243).

Такъ какъ малорусскія сказанія записаны большею частью въ Галиціи и на Волыни, въ областяхъ, гдѣ нѣмецкая колонизація издавна свила себѣ гнѣздо и послѣднее время сильно развилась, и такъ какъ въ малорусскихъ сказаніяхъ Недѣля обнаруживаетъ сходство съ западно-европейской сказочной Бертой, то можно было бы

предположить вліяніе западныхъ сказаній о Бертѣ, которая, подобно малорусской Недѣлѣ, обходитъ дома въ дни, посвященные ея чествованію, и наказываетъ тѣхъ, кто работаетъ, особенно пряхъ. Предположеніе это однако представляется ненужнымъ, такъ какъ малорусскія народныя сказанія о Недѣлѣ находятъ достаточное объясненіе въ Эпистоліи о недѣлѣ или Листѣ небесномъ и затѣмъ въ значительной степени опираются на этимологическое значеніе самого слова Недѣля отъ слова не дѣлать, какъ олицетвореніе праздничнаго досуга.

34—35.

Сказанія о пятницѣ и сказанія о двѣнадцати пятницахъ.

Почитаніе пятницы идетъ изстари. Въ «Жизни Константина», сочиненіи епископа кесарійскаго Евсевія Памфила († 340), уже внушается соблюденіе пятницы (Журн. минист. нар. просв. 1876 г., т. 185, стр. 326). Христіанское уваженіе къ пятницѣ, какъ дню, освященному воспоминаніемъ о смерти Спасителя, осложнилось и развилось подъ вліяніемъ неугасшихъ языческихъ представленій о пятницѣ, какъ о днѣ, посвященномъ богинѣ весны и плодородія. Въ Россіи почитаніе пятницы отразилось въ обрядахъ, сказаніяхъ, пѣсняхъ и повѣрьяхъ. Во многихъ мѣстностяхъ русскаго царства, говоритъ Аѳанасьевъ, по пятницамъ бабы не прядутъ, не варятъ щелока, не стираютъ бѣлья, не выносятъ изъ печи золы, а мужики не пашутъ и не боронятъ, почитая эти работы въ означенный день за большой грѣхъ». (Поэт. воззр. слав., т. I, стр. 231). Почитаніе пятницы не ограничилось общимъ характеромъ воздержанія отъ работы въ этотъ день, но развилось подъ вліяніемъ зашедшихъ изъ чужихъ странъ литературныхъ сказаній о 12 пятницахъ въ почитаніе временныхъ или именныхъ пятницъ, приходящихся передъ большими годовыми праздниками, а въ Великороссіи, по бытовому развитію обычая, выразилось въ формѣ обѣтныхъ пятницъ, когда по случаю какихъ-либо несчастій даютъ обѣтъ постить и праздновать пятницы. Важнымъ значеніемъ народныхъ сказаній и повѣрій о пятницѣ обусловлено появленіе цѣлаго ряда научныхъ изслѣдованій по этому предмету, изъ коихъ мы здѣсь сошлемся на статью гг. Порфирьева въ «Правосл. Собесѣд.» 1859 г., Некрасова въ «Филол. Зап.» 1870 г. и А. Веселовскаго въ Журн. минист. народ.

просв. 1876 г., причемъ особенно цѣннымъ является обширное изслѣдованіе г. Веселовскаго. Не имѣя желанія отклоняться въ сторону отъ предмета изслѣдованія—южно-русскихъ сказаній и пѣсенъ, я остановлюсь только на украинскихъ сказаніяхъ и пѣсняхъ о пятницѣ.

Въ XI ст. преп. Θеодосій печерскій писалъ къ великому князю Изяславу: «аще кто отречеся въ среду или въ пятницу мясъ не ясти, добро, вельми полезно не ясти. Не я сего завѣщаю; но святіи апостоли; тако бо законъ положиша, да всякъ крестьянинъ постится въ середу и въ пятницу... въ середу бо жидове совѣтъ сотвориша на Іисуса и въ пятокъ распяша Господа». Это древнѣйшее въ южной Руси внушеніе о соблюденіи пятницы пало на добрую почву. Уваженіе къ пятницѣ въ народѣ съ теченіемъ времени росло; въ частности укрѣплялась идея о необходимости поста въ пятницу, особенно развившаяся въ сѣверной Руси. Въ Духовномъ Регламентѣ, составленномъ Θеофаномъ Прокоповичемъ, родившимся и проведшимъ молодость въ Малороссіи, говорится: «Слышится, что въ Малой Россіи, въ полку стародубскомъ, въ день уреченный праздничный водятъ жонку простовласую подъ именемъ пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ (если то по истинѣ сказуютъ) и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и съ упованіемъ нѣкоей пользы». Обыкновеніе водить торжественно женщину или дѣвушку подъ тѣмъ или другимъ названіемъ несомнѣнно языческое. Оно въ разныхъ видоизмѣненіяхъ встрѣчалось и теперь еще встрѣчается у славянскихъ народовъ, великоруссовъ, болгаръ, сербовъ. Подобнаго рода обыкновеніе, по свидѣтельству Стоглава, встрѣчалось въ Великороссіи въ XVI ст. У сербовъ и болгаръ водятъ Додолу или Дюдюлъ. Появленіе въ роли странствующей женщины Пятницы доказываетъ ея важную роль въ народномъ міровоззрѣніи.

Свидѣтельство Θеофана Прокоповича о культѣ пятницы въ Малороссіи находитъ фактическое подтвержденіе въ одномъ оффиціальномъ дѣлѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, извлеченномъ изъ архива полтавскаго губернскаго правленія г. Бакаемъ и напечатанномъ имъ въ «Кіевской Старинѣ» 1885 г., т. XII, стр. 845—747, подъ заглавіемъ «Городничій и св. Пятница». Такъ какъ въ этомъ «дѣлѣ» обнаруживаются весьма характерныя вѣрованія о пятницѣ, то мы здѣсь повторимъ въ короткихъ словахъ любо-

пытную замѣтку г. Бакая». Во время первой холеры въ 1831 г. среди жителей Золотоноши распространился слухъ, что на полѣ во ржи въ образѣ женщины явилась св. Пятница въ бѣлой намиткѣ, съ распущенными волосами (у Ѳеофана Прокоповича пятница—простовласая). Повалилъ народъ смотрѣть св. Пятницу; пошелъ по своей охотѣ и человѣкъ городничаго. Пятница велѣла ему передать городничему, чтобы тотъ немедленно явился къ ней. Разростаясь, молва добавляла, что городничій поѣхалъ, и Пятница сказала ему: «смотри городничій, вотъ жито прекрасное, да некому будетъ его жатъ! Не чтутъ меня, св. Пятницы, и за то Богъ послалъ на людей моръ. Не допускай и ты работать, а то и тебѣ не избѣжать смерти». Городничій увѣщевалъ жителей не вѣрить этому нелѣпому слуху: но слухъ разростался, и въ ближайшую пятницу явилось опасное къ нему дополненіе, что десятскіе по приказу городничаго бьютъ и гонятъ всѣхъ вышедшихъ на работу. Опасаясь народнаго волненія, городничій доноситъ полтавскому губернатору о всемъ случившемся и проситъ у него надлежащихъ распоряженій. Губернаторъ рекомендовалъ городничему, во первыхъ, просить помѣщиковъ дать при полиціи по 20 розокъ крестьянамъ, выновнымъ въ распусканіи слуховъ о появленіи Пятницы и, во вторыхъ, просить золотоношскаго протоіерея распорядиться, чтобы священники выяснили народу, «сколь грѣшно передъ Богомъ предаваться подобному суевѣрію и вредно для себя». Крестьянъ не сѣкли, частью по случаю горячей рабочей поры, частью, должно быть, потому, что сами помѣщики вѣрили этому слуху. Священники сказали надлежащія проповѣди; но слухъ о явленіи св. Пятницы прекратился лишь постепенно, съ прекращеніемъ холеры. Такъ пр-о глянуло, говоритъ г. Бакай, въ этомъ случаѣ древнее народное представленіе о пятницѣ, какъ о богинѣ плодородія; она помѣщается въ растущемъ хлѣбѣ и оттуда заявляетъ, что хлѣба некому будетъ жать, такъ какъ за непочтеніе ея, св. Пятницы, Богъ послалъ на людей моръ».

Народныя сказанія о Пятницѣ сходны, а иногда тождественны съ сказаніями о Недѣлѣ. Св. Пятница, какъ и Недѣля, ходитъ по хатамъ и наказываетъ работниковъ и особенно пряхъ. Она бросила однажды въ окно цѣлый пучекъ веретенъ и приказала прядущей дѣвушкѣ запрясть ихъ въ одну ночь. Дѣвушка схитрила; она на-

мотала на одно веретено нитку, на другое нитку, намотала такъ на всѣ, выбросила ихъ за окно и затворила двери и окно плотно («Кіев. Стар.» 1885 г., т. IX, стр. 187). Въ другомъ мѣстѣ Пятница обрѣзала кожу на пальцахъ пряхи и повѣсила эту кожу на прялку. Иногда она корчитъ пальцы пряхамъ (Чуб., т. I, стр. 217). Подобнаго рода отношеніе къ пряхамъ обнаруживаетъ въ западноевропейскихъ сказаніяхъ Берта. Запретъ пряжи вездѣ является существенной чертой сказанія или повѣрья, запретъ, обусловленный тѣмъ, что пряжа въ народной словесности служитъ символомъ домашняго женскаго труда. Пятницѣ народное суевѣріе приписываетъ вліяніе на смерть. Такъ, въ одной малорусской сказкѣ говорится о томъ, какъ пятница предоставила одному крестьянину возможность жить въ теченіи 200 лѣтъ, а затѣмъ отобрала жизнь и отослала душу умершаго въ адъ (Чуб., т. II, стр. 428). Здѣсь мы должны указать на одинъ духовный стихъ въ рукописномъ сборникѣ И. И. Манжуры, «Стихъ Пятныци», повторяющій духовный стихъ Остапа Вересая про «Пустельника и Пятныцю» (стр. 32) и представляющій простой пересказъ на малорусскомъ языкѣ великорусскаго духовнаго стиха, напечатаннаго въ 13 варіантахъ въ «Калѣкахъ перехожихъ» Безсонова, т. XI, стр. 160—174. Очень сходные варіанты этого стиха записаны въ новгородской, пермской, тверской, олонецкой, симбирской, псковской, орловской и рязанской губерніяхъ. Малорусское переложеніе гласитъ:

А въ пустыни трудовникъ трудився,
Не влада ни руками, ни ногами,
А ёму во сни Пьятинка явилась,
Хрестомъ ёго оградила,
Свичею освѣтила,
Словесами ёго огласила,
И во сни ёго испросила:
А вставай, рабе божій, чоловиче,
Пиды, рабе божій, по всимъ свиту,
Закажи, рабе, всимъ женамъ,
Щобъ у пятницю пыломъ не пылили,
А въ суботу платя не золили,
Въ воскресный день въ церковь ходили,
Богу свичу становили,

И на святи церкви покладали,
Нищую братію награждали.
Молитеся Богу со слезами,
Низкіи поклоны склоняйте,
Божіи молитвы сотворяйте,
А братъ брата почитайте,
Сестра сестры не понижайте,
Отець-мати дитей не кляните,
А жидами-врагами не зовите.
Бо жиды не вирныи...

Далѣе слѣдуетъ еще нѣсколько стиховъ, вырванныхъ изъ духовнаго стиха, какъ жиды Христа мучили. Начало стиха, гдѣ говорится о безногомъ «трудовникѣ», возникло подъ вліяніемъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ въ Великороссіи, и уже отсюда проникло въ малорусское населеніе. Гораздо полнѣе и точнѣе былевой эпизодъ о дѣтствѣ Ильи и полученіи имъ силы отъ калѣкъ перехожихъ переданъ въ малорусскомъ народномъ разсказѣ объ Ильѣ пророкѣ, записанномъ И. И. Манжурой въ селѣ Алексѣевкѣ, александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи. Разсказъ этотъ состоитъ изъ двухъ разнородныхъ частей сказанія объ Ильѣ и сказанія о разбойникѣ-кровосмѣсителѣ. Послѣднее сказаніе имѣетъ довольно обширную научную литературу (см. Драгом., Малор. народ. преданія, стр. 131). Мы приводимъ здѣсь этотъ любопытный разсказъ объ Ильѣ пророкѣ, во первыхъ, по новизнѣ его первой части, и во вторыхъ по историко-литературному интересу второй его части, какъ варіантъ широко распространеннаго сказанія о кровосмѣсителѣ:

«Илья пророкъ тридцать симъ годъ живъ у батька и въ матери; та такъ ёму було, шо руки та ноги позростались и не можна ёму було встати, або питы куды. Отъ якъ выйшло ёму тридцать симъ годъ, приходять до ёго Богъ та св. Петро, а батько та мати десь на ныви жали, та й кажуть ёму: устань! Та я́къ и уставъ, такъ не можу.—Пидводься.—Ставъ винъ пидводыться—ноги окриплы. Пидійми руки.—Пиднявъ винъ руки у гору, вони и розигнулись. Ну, теперъ принеси намъ напиться.—Винъ пишовъ принисъ.—Пый, кажуть.—Винъ напився.—А шо, теперъ чуешь силу?—Чую, каже.—Яку?—Та увесь свитъ бы повернувъ.—Ну, буде съ тебе и третины, иди, батькови помагай.—Отъ Богъ та св. Петро пишли соби дали,

а Илья пророкъ пишовъ до батька на ниву. Та йде писками, а дубы таки страшенни стоятъ, то винъ ихъ и валя, а батько та мати якъ побачили—то, кажуть, нашъ Илья пророка иде, та зъ ляку и повмирали, а Илья пишовъ у розбойники и стильки винъ народу перебивъ, що и счету нема; а разъ убивъ чоловика за пьять копіёкъ, та такъ ёму стало, що пишовъ каятись.—Приходе до попа.—Наложи покуту.—Бий, каже, поклоны, а шо людей ризавъ, то ничого, бо и на війни рижуть ще більшъ.—Винъ взявъ та того попа й убивъ. Пишовъ до другого, и другий такій-жъ; винъ и того вбивъ. Пишовъ до третёго, такъ той взявъ его та у лёхъ и заперъ. Пидешъ ты, каже, тутъ водою ажъ у Русалимъ. Якъ заперъ тай ключики у море закинувъ. Отъ разъ невидныки ловили рыбу, та й піймали щуку, роспустили кишки, ажъ тамъ ключи, понесли до попа—той изгадавъ, шо у ёго десь сидить на покути Илія пророкъ. Отбили ляду, а винъ вже вмеръ та сидить, якъ живый и письмо въ рукахъ держе. Теперъ ёго мощи у Кыеви—кажутъ и порода друга, не така, якъ теперъ, лежить—тильки не забалака».

Духовный стихъ «А въ пустыни трудовникъ трудився» заимствованъ недавно, что обнаруживается въ слабости стиха. Вполнѣ мѣстной и своеобразной является галицко-русская пѣсня:

Эй скаржилось свитле сонейко,
Свитле сонейко милому Богу:
Не буду, Боже, рано сходжати,
Рано сходжати, свитъ освичати,
Бо зли газдыни понаставали,
Въ пятонку рано хусты зваряли,
А ми на лице золу выливали...

(Голов., т. II, стр. 243).

Здѣсь Пятница, согласно съ общимъ складомъ народныхъ суевѣрій, жалуется на женщинъ, на домохозяекъ; какъ извѣстно, женщины въ особенности внимательно соблюдаютъ пятницкіе праздники и посты, и потому всякое уклоненіе ихъ въ сторону отъ освященнаго вѣками обычая уже вызываетъ неудовольствіе, жалобы и мщеніе со стороны Пятницы.

Сказаніе о двѣнадцати пятницахъ принадлежитъ къ числу тѣхъ апокрифическихъ сказаній, которыя составились на Востокѣ еще въ первые вѣка христіанства и получили широкое распространеніе на католическомъ западѣ и среди православныхъ славянъ, причемъ древнѣйшіе списки сказанія о 12 пятницахъ, французскій и сербскій, относятся къ XIV ст. А. Н. Веселовскій въ IV ч. Опытовъ по исторіи развитія христіанской легенды, въ 185 т. Журн. мин. народ. просв. 1876 г., раздѣляетъ сказанія о 12 пятницахъ на двѣ редакціи: Элевѳерьевскую, извѣстную только по славянскимъ рукописямъ, и Климентовскую, извѣстную по европейскимъ и русскимъ рукописямъ и по русскимъ духовнымъ стихамъ. Разница между этими редакціями обусловливается различнымъ распредѣленіемъ чтимыхъ пятницъ по большимъ праздникамъ, причемъ въ элевѳерьевской группѣ сказаній преобладаютъ воспоминанія ветхозавѣтныя, а въ климентовской группѣ новозавѣтныя. «Русскія редакціи Климентовскаго сказанія, говоритъ А. Н. Веселовскій, представляютъ ту особенность, что соблюденіе пятницъ, распредѣленныхъ по главнымъ годовымъ праздникамъ, связано для каждой изъ нихъ съ обѣщаніемъ вѣрующему особыхъ преимуществъ. Эти преимущества либо обобщены изъ содержанія праздника, которому предшествуетъ та или другая пятница, либо заимствованы изъ области народныхъ примѣтъ и суевѣрій, привязавшихся къ тому или другому дню или времени года». Такъ, первая мартовская пятница соединялась съ памятью объ убійствѣ Авеля, и вотъ соблюдающимъ ее обѣщано сохраненіе отъ напраснаго убійства; ильинская пятница (6, иногда 7, либо 8) сопровождается обѣщаніемъ охранить человѣка, соблюдающаго ее, отъ огня, пламени и грома, и пр. Частнѣе эти особенности означаются въ сказаніяхъ о каждой изъ 12 пятницъ, а такихъ сказаній извѣстно въ печати три: одно напечатано въ «Общерусскомъ Дневникѣ» Петрушевича (Львовъ, 1865 года), другое, записанное въ подольской губерніи Степ. Руданскимъ, напечатано въ «Малороссійскихъ народ. преданіяхъ» Драгоманова, стр. 144—145, третье записанное въ черниговской губерніи отъ кобзаря Павла Братыци, издано во 2 т. Записокъ Юго-Зап. отд. геогр. общ., стр. 116—118. Распредѣленіе и значеніе пятницъ въ этихъ редакціяхъ сказанія различно, а именно:

Первая пятница на первой недѣлѣ великаго поста (Петруш., Руд. и Брат.). Награда: человѣкъ не будетъ убогимъ (Руд.); будетъ сохраненъ отъ «скверности и болизности» (Бр.). Тоже въ великорусскихъ духовныхъ стихахъ въ «Калѣкахъ, т. VI, стр. 132 и др.

Вторая пятница передъ Благовѣщеніемъ (Брат. и Петруш.); Свѣтлымъ Воскресеніемъ (Руд.). Награда—огражденіе отъ скоропостижной смерти. Тоже въ великорусскихъ духовныхъ стихахъ, въ «Калѣкахъ», т. VI, стр. 134 и др.

Третья страстная (Петруш. и Брат.); вознесенская (Руд.). Награда: «не буде смутку мати» (Руд.); избѣгнетъ неправаго суда (Брат.). Въ великорусскихъ стихахъ: сохраненъ будетъ отъ непріятеля и кровопролитія.

Четвертая георгіевская, святодуховская или вознесенская (Петруш.), вознесенская (Брат.), троицкая (Руд.). Награда: не утонетъ (Руд.), сохраненъ будетъ отъ «сумертвленія» (Брат.). Въ великорусскихъ стихахъ: отъ потопленія.

Пятая святодуховская (Петруш. и Брат.), петро-павловская (Руд.). Награда: избавленіе отъ напасти (Руд.), потопа (Брат.) Въ великорусскихъ стихахъ—отъ меча, лѣснаго заблужденія, скорпійнаго змія, зубной боли, лихорадки, смерти непокаянной, потопа, плѣна (Безсон., т. VI, стр. 129—160)

Шестая передъ Петровымъ днемъ или передъ Рождествомъ Іоанна Предтечи (Петруш.), ильинская (Брат.), спасовская (Руд.). Награда: сохраненіе отъ грома (Брат.); «въ грихахъ смертельныхъ не умре» (Руд.). Въ великорусскихъ стихахъ: отъ огня, пожара и грома.

Седьмая успенская или ильинская (Петруш.); успенская (Брат. и Руд.). Награда: охраненіе отъ лихорадки (Брат.); увидитъ передъ смертью пресв. Богородицу (Руд.). Въ великорусскихъ стихахъ: отъ бѣдности, разбойниковъ, потопа, лихорадки, всѣхъ грѣховъ.

Восьмая передъ Усѣкновеніемъ Главы Іоанна Крестителя (Петруш. и Брат.), успенская (Петруш.), или передъ Рождествомъ пресв. Богородицы (Руд.). Награда: охрана отъ враговъ и меча. Въ великорусскихъ стихахъ: лихорадки, нужды, печали, бѣдности.

Девятая воздвиженская или козьмо-демьянская (Петруш. Руд. и Брат.). Награда: не будетъ муки (Руд.), охрана въ дорогѣ (Брат.). Въ великорусскихъ стихахъ: отъ боли головной и зубной.

Десятая по Воздвиженіи или предъ архангеломъ Михаиломъ (Петруш., Руд. и Брат.). Награда: охрана отъ звѣря (Брат.), избавленіе отъ грѣховъ (Руд.). Въ великорусскихъ стихахъ: передъ смертью узритъ Богородицу, избѣгнетъ отъ скоропостижной смерти звѣря.

Одиннадцатая передъ Андреевымъ днемъ или передъ Рождествомъ Христовымъ (Петруш. и Брат.), покровская (Руд.). Награда: въ книгу небесную запишутъ (Руд.), избавленіе отъ напасти (Брат.). Въ великорусскихъ стихахъ: охраненъ будетъ отъ зноблёнои смерти отъ морозу, узритъ Богородицу.

Двѣнадцатая по Рождествѣ Христовѣ или передъ Богоявленіемъ Господнимъ (Петруш., Брат. и Руд.). Награда: охрана отъ вѣтра и лютыхъ морозовъ (Брат.); Господь возьметъ душу на небо (Руд.). Тоже и въ великорусскихъ стихахъ.

Сравнительный обзоръ великорусскихъ и малорусскихъ духовныхъ стиховъ о 12 пятницахъ обнаруживаетъ большое между ними сходство, почти тождественность, и съ значительной долей вѣроятности можно сказать, что въ Малороссіи повторяются великорусскіе духовные стихи о 12 пятницакъ, при отсутствіи мѣстныхъ и своеобразныхъ. По крайней мѣрѣ, можно положительно утверждать, что псальма про 12 пятницъ Павла Братыци зашла на югъ изъ сѣверной Россіи, такъ какъ самый языкъ псальмы мѣстами, особенно въ концѣ, сохраняетъ вполнѣ великорусскій складъ, напримѣръ:

Встаньте вы, братья, да и послушайте,
Приходить вы, братья, ко святой церкви,
Создавайте вы милостыню неосужденную, незговоренную;
Зговорена милостыня не польза души.

Въ великорусскомъ варіантѣ стиха, записанномъ въ орловской губерніи, читаемъ:

Друзья-братія, подавайте милостыню незаговоренную,
Незаговорную и незаклеветенную
(«Калѣки перехожіе» т. VI, стр. 143).

Псальма Братыци оканчивается словами, что изъ ребенка, зачатаго въ одну изъ перечисленныхъ пятницъ, выйдетъ воръ и разбойникъ. Слова эти повторяются въ десяти варіантахъ великорус-

скаго духовнаго стиха о 12 пятницахъ, изъ общаго числа 12 варіантовъ, напечатанныхъ въ VI вып. «Калѣкъ перехожихъ».

36—38.

Стихи о грѣшной душѣ. Адъ. Рай.

Въ числѣ древнихъ апокрифовъ встрѣчается «Хожденіе ап. Павла по мукамъ», иначе называемое «Откровеніе апост. Павла», «Слово о видѣніи апост. Павла» или просто «Видѣніе апост. Павла». Апокрифъ этотъ былъ уже сильно распространенъ въ IV вѣкѣ. Въ средніе вѣка онъ пользовался большой популярностью. Ближайшее сходство съ «Павловымъ видѣніемъ» имѣетъ «Видѣніе Филиберта» X в. Данте говоритъ о сошествіи апост. Павла въ адъ во второй пѣснѣ «Божественной Комедіи». Въ Россію «Видѣніе апост. Павла» проникло изъ Византіи черезъ южно-славянскія земли, привилось на русской почвѣ и пустило глубокіе корни въ народную словесность. «Видѣніе апост. Павла» распадается на три части, и каждая изъ нихъ имѣетъ важное и самостоятельное значеніе въ исторіи русской, въ частности въ исторіи южно-русской народной словесности.

Въ первой части, превосходной по мысли и изложенію, солнце, мѣсяцъ и земля жалуются Богу на беззаконія человѣка. Богъ говоритъ, что за дѣлами людей слѣдятъ ангелы. Богъ не караетъ людей, потому что они могутъ еще покаяться. Этотъ апокрифическій мотивъ нашелъ мѣсто въ народной поэзіи, въ великорусскихъ, преимущественно раскольничьихъ духовныхъ стихахъ о плачѣ земли и въ разсмотрѣнной уже нами галицко-русской царинной пѣснѣ «Війте дѣвойки». Кромѣ того, я ранѣе уже указалъ, что этотъ мотивъ выразился въ одномъ изъ посланій Іоанна Вишенскаго.

Во второй части «Видѣнія апостола Павла» ангелъ показываетъ апостолу Павлу души праведныхъ и грѣшныхъ послѣ смерти. Ангелъ осторожно беретъ душу праведнаго и говоритъ ей: «душе, познай свое тѣло, отнюду же изыде, достоитъ ти паки обратитися», затѣмъ онъ оберегаетъ ее въ небесныхъ мытарствахъ. Грѣшная душа, вышедши изъ тѣла, встрѣчаетъ демоновъ; добрые ангелы сторонятся отъ нея, проклинаютъ ее, потому что душа эта заботилась на землѣ только о ѣдѣ и питьѣ и грѣшила (Тихонравов., т. II,

стр. 42—45). Выдающійся мотивъ второй части апокрифа—разставаніе души съ тѣломъ—развитъ въ византійскомъ житіи Василія Новаго. Этотъ мотивъ повторяется во многихъ письменныхъ устныхъ памятникахъ русской словесности, чаще всего въ синодикахъ, или поминальныхъ книжкахъ. и въ духовныхъ стихахъ о Лазарѣ и о грѣшной душѣ. Небольшой духовный малорусскій стихъ о разставаніи души съ тѣломъ находится въ сборникѣ пѣсенъ Вересая (стр. 22), стихъ безцвѣтный.

Въ одномъ варіантѣ стиха о Лазарѣ душу праведнаго ангелы берутъ изъ тѣла осторожно, «изъ тиха тихенько», а душу грѣшнаго демоны берутъ «ливымъ бокомъ зализнымъ крюкомъ» (рукоп. сборн. Манжуры). Эти подробности представляютъ общее мѣсто въ духовной письменности и въ миніатюрахъ, напримѣръ, въ миніатюрахъ праведныхъ во 2 т. «Историч. очерковъ» Ѳ. И. Буслаева (Рис. къ л. л. 121, 151, 153). Въ великорусскихъ духовныхъ стихахъ праведную душу вынимаютъ ангелы «честно и хвально въ сахарны уста», а грѣшную берутъ демоны «нечестно и нехвально скрозь реберъ его». Малорусскій стихъ о Лазарѣ повидимому подвергся вліянію великорусскихъ пѣсенъ этого рода, а варіантъ г. Манжуры представляетъ близкое по содержанію переложеніе великорусскихъ духовныхъ стиховъ о богатомъ и Лазарѣ. Лучшія малорусскія пѣсни о грѣшной душѣ записаны въ Галиціи. Такъ въ одной галицкой щедровкѣ Господь съ ключами въ рукахъ:

Рай видмыкае,
Души впускае.
Ено едной не допускае,
Що отця, матерь
Не за що мае,
Старшого брата
Позневажала,
Старшу сестройку
Споличковала... (Гол., т. II, стр. 158).

Въ другой галицко-русской пѣснѣ, попавшей въ сборникъ г. Головацкаго въ отдѣлъ думъ господарскихъ и скотарскихъ, поется: «попидъ небомъ е стежейка». По этой дорожкѣ пришли къ раю двѣ праведныхъ души и одна грѣшная. Св. апостолъ Петръ отперъ

райскія двери и пропустилъ праведныя души, а грѣшную завернулъ назадъ. Божія Матерь проситъ Спасителя пустить грѣшную душу въ рай: «най тамъ буде хочъ изъ краю». Но Спаситель отказалъ Богоматери въ просьбѣ, потому что душа очень грѣшная:

Вона до церкви не ходила,
Поклонъ нигды не вдарила,
А ни посту не постила,
А на брата чары брала,
А на сестру мечь зрывала (стр. 235).

—

...въ пятницу танцёвала,
Въ субботу ся не вмывала,
А въ недѣлю поснѣдала,
Тай до церкви не ходила (стр. 236).

Въ галицко-русской колядкѣ:

Ой въ раю, въ раю Ангели граютъ.
Лемъ святый Петро тако й не грае,
Бо его мати ажъ на днѣ въ пеклѣ.
«Позвѣдуй же ся та й святый Петре,
Та й святый Петре своей маточки!
Ци сила дала во имья Боже»?
«Эй я не дала, лемъ пивъ-повисма,
Лемъ пивъ-повисма, пивъ-плосконного».
Складуй же ты ихъ до волокенця,
Подай же ты ихъ на дно до пекла,
Ой стане она ся того хапати».
Подавъ же Петро на дно до пекла.
Стала она ся того хапати,
Стали ся на ню душки вѣшати,
Стала ся она отриповати:
«Эй гетьте, гетьте: бо вы не дали,
Бо вы не дали во имья Боже»!
Святый Петро ставъ, тяжко заплакавъ:
Эй, мати жъ моя та й проклятая!
Не творила-сь добре, то южь и не будешь;
Не вышла-сь съ пекла, та южъ не выйдешь».
Голов., т. II, стр. 45).

Очень сходные прозаическіе разсказы находятся въ первомъ томѣ Записокъ о южн. Руси П. А. Кулиша, стр. 307—308 и въ Филол. зап. 1878 г. т. IV, стр. 101. Здѣсь старый титарь Онисимъ хочетъ вытащить изъ ада свою мать, взявши за луковицу, которую она однажды дала нищему. Мать держалась за «стрѣлочку» луку; но грѣшныя души прицѣпились къ ея плахтѣ и намиткѣ, «стрѣлка» перервалась, и мать снова упала въ горячую смолу. По другому разсказу, души на томъ свѣтѣ сидятъ за столами. «Хто старцямъ подававъ милостыню, то все попередъ имъ и лежить: чи кильце ковбаски, чи шматокъ хлиба».

Эти и подобныя имъ сказанія о грѣшной душѣ вводятъ насъ уже въ отдѣлъ многочисленныхъ сказаній объ адѣ и адскихъ мученіяхъ. Сказанія объ адскихъ мученіяхъ опираются преимущественно на третью часть «Видѣнія апостола Павла». Здѣсь апостолъ Павелъ осматриваетъ рай и адъ, причемъ подробно описываются мученія грѣшниковъ. Грѣшники мучатся въ огненной рѣкѣ, одни до колѣнъ, другіе до пояса, третіи до устъ, четвертые погружены еще глубже. Кромѣ того, грѣшники находятся въ зловонномъ колодцѣ, иные безъ рукъ и безъ ногъ; ихъ бьютъ демоны, ѣдятъ черви, причемъ степень и свойство муки опредѣляется характеромъ грѣха (см. Тихонравова, Памят. отреч. литер., т. II, стр. 48—58). Подъ вліяніемъ «Видѣнія апостола Павла» и нѣкоторыхъ другихъ апокрифовъ, напримѣръ, евангелія Никодима, гдѣ говорится о сошествіи Іисуса Христа въ адъ, возникла обширная, особенно въ западной Европѣ, литература сказаній о загробныхъ странствованіяхъ праведныхъ и грѣшныхъ. А. Н. Веселовскій въ статьѣ «Данте и символическая поэзія католичества» (IV т. Вѣстника Европы 1866 г., стр. 167—190) приводитъ много западныхъ легендъ о схожденіяхъ въ адъ. Кромѣ того, обширную литературу предмета мы находимъ въ «Dictionnaire des legendes du christianisme» Миня и въ «Croyances et legendes de l'antiquite» Альфреда Мари. Въ южной Руси христіанскія легенды о схожденіи Спасителя, апостола Павла, святыхъ угодниковъ Божіихъ и даже простыхъ смертныхъ въ адъ, о возвращеніи ихъ и разсказахъ объ адскихъ мученіяхъ получили большое распространеніе, быть можетъ, не только подъ византійскими и юго-славянскими вліяніями, но и подъ вліяніемъ католическаго запада. Въ Малороссіи сильно распростра-

нено повѣрье объ «обмираніи» людей, или временномъ прекращеніи жизни и посѣщеніи рая и ада. Иногда старики и старухи совершенно серьёзно передають о томъ, что они «обмирали», были въ раю и въ аду и видѣли награды за добрыя дѣла и наказанія за дѣла злыя. П. А. Кулишъ, отмѣтившій это любопытное явленіе народной жизни въ «Зап. о южн. Руси» (т. I, стр. 303), замѣчаетъ при этомъ, что разсказчики и разказчицы не сознаютъ свой обманъ. «Образы мукъ и радостей загробныхъ, говоритъ г. Кулишъ, напечатлѣны у нихъ въ воображеніи съ дѣтства... Можно представить себѣ, какъ сильно дѣйствуетъ на простые умы свидѣтельство старика или старухи, только что возвратившейся съ того свѣта. Ужасъ и удивленіе не даютъ мѣста недовѣрчивости. Слушатели на всю жизнь сохраняютъ убѣжденіе въ справедливости фантастическаго разсказа и, если съ кѣмъ нибудь изъ нихъ случится обмиранье, онъ въ болѣзненномъ состояніи мозга легко можетъ выдавать то, что рисовало ему нѣкогда воображеніе, за видѣнное на томъ свѣтѣ». Повѣрья этого рода любопытны въ особенности потому, что доказываютъ, какъ сильно вліяетъ письменность, въ частности апокрифическая литература, на народную мысль. При этомъ встрѣчаются черты древняго славянскаго язычества, религіозно-миѳическаго міровоззрѣнія, черты, вплетенныя въ христіанско-апокрифическія рамки, напримѣръ, представленіе души умершаго птицей (Зап. о южн. Руси, т. I, стр. 905). Малорусскіе народные разсказы о мукахъ грѣшниковъ довольно своеобразны; напримѣръ:

«Браты побились, йдучи степомъ... То Богъ и сказавъ: «нехай же стануть вони собаками и грызутьця, поки не буде ûхати Мартиримянъ» (?) (Кулишъ, т. I, стр. 306).

Въ степи глубокая яма. Пролѣзть черезъ нее, и будетъ другой свѣтъ (т. I, стр. 306). Дантовская подробность, соотвѣтствующая глубокому колодцу Павлова Видѣнія.

Богатые, не помогавшіе бѣднымъ, обращены въ воловъ. Они стоятъ въ большой травѣ, но не могутъ ею питаться, и потому тощи, бѣдные обращены въ воловъ жирныхъ на безплодной нивѣ (т. I, стр. 306). Можетъ быть въ связи съ этимъ разсказомъ находится замѣчаніе Котляревскаго въ «Энеидѣ», что Цирцея обернула малороссовъ въ воловъ.

Человѣкъ, не принявшій зимой въ хату прохожаго, который замерзнулъ подъ плетнемъ, горитъ между двумя дубами и еще жалуется, что ему холодно, что онъ замерзаетъ (т. I, 307).

Человѣкъ, не давшій въ спасовскую жару прохожему напиться, лежитъ послѣ смерти въ аду около колодца; вода течетъ ему черезъ ротъ, и онъ испытываетъ страшную жажду (т. I, стр. 307).

Человѣкъ, не захотѣвшій жениться на той дѣвушкѣ, которая назначена была ему Богомъ («Богъ пары паруе», какъ языческій Родъ), стоитъ въ аду по поясъ въ горячихъ угольяхъ (т. I, 309).

Разбойникъ наказанъ такимъ образомъ, что онъ носитъ змѣй и его подгоняютъ демоны (т. I, стр. 309).

Дивчина, которая во время обѣдни наряжалась, а въ будни ходила не умывшись и не расчесавъ косы, обращена въ лихорадку (Филол. зап. 1870 г., т. IV, стр. 5).

Мужикъ, кравшій въ праздникъ во время обѣдни куръ и гусей, обращенъ въ змѣя съ курами и гусями на спинѣ, хвостомъ и крыльями (Филол. Зап. 1870 г., т. IV, стр. 3, 5). Этотъ разсказъ напоминаетъ общее средневѣковое представленіе сатаны въ видѣ громаднаго змѣя.

Не трудно замѣтить, что наказаніе опредѣляется грѣхомъ, причемъ человѣкъ, обидѣвшій своего ближняго, терпитъ ту же обиду въ аду, только въ гораздо большей степени: не пріютившій зимой прохожаго мерзнетъ въ аду, не напоившій лѣтомъ странника въ аду испытываетъ жажду и т. д.

Въ обрисовкѣ рая и райскихъ блаженствъ народная фантазія, равно какъ фантазія отдѣльныхъ поэтовъ, не обнаружила той силы и изобрѣтательности, что въ обрисовкѣ ада и адскихъ мученій. Извѣстно, что даже у Данте въ виду неизреченныхъ откровеній неба подломились крылья фантазіи, и Рай Данте вышелъ въ художественномъ отношеніи слабѣе Ада. Въ «Видѣніи Альберика» первой половины XII вѣка подробно описываются адъ и чистилище, но затѣмъ Альберикъ говоритъ, что не можетъ разсказать того, что видѣлъ въ раю (Веселов., Вѣстн. Евр. 1866 г. т. IV, стр. 188). Такая же оговорка находится въ посланіи новгородскаго архіеп. Василія († 1352 г.) о земномъ раѣ. Въ «Видѣніи апостола Павла» объ адѣ и адскихъ мученіяхъ говорится втрое болѣе, чѣмъ о раѣ и райскихъ блажснстввхъ. При всемъ томъ, описаніе рая въ Павло-

вомъ Видѣніи представляется весьма важнымъ въ исторіи литературы и искусства, такъ какъ это древнее и содержательное описаніе оказало большое вліяніе на литературныя и художественныя изображенія рая на католическомъ западѣ и православномъ востокѣ. У воротъ рая стоятъ два золотыхъ столба; на нихъ скрижали, гдѣ записаны праведные. Градъ Христовъ стоитъ на островѣ посреди озера. Онъ окруженъ съ четырехъ сторонъ рѣками; одна рѣка медовая, другая молочная, третья масленная, четвертая изъ вина. На берегахъ рѣкъ растутъ финиковыя пальмы. Въ раю на высокомъ престолѣ Давидъ славитъ на гусляхъ Бога, и лицо Давида подобно солнцу (Тихонравовъ, т. II, стр. 47—48). Малорусскія простонародныя представленія о раѣ не представляютъ чего-либо своеобразнаго. Обычно представленіе рая въ видѣ прекраснаго сада (Чуб., т. I, стр. 195). Встрѣчается представленіе рая въ видѣ веселаго и свѣтлаго лѣса. Въ этомъ лѣсу стоитъ хорошая хата, гдѣ живетъ Спаситель. Потолокъ и стѣны хаты украшены иконами; по срединѣ столъ. Ангелы летаютъ около хаты и поютъ пѣсни. Вблизи большой столъ, за которымъ сидятъ праведники и вкушаютъ просфиры и паляницы, и райское дерево съ цвѣтами. Маленькія дѣти летаютъ вокругъ дерева, срываютъ цвѣты и кладутъ ихъ себѣ за пазуху. «Якихъ мати пидперезала, такъ у тихъ вони и держатьця, а якихъ ни, такъ у тихъ падають, а Мати Божа втишается ими, и отъ яке тамъ товкне друге, такъ вона и пригрозыть пальчикомъ (Филол. зап. 1860 г., т. IV, стр. 4). Эта любопытная черта народнаго сентиментализма; точнѣе сказать, черта искренняго семейнаго чувства, придающая Пресвятой Дѣвѣ Маріи нѣжный характеръ женственности, повторяется съ небольшимъ измѣненіемъ въ другомъ народномъ разсказѣ. Обмиравшая старуха говоритъ одной опечаленной женщинѣ, потерявшей двухъ дочерей, что она была въ раю и «бачила и Ганнусю, бачила й Катрусю». Пани ажъ зъ лижка скочила: «Що жъ вони тамъ роблять»?—«Мати Божа панчишку плете, а вони передъ нею золоти клубочки держать». Такъ таки и каже: «Мати, каже, Божа панчишку плете (т. е. чулки вяжетъ), „а вони передъ нею золоти клубочки держять» (Кулишъ, Зап., т. I, стр. 305).

39.

Сказаніе о Рахманахъ.

Въ ряду малорусскихъ народныхъ сказаній о раѣ и блаженныхъ людяхъ видное мѣсто занимаетъ сказаніе о рахманахъ и о рахманскомъ Великоднѣ. Съ этимъ сказаніемъ мы встрѣчаемся уже на первыхъ страницахъ древней, приписываемой Нестору лѣтописи, причемъ указанъ и византійскій источникъ сказанія, или точнѣе, одинъ изъ его византійскихъ источниковъ, хроника Георгія Амартола: «Глаголетъ Георгій въ лѣтописаньи... законъ же Вактріянъ, глаголеми Врахмане и островницы, еже отъ прадѣдъ наказаньемъ благочестіемъ, мясъ не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, никакоя же злобы творяще, страха ради многа Божія (Лѣтоп. по Лавр. сп , стр. 14). Фантастическое сказаніе о блаженной жизни брахмановъ, или индійскихъ браминовъ, обращенныхъ въ христіанскихъ легендахъ въ образцовыхъ христіанъ, подробно передается въ «Хожденіи Зосимы къ Рахманомъ», изданномъ г. Тихонравовымъ по двумъ спискамъ, по рукописи XIV в. и по рукописи XVII в., буквально сходныхъ (Памят. отреч. литер. т. II, стр. 78—92). Преп. Зосима 40 дней не вкушалъ пищи и просилъ Бога показать ему страну блаженныхъ. Желаніе его было исполнено. Сначала верблюдъ перенесъ его черезъ пустыню; затѣмъ вѣтеръ принесъ его къ рѣкѣ, за которой жили блаженные. Перебравшись черезъ рѣку съ помощью громадныхъ деревьевъ, наклонившихъ съ одного берега на другой свои верхушки, пр. Зосима вступилъ въ землю рахмановъ и пробылъ среди нихъ семь дней. Рахманы днемъ и ночью пребываютъ въ молитвѣ. Они питаются плодами земли и пьютъ сладкую воду, вытекающую изъ подъ корня одного дерева. Нѣтъ у нихъ ни винограда, ни желѣзныхъ сосудовъ, ни ножей желѣзныхъ, ни домовъ, ни огня, ни золота и серебра, нѣтъ и одежды. Проживъ съ женой двухъ дѣтей, рахманы разводятся и живутъ далѣе цѣломудренно. Они спятъ въ пещерахъ на землѣ, устланной древесными листьями. Ангелы сообщаютъ рахманамъ о праведныхъ и грѣшныхъ людяхъ на земли, сколько кому назначено лѣтъ жизни, и рахмане молятся за людей, потому что, какъ сказали они Зосимѣ, «мы отъ вашего рода есмы». Въ посту рахмане вмѣсто древесныхъ плодовъ питаются манной, спадающей съ неба, и толь-

ко поэтому судятъ о перемѣнѣ времени. «Егда жъ приближится день Воскресенія Господня, тогда пустятъ древа плоды добровонны и тако разумѣемъ, яко начало лѣта бываетъ; а въ службы мѣсто воскресенія Господня бдѣнія бываютъ у насъ: пребываемъ бдяща три дни и три нощи». Рахмане живутъ отъ 100 до 360 и даже до 1800 лѣтъ. Они знаютъ время своей кончины и умираютъ безъ болѣзни и безъ страха. Ангелы возносятъ души умершихъ рахмановъ къ Господу Богу. Душа кланяется Богу и затѣмъ идетъ «на мѣсто покойно». Рахмане составили описаніе своего блаженнаго житія, передали его Зосимѣ и дружелюбно проводили его до рѣки.

Сказанія о рахманахъ въ южной Россіи проникли въ глубь народа, причемъ особенно привилась къ южно-русской почвѣ частность о рахманскомъ свѣтломъ праздникѣ. Въ литинскомъ уѣздѣ говорятъ, что рахманы—христіане. Они не имѣютъ собственнаго счисленія времени и потому празднуютъ Пасху тогда, когда доплыветъ къ нимъ скорлупа яйца. Вслѣдствіе этого существуетъ въ народѣ обыкновеніе выбрасывать въ великую субботу въ рѣку скорлупы яицъ, которыя доплываютъ къ рахманамъ черезъ три съ половиною или четыре недѣли, и рахмане тогда празднуютъ Пасху (Чуб., т. I, стр. 220). Искаженіемъ повѣрья представляется дополнительная черта, что рахманы живутъ подъ землей (ib. т. I, стр. 220). Въ Галаціи существуетъ повѣрье, что скорлупы, доплывъ въ рахманскую страну, обращаются въ яйца, и каждое яйцо идетъ на 12 рахмановъ, питающихся отъ него въ теченіи года. Пуская скорлупу на воду, сохраняютъ молчаніе или приговариваютъ: «плыньте въ рахманьски краи». На рахманскій велыкдень, бывающій въ среду на четвертой недѣли послѣ Пасхи, не работаютъ. Говорятъ, что въ галицкомъ селеніи Гарасимовѣ однажды въ этотъ день мужикъ выѣхалъ поле орать. Онъ провалился подъ землю вмѣстѣ съ погоничемъ, плугомъ и волами, и если въ день рахманскаго свѣтлаго праздника приложить ухо къ землѣ, то можно слышать крики погонича о помощи. Въ селѣ Чортовцѣ говорятъ, что въ этотъ день слышенъ колокольный звонъ отъ провалившейся подъ землю церкви. Баба, мывшая бѣлье на рахманскій велыкдень, умерла на другой день (Kolberg, Pokicie т. I, стр. 199). На Украйнѣ на рахманскій велыкдень ломаютъ березовыя вѣтки, приписывая имъ цѣлебное

значеніе («правятъ кость») рахманскій велыкдень называется въ иныхъ мѣстахъ Малороссіи «правой середой».

Разные домыслы ученыхъ о значеніи словъ «рахмане, рахманскій», доводы большею частью неосновательные, приведены въ «Pokucie» Кольберга, т. I, стр. 199, 351—353. Слово рахманы, очевидно, представляетъ небольшое искаженіе слова брахманы, браманы или брамины. Сказаніе о блаженныхъ и мудрыхъ рахманахъ есть дань уваженія европейцевъ, въ частности русскаго народа, къ мудрости индійскихъ жрецовъ, дань, вполнѣ заслуженная послѣдними, если принять во вниманіе, какъ много индійскихъ повѣстей и сказаній перешло въ Европу, въ частности въ Россію, и занимало мысль и фантазію народа въ теченіи многихъ вѣковъ, вплоть до настоящаго времени.

40.

Исторія о женѣ Майдонѣ

Издана Макушевымъ въ Журн. мин. нар. просв. 1881 г., т. IX, стр. 96—97 и Калитовскимъ въ «Рус. апокриф. литер.» 1884 г., стр. 35—38. Исторія эта занимаетъ среднее мѣсто между повѣстью и апокрифомъ. Въ цѣломъ она имѣетъ повѣствовательный характеръ, но отдѣльныя ея части напоминаютъ съ одной стороны апокрифическія сказанія объ Антихристѣ, съ другой—одно мѣсто въ «Хожденіи апостоловъ».

Содержаніе «Исторіи о женѣ Майдонѣ, царицѣ безбожной и бестіальной». состоитъ въ слѣдующемъ: злая и распутная Майдона будетъ царствовать при кончинѣ міра. Она будетъ преслѣдовать христіанскую вѣру и кощунствовать надъ крестомъ Христовымъ и св. иконами. Сама развратная, она будетъ насильственно распространять развратъ между людьми. Въ царствованіе ея умножатся убійства, наступитъ голодъ, моръ и иныя бѣдствія. Майдона будетъ царствовать четыре года. Она будетъ называться не только царицей, но и богиней и станетъ кощунствовать надъ самимъ Богомъ. Тогда Богъ пошлетъ архангела Михаила, который схватитъ ее за волосы, подниметъ высоко, подрѣжетъ серпомъ волосы, ударитъ скипетромъ по головѣ и съ большимъ шумомъ погрузитъ ее въ море, до самаго ада, куда она пойдетъ на вѣчныя муки. Видя это, люди начнутъ молиться и каяться въ своихъ грѣхахъ.

Макушевъ, судя по имени царицы и многимъ полонизмамъ, высказалъ мнѣніе, что «Исторія о Майдонѣ» западнаго (италіанскаго) происхожденія и перешла въ южную Русь, вѣроятно, черезъ Польшу въ концѣ XVI ст. или нѣсколько позже, когда между Короною и Литвою установилась тѣсная связь, усилилось на южной Руси польское вліяніе и порча нравовъ.

Сказаніе о Майдонѣ сохранилось только въ небольшомъ рукописномъ сборникѣ библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ, откуда и было извлечено для печати Макушевымъ и потомъ Калитовскимъ, причемъ въ изданіи г. Калитовскаго есть пропуски словъ и фразъ. Повидимому, исторія о Майдонѣ не пользовалась большимъ распространеніемъ и не оказала вліянія на народную словесность. Нельзя сказать, чтобы самая «Исторія о Майдонѣ» была совсѣмъ свободна отъ вліянія народной поэзіи. Въ изложеніи беззаконій обнаруживаются слѣды стихотворнаго склада, происшедшіе, можетъ быть, отъ того, что русскій переписчикъ или читатель изложилъ это мѣсто рукописи въ духѣ и складомъ извѣстнаго ему духовнаго стиха. Въ «Исторіи о Майдонѣ», послѣ указанія на усиленіе ссоръ, ненависти, грабежей, говорится: «Увы мнѣ, міре мѣзерный! хто бы мѣлъ по достатку описати твои злости; прочее жъ помолчу и слезами затру, узявши отъ стараго пророка ажъ до самаго малого отрока, не знайдешь въ томъ злосливомъ мірѣ, абы хто билъ безъ порока. Днесь бо не токмо короли и цари, князи и пани и простіи люде у блотѣ ся валяютъ и въ лукавствѣ кохаютъ».

Относительно способа наказанія Майдоны сходную черту находимъ, какъ мы замѣтили выше, въ «Хожденіи апостоловъ». Жители одного города, не желая принять апостоловъ, поставили въ воротахъ нагую блудницу. Св. ап. Андрей обратился къ Богу съ молитвой: «Господи Іисусе Христе, пусти Михаила архистратига, да обиситъ (т. е. повѣситъ) жену сію за власы на аере» (Тихонравовъ, т. II, стр. 9).

Отъ личнаго имени развратицы Майдоны, повидимому, произошло одно бранное, неприличное въ печати, слово, прилагаемое въ Малороссіи къ распутнымъ женщинамъ.

41.

Сказанія объ антихристѣ.

Сказанія объ антихристѣ опираются на откровеніе св. Іоанна. Извѣстно, что содержаніе Апокаликсиса св. Іоанна не отличается ясностью и что нѣкоторые отцы и учители церкви, напримѣръ, св. Епифаній и св. Григорій Нисскій, относили эту книгу въ разрядъ апокрифовъ (Христ. чтеніе 1871 г., т. I, стр. 55). Толкованія на Апокаликсисъ содѣйствовали отчастію развитію образа антихриста. Еще болѣе этому развитію содѣйствовали историко-бытовыя обстоятельства, религіозныя гоненія и борьба сторонниковъ разныхъ вѣроисповѣданій. Въ XVI и въ особенности въ XVII ст. въ Руси, какъ литовской, такъ и московской, идея о наступившемъ или близкомъ пришествіи антихриста сильно развилась, въ Малороссіи подъ вліяніемъ уніи и религіозныхъ гоненій со стороны католиковъ, въ Великороссіи подъ вліяніемъ раскола и открытаго патр. Никономъ гоненія на защитниковъ старопечатныхъ книгъ и обряднаго старовѣрства. Южно-русскія, составленныя православными, сочиненія объ антихристѣ проникли въ Великороссію и углубили раскольническія представленія объ антихристѣ. Въ южной Руси подъ вліяніемъ борьбы съ папствомъ выработался мистико-апокалипсическій взглядъ на Римъ, какъ на царство антихриста. Съ особенной силой взглядъ этотъ выразился въ толкованіи XV слова св. Кирилла іерусалимскаго объ антихристѣ Стефана Зизанія 1596 г. и въ Словѣ объ антихристѣ въ концѣ «Книги о вѣрѣ». Въ доказательсво того, что римскій папа есть антихристъ, Стефанъ Зизаній указываетъ на стремленія папъ подчинить себѣ царей и царства, измѣнить календарь и искоренить православіе. Авторъ «Книги о вѣрѣ» повторяетъ эти доводы, причемъ называетъ папъ предтечами антихриста и говоритъ, что появленіе самого антихриста должно состояться въ 1666 году. Южно-русскіе писатели сошлись съ протестантскими писателями въ томъ отношеніи, что подъ именемъ антихриста разумѣли нѣкое боговраждебное царство или рядъ многихъ лицъ, преемственно занимающихъ одно и то же мѣсто и совершающихъ одно и то же богоборное дѣло. Эта точка зрѣнія усвоена отчасти и раскольниками. Православная церковь, какъ извѣстно, учитъ, что антихристъ будетъ одно опредѣленное лице, имѣющее явиться передъ

вторымъ пришествіемъ Христовымъ (Правосл. Собесѣд. 1858 г., т. II, стр. 268). Рядомъ съ протестантскимъ представленіемъ антихриста въ южной Руси уживалось вполнѣ православное, что видно изъ апокрифическаго сказанія «О царствѣ антихристовѣ и днѣхъ послѣднихъ» въ львовскомъ рукописномъ сборникѣ XVIII ст., сказанія, изданнаго г. Калитовскимъ въ «Рус. литер. апокр.», стр. 45—46. Здѣсь говорится о томъ, что антихристъ воцарится при кончинѣ міра и наречетъ себя Богомъ. Онъ начнетъ собирать себѣ слугъ, ложныхъ ангеловъ, апостоловъ, пророковъ, «крылатыхъ шатановъ во плоти», будетъ творить чудеса, низводить съ неба огонь, переставлять горы, воскрешать умершихъ; все это будетъ ложное, совершаться «мечтами и приведеньми дьявольскими». Кто поклонится ему, получитъ на челѣ или па рукѣ знакъ и будетъ пользоваться временными благами, а которые не поклонятся, претерпятъ мученія отъ антихриста и въ послѣдствіи удостоятся вѣчнаго блаженства. Антихристъ возсядетъ въ Іерусалимѣ въ церкви на престолѣ и побываетъ въ Капернаумѣ, Хоразинѣ и Виѳсаидѣ, гдѣ всѣ ему поклонятся, особенно «Жидове, которые чекаютъ его приходу отъ многихъ лѣтъ, тіи ся ему перше поклонятъ и дари богатые отъ него пріймутъ». Антихристъ воцарится на три года; но Богъ сократитъ это время на три дня. Наконецъ, антихристъ прійдетъ въ Римъ и «замордуетъ папежа римскаго, намѣстника святаго апост. Петра и самъ сядетъ на престолѣ». Ему поклонятся турки, татары, жиды, нѣмцы и прочіе народы. Кто не будетъ имѣть на лбу или рукѣ знака антихристова, не будетъ имѣть права ни купить, ни продать что-либо. Пустынниковъ и монаховъ будутъ отыскивать въ пещерахъ и приводить къ антихристу на поклоненіе. Внѣшній видъ антихриста измѣнится; сначала онъ будетъ очень красивый, на другой годъ «огрубѣетъ», а на третій волоса на головѣ и бородѣ уподобятся стрѣламъ, правый глазъ будетъ блестѣть, какъ «зорница», а лѣвый, какъ уголь; палецъ на правой ногѣ будетъ имѣть видъ сломанный, и сдѣлается антихристъ звѣрообразенъ, свирѣпъ и лютъ». Наименованіе папы намѣстникомъ св. ап. Петра даетъ поводъ подозрѣвать въ авторѣ или переписчикѣ сказанія уніата. Въ сказаніи замѣтно стремленіе автора поставить жидовъ въ ближайшія отношенія къ антихристу, стремленіе, достаточно понятное для южно-русса, приходившаго въ постоянныя столкновенія съ евреями, не только

въ экономическомъ отношеніи, какъ нынѣ, но и въ религіозномъ, какъ было, напримѣръ, въ XVII ст., особенно во второй его половинѣ, во время волненія еврейства по случаю появленія въ Смирнѣ лже-мессіи Сабефы.

Подробность о волосахъ антихриста заимствована изъ «Вопросовъ Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской». Здѣсь такъ описывается наружность антихриста: «власи главы его остры, яко стрѣлы; око ему десное, аки звѣзда заутри восходящая («зорница» львовскаго сборника), а другое аки лвоу; уста ёму локти; зубы ёму пядь; персти ёму, аки серпи; стопа ногу его пядию двою» (Тихонравовъ, т. II, стр. 176). Другая подробность, о сокращеніи времени господства антихриста съ трехъ лѣтъ на три дня, также заимствована изъ «Вопросовъ Іоанна Богослова», гдѣ сокращеніе времени проведено далѣе: три дня сокращены на три часа, а три часа на три стопы (Тихонравовъ, т. II, стр. 184).

Мрачный образъ антихриста почти не коснулся малорусской народной словесности. Встрѣчаются кое-какія повѣрья объ антихристѣ, но нѣтъ ничего цѣльнаго, яснаго, опредѣленнаго, что отвѣчало бы ярко очерченному образу антихриста раскольнической словесности. Въ простомъ украинскомъ народѣ этнографами найдены общія повѣрья о томъ, что антихристъ воцарится при кончинѣ міра и будетъ мучить людей, заставляя ихъ прыгать черезъ копье и будетъ жарить ихъ на сковородѣ (Чубинскій, т. I, стр. 195).

42.

Сказанія о страшномъ судѣ и кончинѣ міра

наравнѣ съ сказаніемъ объ антихристѣ львовскаго сборника подтверждаютъ тотъ фактъ, что апокрифическіе «Вопросы Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской» нѣкогда обращались въ южной Руси и пользовались большой извѣстностью. Апокрифъ этотъ изданъ Тихонравовымъ въ двухъ сходныхъ спискахъ, одинъ XV, другой XVI ст. Нужно при этомъ замѣтить, что это одинъ изъ самыхъ крупныхъ апокрифовъ по художественности, ясности и простотѣ, и потому неудивительно, что онъ былъ очень любимъ грамотными людьми, хотя въ Малороссіи и не сохранилось или точнѣе не найдено рукописныхъ его обработокъ и списковъ.

Въ народномъ разсказѣ о страшномъ судѣ говоротся: «якъ буде страшный судъ, то тоди уся земля горитиме и вода кипитиме, а небо скотыться у клубочекъ и впаде до долу, на землю» (Чубинскій, т. I, стр. 221).

Въ пѣснѣ о страшномъ судѣ поется:

Якъ зъийде Христосъ,
Огненніи рики будутъ клекотати
И скверную землю очищати,
Пиднесутся (что ?) подъ небеса...
Ой на штыри части анголи затрублять,
Въ той часъ всихъ умерлихъ въ гробахъ збудять...
На Сафатовой долыни зъийдутся люде.

(Чуб., т. I, стр. 220).

Въ «Вопросахъ Іоанна Богослова» Господь говоритъ: «и тогда пошлю ангела моя святыя и да зажгутъ землю и погоритъ земля лакоть н҃ тысяцъ и ф҃ сотъ въ глубину, и изгорятъ горы великія, и низпадутъ и сокрушатся, изгоритъ все древо, изгоритъ всякъ скотъ и всякъ гадъ ползаяй по земли, и всякая птица, парящая по аеру... И тогда отпечатлѣю четыре части восточныя, изыдутъ 4 вѣтры велиціи и возвѣютъ на лицо всея земли.... и убѣлится земля, яко снѣгъ и яко хартія изравнится, не имуще ни коея же скверны... И пошлетъ Господь четырехъ сильныхъ ангелъ съ небеси и возопіютъ веліимъ гласомъ, трубою глаголюще». (Тихонравовъ, т. II, стр. 178—179).

Въ исторіи литературы пріятно останавливаться на такихъ явленіяхъ, въ которыхъ обнаружилась народная фантазія или въ которыхъ раскрылась самостоятельная мысль народа. Къ сожалѣнію, такихъ явленій не много и въ опредѣленіи ихъ требуется большая осторожность. Въ приложеніи къ народнымъ разсказамъ о страшномъ судѣ мы отмѣтимъ только одну, довольно мелкую, но вполнѣ мѣстную и своеобразную подробность. Въ народѣ существуетъ такое повѣрье: «вже мученикъ Иванъ у Кыеви въ печеряхъ по шію въ земли стоить, а якъ увійде зовсимъ у землю, тоди николи буде каятись» (Кулишъ, зап. т. I, стр. 311).

Нельзя, однако, отрицать и того, что опредѣленіе литературныхъ заимствованій представляетъ большой научный и даже бы-

товой интересъ, особенно, когда является возможность точно опредѣлить самый источникъ заимствованія и нѣтъ надобности нагромаживать сравненія и теряться въ гипотезахъ, откуда что пошло. При достаточно точномъ опредѣленіи источника обнаруживается степень устойчивости преданія и основные психологическіе мотивы его измѣненія и принаровленія къ даннымъ, исторически сложившимся условіямъ народнаго быта и міровоззрѣнія.

43

Евангелистая пѣсня.

Въ сборникѣ галицкихъ и угорскихъ народныхъ пѣсенъ г. Головацкаго (т. II, стр. 146—147) находится пѣсня «Дячку, дячку вывченый», съ вопросами, что значитъ одинъ, что два и т. д. до 9 включительно и съ отвѣтами религіознаго характера: одинъ Богъ, два «божихъ святца», три патріарха, четыре евангелиста, пять божихъ ранъ, шесть «грають лелію панянковъ Маріовъ», семь радостей у Бога, восемь свѣчей передъ Богомъ и девять коронъ ангельскихъ. Эта пѣсня встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ Великороссіи подъ названіемъ евангелистой пѣсни. Въ 2 ч. «Калѣкъ перехожихъ» помѣщено четыре великорусскихъ и одинъ балгарскій варіантъ этой пѣсни. Академикъ А. Н. Веселовскій и румынскій ученый Хиждеу указали на очень сходныя пѣсни—румынскую, провансальскія, португальскія, нѣмецкія, польскія, чешскія, кавказскую, латинскую и еврейскую[1]). Къ евангелистой пѣснѣ близко подходятъ сказки съ преніемъ-загадками на такіе же числовые вопросы, причемъ найболѣе типичной сказкой А. Н. Веселовскій считаетъ малорусскую сказку въ Сборникѣ Драгоманова, стр. 56—57, въ которой чортъ даетъ бѣдному человѣку шесть кабановъ на три года, съ условіемъ, что по истеченіи этого времени чортъ предложитъ рядъ вопросовъ, на которые бѣднякъ обязанъ отвѣтить. По мнѣнію г. Веселовскаго, сказка эта существовала изъ-стари и независимо отъ нея издавна былъ въ ходу родъ катехизическаго перечня, въ вопросахъ и отвѣтахъ, на темы христіанскаго, еврейскаго и, можетъ быть, мусульманскаго вѣроученій: что одинъ?

---

[1]) *Веселовскій*, Сборникъ отд. рус. яз. акад. н., т. 32, стр. 78—82. 432—433 и 92—95.

одинъ Богъ и т. д. Такіе пѣсенные вопросы и отвѣты иногда включались въ сказку о преніи числовыми загадками, и получалась смѣшанная форма, въ родѣ одной кавказской и одной сицилійской сказокъ (94—95). Общій характеръ отвѣтовъ евангелистой пѣсни религіозно-догматическій, обличающій школьное происхожденіе и цѣли христіанской катехизаціи. Нормальное число вопросовъ и отвѣтовъ 12; меньшее ихъ число представляется позднѣйшимъ оступленіемъ. У евреевъ въ Германіи и въ славянскихъ земляхъ эта статья становится извѣстпой съ конца XVI ст. и поется въ числѣ другихъ въ первые два дни Пасхи (стр. 79).

А. Н. Веселовскій предполагаетъ, что «русскіе тексты евангелистой пѣсни пришли изъ юго-западной школы» (стр. 79). Трудно сказать что-нибудь положительное и опредѣленное, судя по одному галицко-русскому варіанту пѣсни, темному и схоластическому. Великорусскіе варіанты «евангелистой пѣсни» сравнительно съ галицко-русскимъ просты и ясны. Такъ на вопросъ, что одинъ? слѣдуетъ отвѣтъ: «Единъ Сынъ Маріинъ королюетъ надъ нами», что два?—2 тавлеи Моисея, что три?—св. Тройца или три патріарха; что четыре?—4 евангелиста; что пять?—5 главъ соборныхъ или пять ранъ Спасителя; что шесть?—6 херувимскихъ крылъ или 6 сосудовъ въ Канѣ Галилейской; что семь?—7 соборовъ или 7 чиновъ ангельскихъ; что восемь?—8 круговъ солнечныхъ или 8 гласовъ Божіихъ: что девять?—9 въ году радостей или 9 чиновъ ангельскихъ; что десять?—10 заповѣдей или 10 прокаженныхъ, исцѣленныхъ Богомъ или 10 «панскихъ сакраментовъ», т. е. таинствъ Господнихъ; что одинадцать?—11 апостоловъ или 11 малыхъ звѣздъ; что двѣнадцать?—12 апостоловъ или 12 мѣсяцевъ. Въ словахъ «королюетъ», «панскій», «сакраментъ» обнаружилось польское вліяніе, а, можетъ быть, южнорусское схоластическое.

Въ галицко-русскомъ варіантѣ любопытенъ только запѣвъ евангелистой пѣсни съ указаніемъ на дьяка, какъ наставника, на что мы уже указали въ началѣ настоящаго изслѣдованія, когда говорили о хранителяхъ и распространителяхъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ въ южной Руси.

Въ Малороссіи, повидимому, не знаютъ евангелистой пѣсни. Къ простому народу не привилось ея сухое догматическое содержаніе.

44.

Апокрифическія молитвы.

Въ индексѣ отреченныхъ книгъ упоминаются «лживыя молитвы». Проф. И. Я. Порьфирьевъ въ статьѣ объ апокрифическихъ молитвахъ, напечатанной въ Трудахъ IV археологическаго съѣзда, говоритъ: «Какъ апокрифы составились въ подражаніе сказаніямъ священной библейской исторіи, такъ и апокрифическія молитвы составлены по образцу церковныхъ молитвъ; въ нихъ тѣ же пріемы и тѣ же выраженія, съ воззваніемъ къ Богу и святымъ въ началѣ и славословіемъ въ концѣ, какіе издавна усвоены церковными молитвами. Но какъ въ апокрифахъ къ истиннымъ представленіямъ и сказаніямъ священной исторіи постоянно примѣшиваются вымыслы народной фантазіи и древнія миѳическія преданія еще языческой старины, такъ и въ апокрифическихъ молитвахъ посреди воззваній къ Спасителю, Богоматери, ангеламъ и святымъ постоянно встрѣчаются представленія изъ народныхъ повѣрій и суевѣрій. Начинаясь по образцу церковной молитвы, апокрифическая молитва скоро теряетъ церковный тонъ и переходитъ въ народный заговоръ или заклятія»...

Сохранившіяся въ старинныхъ рукописяхъ апокрифическія молитвы отличаются болѣе церковнымъ характеромъ, чѣмъ апокрифическія молитвы, записанныя изъ устъ народа въ послѣднія два-три десятилѣтія. Такъ, апокрифическія молитвы, изданныя г. Порфирьевымъ въ Трудахъ IV археологическаго съѣзда по рукописяхъ соловецкой библіотеки, заключаютъ въ себѣ мало языческихъ суевѣрій.

Въ южнорусскихъ и западнорусскихъ рукописяхъ встрѣчаются лживыя молитвы, напримѣръ, въ двухъ-трехъ рукописяхъ церковно-археологическаго музея кіевской духовной академіи (Петровъ, Опис. рукоп., т. II, стр. 350) находятся молитва женѣ родити, молитва егда боль не спитъ, молитвы отъ трясавицъ и нѣкоторыя другія; но молитвы эти не изданы. Малорусскія лживыя молитвы записаны почти исключительно изъ устъ простаго народа, и почти всѣ онѣ насквозь пропитаны языческимъ міровоззрѣніемъ, такъ что съ большей основательностью могутъ быть названы заговорами со вставкой изрѣдка церковно-молитвенныхъ выраженій. Малорусскія лживыя

молитвы изданы въ III т. «Памятн. стар. рус. литер,» А. Н. Пыпина, въ I т. «Трудовъ этн. ст. экспед.» Чубинскаго, въ «Кіевск. Старинѣ» 1885 г., кн. 12, въ Сборникѣ шептаній, составленномъ П. В. Ивановымъ и въ сборникѣ малорусскихъ заклинаній П. С. Ефименка. Найболѣе любопытныя малорусскія лживыя молитвы находятся въ сборникахъ Чубинскаго и П. В. Иванова.

Въ ряду апокрифическихъ молитъв выдаются молитвы-заговоры противъ лихорадки: у г. Пыпина т. III, стр. 167, Чуб., т. I, стр. 119—120, г. Иванова стр. 739—741, Ефим., т. II. Одни варіанты, напр. у Пыпина, т. III, стр. 167, имѣютъ вполнѣ языческій характеръ, причемъ отсутствуютъ даже христіанскія имена, другія, напр. у г. Иванова, стр. 740, вертятся на имени Авраама, св. Исаакія, поминаютъ пресв. Богородицу. Основа молитвъ и заговоръ противъ лихорадки лежитъ въ суевѣріяхъ древняго Востока. Г. Мансветовъ возводитъ источники заговоровъ отъ трясавицъ къ халдейскому ученію о 12 астральныхъ духахъ, вліяющихъ на человѣческую судьбу, ученію усвоенному гностическими и манихейскими сектами, воспринятому въ извѣстномъ примѣненіи и христіанствомъ. Сложившись гдѣ-то на Востокѣ, на границахъ Персіи и Сиріи, молитва о трясавицахъ вошла въ іудейско-каббалистяческую литературу, напримѣръ въ Alphabetum Siracidis VIII в. и въ богомильскую литературу. Индексы приписываютъ одну такую молитву болгарскому попу Іереміи Богомилу и указываютъ на ея содержаніе: въ ней упоминался св. Сисиній на горѣ Синаѣ, архангелъ Михаилъ и семь трясавицъ, дочери Ирода. А. Н. Веселовскій высказалъ мнѣніе, что подъ Сисиніемъ богомильскаго заговора разумѣется послѣдователь Манеса, ставшій во главѣ секты по смерти ея основателя. У богомиловъ могла существовать легенда о немъ и молитва съ его именемъ, планъ которой указанъ церковнославянскимъ текстомъ (Сборн. ак. наукъ, т. 32, стр. 41). Къ замѣчаніямъ г. Веселовскаго о молитвахъ противъ трясавицъ, разбросаннымъ въ 32 т. Сборн. акад. наукъ на стр. 40—50, 220—223, 427—430, добавимъ, что въ глаголитскомъ памятникѣ X-го в., Синайскомъ Требникѣ, помѣщена «Молитва надъ трясомомъ заоутра», начинающаяся словами: «Изгонить тя трясовице ютрънѣѣ» (Кочубинскій, Итоги слав. филологіи, 38). Эта мелкая подробность представляется интересной при сравнительно-литературномъ изу-

ченіи малорусскихъ заговоровъ отъ поганки, гдѣ упоминаются трясовицы утреннія, полдневныя и вечернія (Пып., Чуб., Ив.).

Въ малорусскихъ заговорахъ отъ лихорадки вмѣсто Сисинія являются св. Авраамій, Пафнутій или Исаакій. Шелъ св. Авраамій дорогою и встрѣтилъ 77 иродовыхъ или зміиныхъ дочекъ (Иван.), трясовицъ (Еф., Чуб.), 12 дѣвицъ красавицъ (Еф.), 77 женъ (Ив.). Св. Авраамій спрашиваетъ трясовицъ, куда онѣ идутъ. Послѣднія отвѣчаютъ: «на Бѣлу Русь людей мордувати, тиломъ труждати и кости ломати» (Еф. и Чуб.), «въ Рассею ласо наидатися, сладко напиватися» (Ив.). Указаніе на Бѣлую Русь, Рассею, должно свидѣтельствовать, что нѣкоторые вращающіеся въ Малороссіи варіанты заговора отъ лихорадки сложились въ Бѣлоруссіи. Въ другихъ малорусскихъ варіантахъ нѣтъ этого указанія. Св. Авраамій приказываетъ своему сыну Самсону (Еф. и Чуб.) или Исакію (Ив.) сдѣлать и накалить желѣзную шину (Еф.) или тросгь (Ив.), чтобы побить или нанести раны трясовицамъ; послѣднія обѣщаютъ впредь не мучить людей, разбѣгаются. Въ одномъ варіантѣ св. Пафнутій собственноручно жезломъ наноситъ каждый иродовой дочкѣ трясовицѣ по 70 ранъ. Названіе лихорадокъ иродовыми дочками получило общее бранное значеніе, въ приложеніи къ женщинамъ. Названія лихорадокъ измѣняются по заговорамъ, причемъ обнаруживаются домыслы и вставки старинныхъ книжниковъ и грамотѣевъ, напримѣръ, во вставкахъ въ число трясавицъ Дида и Лады (Ив.). Глубоко-древняя черта—упоминаніе Сіонской горы сохранилась въ одномъ только варіантѣ, у г. Иванова, стр. 740: «на Осиянской гори, на святий земли ихавъ Михайло; у его сынъ Авраамій». Въ одномъ изъ заговоровъ противъ лихорадки (Еф., 11) начальная фраза вырвана изъ апокрифическаго сказанія о томъ, какъ жиды Христа мучили. Вообще, этотъ варіантъ любопытенъ, какъ образецъ заговора, въ которомъ свалено въ одну кучу много разнородныхъ элементовъ, апокрифическихъ и повѣствовательныхъ. «У недѣлю рано, якъ сонце сходило, Христа до ратуши приведено. Стали его вязати и въ стовпа мордовати. Стоить жидъ, трясеться». «Чого ты, жиде, боишься? Я не боюсь, тильки въ мене руки, ноги трясуться. Царь Давыдъ позаганявъ иродовы дочки въ каминни горы, ставъ ихъ каменовати и печатати. Хто те можетъ знати, отъ ныни и до вику у него не можетъ вона бувати». Здѣсь почти каждое

слово нуждается въ историко-литературномъ объясненіи. «У недилю рано»—обычный пѣсенный запѣвъ, «якъ сонце зъиходило»—расширеніе его; слова о мученіи Христа основаны на извѣстныхъ уже намъ апокрифическихъ пѣсняхъ; Давидъ, заключающій трясавицъ въ каменныя горы, замѣна извѣстнаго повѣствовательнаго мотива объ Александрѣ Македонскомъ, Гогѣ и Магогѣ.

Въ народныхъ повѣрьяхъ обнаруживаются особые спеціальные цѣлители отъ лихорадки, независимо отъ заговорныхъ Авраамія и Исаакія, именно арх. Рафаилъ и преп. Зосима Соловецкій (Ив., стр. 739).

Отдѣльные мотивы, эпизоды, фразы и слова апокрифовъ вошли въ разныя малорусскія заговоры и шептанія. Такъ въ заговорѣ на собираніе травъ: «Святый Адамъ оравъ. Іисусъ Христосъ насиня дававъ, а Господь сіявъ, а Мати Божа поливала, та всимъ православнимъ на помичъ давала» (Пыпинъ, т. III, стр. 167).

Въ началѣ заговора отъ сглазу: «Мати Марія, бабушка Соломонія, на пути-дорози стояла»..; а въ серединѣ того же заговора: «Стали жиды Христа роспинати» и проч. согласно съ евангельскимъ текстомъ (Ивановъ, стр. 736).

Въ заговорахъ отъ зубной боли: «Первый княжичъ мѣсяцъ на небѣ Адамьевичъ», «Ты, мисяцю Адаме»! (Еф., стр. 4, 5; Чуб., т. I, стр. 125).

Въ заговорѣ отъ водобоязни:

Шло собѣ трехъ бративъ,
Балакали, встеклаго собаки пытали.
Иди правою дорогою
Черезъ Орданьску рѣку,
На высолянску гору.
Тамъ ходитъ баранъ
Зъ великими рогами
И выстрижи ему вовну
Межи рогами.
И вернись назадъ,
Орданьскои воды набери,
Билого камня зъ скалы влупи.

(Еф., стр. 16).

Подъ темными символами здѣсь скрываются священные христіанскіе предметы и лица, Іисусъ Христосъ, Сіонская гора, причемъ самая символика восходитъ къ первымъ христіанскимъ вѣкамъ, къ живописнымъ изображеніямъ въ катакомбахъ.

45.

Апокрифическія сказанія о растеніяхъ и животныхъ.

Народная поэтическая ботаника и зоологія заслуживаютъ спеціальнаго изслѣдованія. При изученіи массы сказаній и повѣрій о растеніяхъ и животныхъ необходимо опредѣлить различные ихъ источники, художественное воззрѣніе на природу, воззрѣніе религіозно-миѳическое, этимологическое толкованіе, повѣсти и апокрифы. Мы остановимся только на тѣхъ сказаніяхъ о растеніяхъ и животныхъ, которыя основаны на апокрифической литературѣ. Въ названіи многихъ растеній скрывается уже намекъ на то, что съ ними связаны религіозныя или апокрифическія сказанія, но какія именно—нельзя сказать, такъ какъ этнографы не дали надлежащихъ свѣдѣній, какъ объясняютъ крестьяне причину возникновенія того или другаго названія. Такъ въ «Опытѣ словаря народныхъ названій растеній юго-западной Россіи» А. С. Роговича (Зап. ю. з. отд. геогр. общ., т. I, стр. 109—178), мы находимъ названія: Божье дерево, Божа ручка, Божа благодать, Богородычна коса, черевычки Божои Матери, ручка Божои Матери, Петрова закуска, Петровъ батигъ, Петривъ хрестъ, Миколайчики, Адамове ребро, чортивъ хлибъ, чортова веселка, чортове ребро, чортови орихи. Можно думать, что съ нѣкоторыми изъ этихъ растеній связаны народно-поэтическія сказанія, коментирующія ихъ названія.

Сосна—всегда зелена, по благословенію Божію, потому что древесина ея оказалась негодною на гвозди при крестномъ страданіи Христа Спасителя (Чуб., т. I, стр. 75).

Осина—проклята Богомъ за то, что не поклонилась пресв. Богородицѣ во время бѣгства св. Семейства въ Египетъ (Костомаровъ, въ «Бесѣдѣ» 1872 г., т. VIII, стр. 71), потому что шелестѣла листьями, когда воины искали Спасителя во время бѣгства св. Семейства въ Египетъ (Чуб., т. I, стр. 76), потому что она не соблюла тишину, когда Спаситель скрылся подъ нею отъ жидовъ передъ своей крестной смертью (Nowos. т. I, стр. 143), потому что

на ней повѣсился Іуда (Чуб., т. I, стр. 76; Еф., стр. 11, Рогов., стр. 132)[1]).

Ива проклята Богомъ за то, что изъ нея дѣлаемы были гвозди, которыми сколачивали крестъ Спасителя (Чуб., т. I, стр. 76) или за то, что ивовыя иголки забивали Спасителю подъ ногти. Господь сказалъ, что черви будутъ ее точить отъ молодости до старости, отъ корня до верхушки (Голов., т. III, стр. 719).

Береза побѣлѣла отъ испуга, потому что Іуда хотѣлъ на ней повѣситься (Чуб., т. I, стр. 76).

Бузина—проклятое дерево, потому что на ней повѣсился Іуда, по другому варіанту повѣсили св. Варвару, по третьему—потому что подъ нею постоянно сидитъ чортъ (Чуб., т. I, стр. 77).

Камышъ принадлежитъ чертямъ. Черти завладѣли имъ во время земной жизни Спасителя. Однажды чортъ, встрѣтивъ Спасителя, началъ просить Его отдать ему въ распоряженіе гречиху и овесъ на томъ основаніи, что онъ пособлялъ Богу творить міръ. Господь исполнилъ его просьбу. Чортъ, не поблагодаривши Бога, побѣжалъ. Онъ неожиданно встрѣтилъ волка, испугался, и на вопросъ волка, чего такъ скачетъ? позабылъ о полученномъ подаркѣ и сказалъ: «Богъ мени давъ очеретъ и осетъ», и потому черти владѣютъ только очеретомъ и осетомъ (Чуб., т. I, стр. 79).

Осетъ, *Осотъ*. Подъ этимъ названіемъ извѣстны Circaea lutitiana—Видьмино зилле, Cirsium arvense Scop.—наголоватки, жербій и Sonhus arvensis—молочакъ (Рогов., §§ 186, 187, 653). Въ народныхъ разсказахъ осотъ принадлежитъ чорту, по извѣстной уже намъ причинѣ (Чуб., т. I, стр. 79). Варіантъ: ап. Павелъ испугалъ чорта (Чуб., т. I, стр. 81).

Куколь (Ägrastema githago L.)—чортово зелье, полученное чертомъ вмѣсто овса. Разсказъ о куколѣ сходенъ съ разсказомъ объ осотѣ. Дьявола испугалъ человѣкъ (Драг., стр., 15).

Хлѣбный колосъ во время земной жизни Спасителя шелъ отъ земли (стоколосъ). Ап. Петръ «обшморгалъ» его въ гнѣвѣ за то, что одна женщина дала Спасителю въ дорогѣ грязный блинъ (Драг., стр. 14).

---

[1]) Тождественныя сказанія о проклятой осикѣ у нѣмцевъ и сербовъ.—См. у Веселовскаго въ Сборн. акад. наукъ, т. 32, стр. 245—246, примѣч., и потомъ стр. 455—456.

Табакъ заимствованъ отъ чертей. Разсказъ объ этомъ у Драг., стр. 13.

Волы и ослы сотворены Богомъ. Это благословенныя животныя, потому что укрывали Спасителя въ яслахъ соломой и согрѣвали его (Чуб., т. I, стр. 49; разн. духов. стихи).

Лошадь—превращенный дьяволъ, проклята Богомъ, потому что разбрасывала сѣно въ тѣхъ ясляхъ, гдѣ лежалъ Спаситель (Чуб., т. I, стр. 49).

Свинья—отъ жидовки. Спаситель, странствуя по землѣ, обернулъ въ свинью жидовку, спрятавшуюся подъ корытомъ (Чуб., т. I. стр. 49, Драг., стр. 4).

Собака служила Богу при сотвореніи перваго человѣка изъ глины, оберегала его отъ дьявола и такъ какъ однажды, не имѣя шерсти, почувствовала холодъ и заснула, чѣмъ воспользовался дьяволъ и оплевалъ человѣка, то Богъ далъ ей шерсть (Драг., стр. 1). Собака—изъ ребенка, который бѣгалъ за Спасителемъ и лаялъ, подобно собакѣ (Чуб., т. I, стр. 53).

Медвѣдь. Мужикъ хотѣлъ испугать Спасителя; надѣвши шубу мѣхомъ вверхъ, онъ крикнулъ на Іисуса, и былъ за то обращенъ въ медвѣдя (Чуб., т. I, стр. 50, Драг., стр. 5).

Волкъ. Спаситель во время странствованія по землѣ отдалъ однажды корову бѣдной вдовы волку (Драг., стр. 119). Такъ какъ люди въ старину не берегли своего скота, то Богъ приказалъ чорту слѣпить изъ глины волка. Чортъ быстро сдѣлалъ живаго волка и привелъ его къ Богу. Волкъ былъ величиной съ коня, и Богъ велѣлъ чорту уменьшить его. «Чортъ взявся стругати вовка и съ остружкивъ зробилися *шершни*, а зъ меньшихъ *оводы*, а ще зъ меньшихъ *мухи*, а зъ самыхъ меньшихъ *комари*». Волкъ такъ разозлился отъ боли, что сказалъ Богу, что будетъ нападать не только на скотину, но и на людей (Чуб., т. I, стр. 52). А. Н. Веселовскій указалъ на южно-славянское, греческое, албанское и эстонское преданія о созданіи волка дьяволомъ (Сборн. ак. н., т. 32, стр. 328, 332, 458—459).

Кошка создана Богомъ. Она охраняетъ человѣка отъ всего злаго. Когда Ной вошелъ въ ковчегъ, то дьяволъ впустилъ *мышь*, предполагая, что она прогрызетъ въ ковчегѣ дыру, и ковчегъ потонетъ. Кошка задавила эту мышь (Чуб., т. I, стр. 54, разск. изъ

литинскаго уѣзда). По другому разсказу, чортъ, обратившись въ мышь, плылъ черезъ море соблазнить Еву; но пресв. Дѣва, увидя это, бросила свою рукавицу; изъ этой рукавицы сдѣлалась кошка и пожрала мышь (Чуб., т. I, стр. 54, разск. изъ ушицк. уѣзда).

Многія растенія и животныя связаны въ народныхъ разсказахъ съ чортомъ, напримѣръ, терлычъ, тоя, чортополохъ (прогоняютъ чорта), сорока, павлинъ (оборотьни чорта), воробьи (вышли изъ чертей); но присутствія чорта еще недостаточно, чтобы повѣрья подобнаго рода относить исключительно къ апокрифическимъ источникамъ; нѣкоторыя повѣрья этого рода основываются на древнихъ религіозно-миѳическихъ воззрѣніяхъ народа на природу.

Вороны нѣкогда были бѣлые. Почернѣли же они вотъ отчего: Ной послѣ потопа послалъ ворона отыскать землю, «але овôнъ нашовъ мерлаго человѣка, изъ нёго ѣвъ и за то почернѣвъ» (Головац., въ «Чтеніяхъ» 1872 г., т. IV, стр. 417).

Ласточка. «Якъ жиды Христа роспинали, то ластовки крали у ихъ цвяшки» (Чуб., т. I, стр. 59).

Воробьи прокляты потому, что кричали «живъ, живъ», когда жиды мучили Христа (Чуб., т. I, стр. 59).

Кукущка и чайка произошли отъ дѣвушекъ, которыя вздумали испугать Спасителя (Чуб., т. I, стр. 60).

Аистъ произошелъ изъ служанки пресв. Дѣвы Маріи, которая не исполнила приказанія своей госпожи (Чуб., т. I, стр. 62).

Жабы мѣшали своимъ крикомъ царю Давиду писать псалтырь. Царь Давидъ приказалъ истребить ихъ, но жабы заявили ему, что «всякое дыханіе да хвалитъ Господа». Давидъ призналъ основательность этихъ словъ, закончилъ ими псалтырь и благословилъ жабъ (Чуб., т. I, стр. 65).

Однобока рыба. Во время благовѣстія пресв. Дѣва кушала рыбу, и одинъ бокъ ея былъ уже съѣденъ; остались одни ребра. Выслушавъ благовѣстіе, пресв. Дѣва сказала: «Тоди мій сынъ воскресне, якъ оця рыбка оживе», а рыбка: плюсь .. и ожила (Чуб., т. I, стр., 67).

Камбала упала на землю съ тарелки, когда пресв. Дѣва ее кушала. Камбала проклята Богородицей (Чуб., т. I, стр. 67).

Приведенныя сказанія о растеніяхъ и животныхъ даютъ ясныя указанія, какіе апокрифы оказали вліяніе на народно-поэтическую

батанику и зоологію, апокрифы о сотвореніи міра (разсказы о происхожденіи камыша и собаки), апокрифы о построеніи ковчега (кошка, мышь, воронъ), апокрифы о Давидѣ (жабы), апокрифы о Рождествѣ Спасителя (волъ и оселъ) и о бѣгствѣ св. семейства въ Египетъ (осина), въ особенности апокрифы о хожденіи Спасителя съ апостолами по землѣ и о страданіяхъ и крестной смерти Спасителя. Сказанія объ однобокой рыбѣ и о камбалѣ, вѣроятно, сложились подъ вліяніемъ римско-католическихъ изображеній пресв. Богородицы съ рыбой, образцомъ которыхъ можетъ служить извѣстная картина Рафаэля въ мадридскомъ Прадо. Многія сказанія о растеніяхъ и животныхъ весьма близко повторяютъ апокрифы, точнѣе отдѣльные ихъ мотивы, извѣстные по древнимъ рукописямъ, напримѣръ:

Въ народномъ разсказѣ литинскаго уѣзда: „Когда Ной, по приказанію Бога, забралъ въ ковчегъ по парѣ всѣхъ животныхъ, то чортъ впустилъ секретно мышь, предполагая, что она прогрызетъ въ ковчегѣ дыру, и ковчегъ потонетъ; но кошка, замѣтивъ мышь, схватила ее и задавила и такимъ образомъ разрушила козни дьявола“ (Чуб., т. I, стр. 54).

Въ сказаніи Меѳодія Патарскаго о Ноѣ, издан. А. Н. Пыпинымъ по рукописи 1602 г. „Тогда окаянный дьяволъ хотяше потопить весь родъ человѣчь и превратився мышью и нача грысти дно ковчегу. Ной же помолися Богу, и прысни лютый звѣрь (левъ) и выскочиста изъ ноздрій его котъ и кошка, и скочиша, и задавиша мышь, и не избысть діяволе злохитроство“ (Памят., т. III, стр. 18).

Народное сказаніе о царѣ Давидѣ и жабахъ (Чуб., т. I, стр. 65) почти буквально повторяетъ апокрифъ (Порф., стр. 93—94), о которомъ я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній въ 8 главѣ настоящаго изслѣдованія.

Народное сказаніе о сотвореніи волка дьяволомъ (Чуб., т. I, стр. 52) сходно съ тѣмъ, что говорится въ «Чтеніи отъ Адама»: дьяволу приписывается сотвореніе медвѣдя и волкодлаковъ (Веселовскій, въ 32 т. «Сборн. акад. наукъ», стр. 459).

46.

Вопросы и отвѣты св. Отцовъ.

Подъ такимъ названіемъ въ одной галицко-русской перемышльской рукописи помѣщенъ апокрифъ, болѣе извѣстный подъ названіемъ «Бесѣда трехъ святителей». «Бесѣда» издана Пыпинымъ по рукописи XVII—XVIII ст. (Памят. стар. рус.-лит., т. III, стр. 169—178) и Тихонравовымъ по рукописи XV в. и рукописи XVII в.

(Памят. отреч. литер. т. II, стр. 429—438). Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ задаютъ другъ другу вопросы: гдѣ Богъ жилъ до сотворенія свѣта? изъ чего созданы ангелы, громъ, мѣсяцъ? сколько вѣтровъ, большихъ горъ, рѣкъ? на какомъ деревѣ повѣсился Іуда? и сами же отвѣчаютъ на эти и многіе другіе вопросы. «Бесѣда» одинъ изъ самыхъ популярныхъ и важныхъ въ историко-литературномъ отношеніи апокрифовъ. Мы имѣли случай, говоритъ г. Калужняцкій, присутствовать не разъ и не два при свободныхъ разговорахъ нашихъ галицко-русскихъ горянъ и узнали къ нашему удивленію, что и теперь еще занимаютъ ихъ вопросы такого рода, какъ, напримѣръ, отъ количихъ частей Богъ сотворилъ Адама? Гдѣ обрѣтается Адамъ въ настоящее время? Кто Бога первѣе назвалъ Богомъ на землѣ? Гдѣ, на которомъ мѣстѣ было крещеніе Христово? Какую пользу имѣетъ человѣкъ, почитая дни святыхъ? Въ чемъ завидуютъ ангелы человѣку? Какимъ языкомъ будетъ Богъ судить всему міру въ день кончины міра? Что такое громъ и молнія? Какъ и откуда взялся огонь? Отъ чего сотворилъ Богъ солнце и мѣсяцъ? Какое мастерство древнѣе другихъ и пр. и пр. А если захотите узнать, каково мнѣніе нашихъ горянъ о предложенныхъ здѣсь предметахъ народной пытливости, то услышите подробности, которыя находятся почти дословно въ такъ называемыхъ вопросахъ и отвѣтахъ св. отцовъ, услышите, что Богъ сотворилъ Адама отъ седьми частей (тѣло отъ земли, кости отъ камня и пр.), что Адамъ въ настоящее время находится на четвертомъ небѣ, что Бога Богомъ впервые назвалъ сатана, что Христосъ крестился въ Іорданѣ, гдѣ смывалъ свои грѣхи и Адамъ (а Ева въ р. Тигрѣ); что святые отмаливаютъ передъ Богомъ грѣхи наши; ангелы завидуютъ людямъ въ томъ, что Христосъ Богъ принялъ тѣло человѣка; что Богъ будетъ судить языкомъ сирійскимъ; что громъ—оружіе, которымъ ангелы прогоняютъ дьявола, а молніи—очи ангела Атанаила; что огонь принесенъ на землю архангеломъ Михаиломъ, который вжегъ его отъ зѣницы самого Бога; что солнце произошло отъ слезъ, которыя пролилъ Богъ на землю, когда помыслилъ о будущей смерти Сына своего Іисуса Христа и о смерти человѣка; что мѣсяцъ произошелъ отъ епитрахиля Господня, отъ котораго произошли и ангелы; что самое древнѣйшее мастерство есть шитье и пр. и пр.» (Обзоръ

слав.-рус. памят., стр. 22—23). Одно сказаніе о душѣ умершаго, записанное въ кіевской губерніи, начинается словами: «Три святителя, Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ во время своей земной жизни ходили вмѣстѣ и учили народъ» (Чуб., т. I, стр. 148). Имена святителей взяты изъ «Бесѣды».

Въ народныхъ разсказахъ о Страшномъ Судѣ: „Уси мертви повстають изъ ямъ своихъ, и вси воны станутъ тридцатилитками, и старе и мале, хтобъ якимъ не вмеръ, уси станутъ одинаковыхъ литъ, тридцатилитками“ (Чубин., т. I, стр. 221; Драг., стр. 109).

Въ Вопросахъ Іоанна Богослова на горѣ Ѳаворской: „Яко бо пчела нѣсть лучши друга други, но суть вся купно единымъ образомъ, тако есть воскресеніе; то убо нѣсть правости, ни черьмности, или различна лица, но вси единымъ образомъ возстанутъ и вси единымъ возрастомъ“ (Тих., т. II, стр. 177).

Въ Бесѣдѣ трехъ святителей: Вопросъ: Како стати человѣкомъ на воскресеніе и которыя дѣтища умроша, дѣтски ли имъ возстати? Отвѣтъ: Вси измѣнимся, и на воскресеніе стати всѣмъ человѣкомъ тридцати лѣтъ, въ единъ возрастъ, и во единой одежды облекутся (Пыпинъ, т. III, стр. 172).

Такимъ образомъ, малорусскій народный разсказъ о воскресеніи мертвыхъ стоитъ ближе къ «Бесѣдѣ трехъ святителей», чѣмъ къ «Вопросамъ Іоанна Богослова» и заимствованъ очевидно изъ «Бесѣды».

Кромѣ разсмотрѣнныхъ уже нами апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ, есть еще другія, судя по краткимъ указаніямъ старинныхъ южнорусскихъ письменныхъ памятниковъ и народной словесности. Такъ въ сборникѣ свято-онуфріевскаго монастыря во Львовѣ находятся отвѣты на вопросы, почему Богъ попустилъ дьяволу бороться съ человѣческимъ родомъ, «какъ бѣ по плоти Богородица сродница Елизаветы», «како Предтеча сродникъ бысть первой женѣ Іосифа обручника», «како Марія Клеопова бысть сестра святѣй Богородицѣ». Эти вопросы и отвѣты извѣстны подъ именемъ Родословія Богородицы и приписываются св. Евсевію іерусалимскому. Въ томъ же сборникѣ находятся «Видѣніе Нифонта о роусаліяхъ», «Повѣсть св. Аѳанасія о чародеѣ Меситѣ» и «Преніе ап. Петра съ Симономъ волхвомъ». Въ рукописяхъ перемышльской соборной библіотеки встрѣчаются «Слово святыхъ апостолъ о постѣ и молитвѣ», «Слово о Страшномъ Судѣ», приписанное пророку Даніилу, «Живота вѣчнаго зерцало», гдѣ говорится

о судьбахъ человѣка по смерти и «Пекельная вѣчность»—сказаніе о мученіяхъ грѣшниковъ въ аду (Калужн., стр. 25). Въ духовныхъ стихахъ находятся апокрифическія черты о жизни святыхъ, напримѣръ, въ стихахъ объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ.

Къ апокрифическимъ сказаніямъ примыкаютъ многія повѣсти, напримѣръ, «Повѣсть о преніи живота со смертью», источникъ которой находится въ старинной нѣмецкой литературѣ (см. спеціальное изслѣд. г. Жданова «Къ литерат. исторіи рус. былевой поэзіи 1881 и рецензію А. Н. Веселовскаго въ Журн. м. н. пр.». 1881 г. янв.).

Можно навѣрно сказать, что апокрифическая литература вліяла и на южнорусскую иконопись. Извѣстно, напримѣръ, что на фрескахъ кіево-софійскаго собора изображена Анна передъ птичьимъ гнѣздомъ, скорбящая о своемъ неплодствѣ и получающая благовѣстіе отъ ангела о томъ, что она родитъ пресв. Богородицу (Барсовъ, О воздѣйствіи апокрифовъ на иконопись, въ Журн. м. н. пр., 1885 г., т. XII, стр. 105), черта апокрифическая, взятая изъ «Апокрифической исторіи о Рождествѣ Богоматери».

Дополнительныя замѣтки.

Народныя сказанія о св. Николаѣ связаны, кромѣ Кіева и Святыхъ горъ, также съ нѣкоторыми другими мѣстностями Малороссіи. Такъ, Галятовскій сообщаетъ въ «Небѣ Новомъ» (1665 г. гл. 28) слѣдующія преданія о г. Заваловѣ и монастырѣ Погоня: городъ Заваловъ получилъ названіе отъ валовъ, давно насыпанныхъ; три вала на горѣ и между ними монастырь съ церковью св. Николая. «Повѣдаютъ старые духовные и свѣтскіе люди, которые отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ слышали, же Бунякъ, яко они мовятъ, але рачей Батый, царь татарскій, разоряя русскую землю, встрѣтилъ воеводу Романа, который окопался тремя валами. Романъ видѣлъ во снѣ св. Николая, который велѣлъ ему биться и на мѣстѣ побѣды построить въ честь пресв. Богородицы церковь, что Романъ потомъ и исполнилъ: онъ построилъ церковь во имя Успенія пресв. Богородицы и монастырь подъ названіемъ Погоня».

Довольно много апокрифическихъ сказаній о пресв. Богородицѣ вошло въ «Небо Новое» Галятовскаго, вышедшее первона-

чально во Львовѣ въ 1665 г. (2 изд. въ Черниговѣ въ 1677 г., 3 изд. въ Могилевѣ въ 1699 г.). Во 2 главѣ мы находимъ сказанія о томъ, что пресв. Дѣва жила въ Соломоновомъ храмѣ, слышала здѣсь гласъ Бога, видѣла ангеловъ и являлась въ чудесномъ видѣніи Елисаветѣ. Первосвященникъ приказалъ всѣмъ людямъ рода Давида принести въ храмъ палки. Палка Іосифа зацвѣла и на нее сѣлъ Духъ Божій въ видѣ голубя; по этому знаку послѣдовало обрученіе пресв. Дѣвы съ Іосифомъ. Въ 4 главѣ говорится о томъ, что смоковница раздвоилась, чтобы доставить Іисусу Христу и пресв. Дѣвѣ жилище; пальмовое дерево, по приказанію Іисуса, нагнулось, и пресв. Дѣва взяла его плоды. Когда пресв. Дѣва вошла въ языческій храмъ, 365 идоловъ пали передъ ней, и царь Ефродозій (Афродитіанъ апокрифовъ) вмѣстѣ съ своимъ войскомъ крестился. Въ этой же главѣ говорится о нападеніи разбойниковъ на св. Семейство во время его бѣгства въ Египетъ и о томъ, что львы и тигры указывали ему дорогу. У Гермополя св. семейству поклонилось дерево; въ одномъ храмѣ двери отворились передъ пр. Дѣвой. Пресв. Дѣва мыла пеленки передъ уходомъ въ Египетъ, и этой водой одна женщина вылѣчила своего сына отъ проказы. Въ 5 главѣ говорится, что пресв. Дѣва знала будущее, что на горѣ Елеонской Ей однажды деревья кланялись и что Она вмѣстѣ съ апостолами получила даръ знанія языковъ. Въ 6 главѣ говорится, что передъ кончиной пр. Богородицы ангелъ принесъ Ей съ неба пальмовую вѣтвь, которую потомъ несли впереди Ея гроба и что апостолы на облакахъ были принесены въ Іерусалимъ на погребеніе пресв. Богородицы. Іисусъ самъ взялъ Ея душу и отнесъ Ее на небо; жиды хотѣли опрокинуть гробъ, но ослѣпли; ангелы пѣли на похоронахъ пресв. Богородицы.

Въ дополненіе къ тому, что ранѣе было сказано о сближеніи пресв. Богородицы съ лиліей, укажемъ на слѣдующее замѣчаніе Галятовскаго въ «Небѣ», глава 3. Для устраненія всякаго сомнѣнія въ дѣвственности пресв. Дѣвы Егидій три раза ударялъ въ землю своимъ жезломъ, говоря: до рождества Дѣва, въ рожденіи Дѣва и по рождествѣ Дѣва, и каждый разъ выростала лилія. Въ главѣ 7 сообщается, что когда умеръ одинъ человѣкъ, постоянно говорившій: «радуйся, Марія!», то изъ устъ его выросла лилія съ надписью: «радуйся, Марія»!

Въ 7 главѣ «Неба» говорится, что въ Голландіи одинъ монахъ постоянно читалъ псалмы, начинающіеся съ буквъ м, а, р, і, я. Когда онъ умеръ, то изъ его ушей, глазъ и устъ выросли розы; роза, вышедшая изъ устъ, не увяла и была вставлена въ оправу.

Въ 8 главѣ «Неба» говорится, что пр. Дѣва соткала Іисусу одежду, одежда эта потомъ росла съ возрастомъ Іисуса. Передъ своей кончиной пр. Дѣва свою ризу и поясъ передала ап. Ѳомѣ.

Сказанія объ обмираніяхъ и о томъ, что разсказывала грѣшная душа, побывавшая въ аду, проникали въ Малороссію, между прочимъ, литературнымъ путемъ. Такъ Галятовскій въ 10 главѣ «Неба» 1665 г. говоритъ, что въ Англіи умеръ одинъ развратный молодой человѣкъ, но вскорѣ онъ воскресъ и разсказалъ священнику, что злые духи тянули его въ адъ за то, что онъ не давалъ десятины отъ своихъ доходовъ священникамъ, тайкомъ ловилъ рыбу въ монашескомъ прудѣ и на охотѣ топталъ крестьянскій хлѣбъ.

Въ 18 главѣ «Неба» говорится, что арабскій царь Анфилогъ видѣлъ въ церкви, какъ священникъ въ таинствѣ евхаристіи закололъ Іусуса въ видѣ младенца. Разсказъ этотъ повторяется и въ «Мессіи Правдивомъ».

Поэтическій мотивъ русско-галицкой пѣсни «Війте дѣвойки»— жалоба Богу на женщинъ, что онѣ по воскресеньямъ расчесываютъ свои волосы, не представляетъ повидимому одиночнаго явленія въ исторіи литературы. Нѣчто подобное находится въ италійской народной поэзіи, въ приложеніи къ пятницѣ. Въ Сициліи говорятъ, что Спаситель, странствуя съ своими апостолами по землѣ, сѣлъ однажды въ пятницу отдохнуть и попросилъ воды у одной женщины. Женщина въ то время расчесывала себѣ волосы и грубо отказала. Тогда Спаситель сказалъ: «да будутъ прокляты тѣ косы, которыя расчесываютъ по пятницамъ»! (Питре, въ Журн. мин. народ. просв., 1876 г., т. CLXXXIII, стр. 922).

Гогъ упоминается у пр. Іезекіиля (гл. 38 и 39), какъ завоеватель, поселившійся въ землѣ Магога. Тайновидецъ Іоаннъ, говоря о временахъ антихриста, упоминаетъ Гога и Магога (Апок., стр. 20, 8). По свидѣтельству Плинія (кн. V, стр. 25) подъ именами Гога и Магога разумѣлись иногда цари Ассиріи и окрестныхъ странъ. Но въ пророчествѣ видно иносказаніе, и учители церкви

прилагаютъ его то къ туркамъ, ведущимъ брань съ христіанами, то къ скиѳамъ (Плюшаръ, Энцикл. словарь, т. XIV, стр. 325). Въ «Мессіи Правдивомъ» Галятовскаго Гогъ и Магогъ упоминаются въ изъясненіи 6 и 18 пророчествъ, въ первомъ случаѣ въ значеніи народовъ, заключенныхъ въ горы Александромъ Македонскимъ, во второмъ Гогъ въ значеніи антихриста, а Магогъ его воинства. Въ концѣ міра Іисусъ поразитъ Гога и Магога на Елеонской горѣ, причемъ на полѣ битвы будетъ столько копій и луковъ, что евреи могли бы отопиться ими вмѣсто дровъ въ теченіи семи лѣтъ. Въ «Вѣнцѣ вѣры» Симеона Полоцкаго излагаются различныя мнѣнія церковныхъ писателей о Гогѣ и Магогѣ: по однимъ Гогъ и Магогъ заклятые народы, запертые въ горахъ, другіе подъ именемъ Гога разумѣли подданныхъ антихриста, дѣйствующихъ противъ христіанъ тайно, а подъ именемъ Магога слугъ антихриста, дѣйствующихъ открыто противъ христіанъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

БЕЗТАЛАННЫЙ.

(Поэма Т. Гр. Шевченка[1]).

На память 9-го ноября 1843 года княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ Репниной.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Душѣ съ прекраснымъ назначеньемъ
Должно любить, терпѣть, страдать,
И даръ Господній вдохновенье
Должно слезами поливать.
Для васъ понятно это слово!...
Для васъ я радостно сложилъ
Свои житейскія оковы,
. . . .
И слезы въ звуки перелилъ.
Вашъ добрый ангелъ осѣнилъ
Меня безсмертными крылами
И тихостройными рѣчами
Мечты о раѣ пробудилъ.

Яготинъ, 11 ноября,
1843 г.

Души ваши очистивше въ послушаніи истины духомъ, въ братолюбіи нелицемѣрно, отъ чиста сердца другъ друга любите прилежно: порождени не отъ сѣмени истлѣнна, но не истлѣнна, словомъ живаго Бога пребывающаго во вѣки. Зане всяка плоть, яко трава, и всяка

[1]) Изъ журнала „Маякъ" за 1844 г., т. XIV.

слава человѣча, яко цвѣтъ травный: изсше трава, и цвѣтъ ея отпаде, глаголъ же Господень пребываетъ во вѣки. Се же есть глаголъ благовѣтствованный въ васъ.

(Первое соборное посланіе св. апостола Петра, 1, 22—25).

Двѣнадцать приборовъ на кругломъ столѣ,
Двѣнадцать бокаловъ высокихъ стоятъ;
И часъ ужъ проходитъ,
Никто не приходитъ;
Должно быть друзьями
Забыты они.

Они не забыты,—въ урочную пору,
Обѣтъ исполняя, друзья собрались
И вѣчную память пропѣли соборомъ.
Отправили тризну—и всѣ разошлись.
Двѣнадцать ихъ было; всѣ молоды были,
Прекрасны и сильны. Въ прошедшемъ году
Найлучшаго друга они схоронили
И другу поминки въ тотъ день учредили,
Пока на свиданье къ нему не сойдутъ.
Счастливое братство! единство любви
Почтите вы свято на грѣшной земли:
Сходитеся, други, какъ нынѣ сошлись,
Сходитеся долго и пѣснею новой
Воспойте побѣду безъ злобы и крови!
Благословенъ твой малый путь,
Пришлецъ убогій, неизвѣстный!
Ты силой Господа чудесной
Возмогъ въ сердца людей вдохнуть
Огонь любви, огонь небесный.
Благословенъ! ты Божью волю
Короткой жизнью освятилъ
И долю рая въ сей юдоли
Безмолвно ты провозгласилъ.
Когда братъ брата алчетъ крови—
Ты сочеталъ любовь въ чужихъ;

Свободу людямъ въ братствѣ ихъ
Ты проявилъ; великимъ словомъ
Ты міру миръ благовѣстилъ;
И отходя благословилъ
Свободу блага,—духъ любви!
Душа избранная, зачѣмъ
Ты мало такъ у насъ гостила?
Тебѣ здѣсь тѣсно, трудно было!
Но ты терпѣла здѣшній плѣнъ;
Ты, непорочная, взирала
Скорбя на суетныхъ людей
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . и теперь
На міръ нашъ темный и лукавый
Съ тоской безстрастною глядишь.
Благоговѣю предъ тобою,
Въ безмолвномъ трепетѣ дивлюсь;
Молюсь, тоскующій душою,
Какъ передъ ангеломъ молюсь!
Сниди, пошли мнѣ исцѣленье!
Внуши, навѣй на хладный умъ
Хоть мало свѣтлыхъ, чистыхъ думъ;
Хоть на единое мгновенье
Темницу сердца озари
И мракъ строптивыхъ помышленій
И разгони и усмири.
Правдиво тихими рѣчами
Ты разскажи мнѣ все свое
Земное благо-житіе
И научи владѣть сердцами
Людей кичливыхъ и своимъ,
Уже растлѣннымъ, уже злымъ...
Скажи мнѣ тайное ученье—
Любить гордящихся людей

И рѣчью кроткой и смиреньемъ
Добро лишь сѣять въ жизни сей.
Да просвѣщаю гимнъ пророчій
И долу правду низведу
И погасающія очи
Безъ страха къ небу возведу.
И въ этотъ часъ послѣдней муки
Пошли мнѣ истинныхъ друзей
Сложить хладѣющія руки
И безкорыстія елей
Пролить изъ дружескихъ очей.
Благословлю мои страданья,
Отрадно смерти улыбнусь
И къ вѣчной жизни съ упованьемъ
Къ тебѣ на небо вознесусь.
Благословенъ твой малый путь,
Пришлецъ неславленный, чудесный!
Въ семьѣ убогой, неизвѣстной
Онъ выросталъ; и жизни трудъ,
Какъ сирота, онъ встрѣтилъ рано;
Упреки злые встрѣтилъ онъ
За хлѣбъ насущный... Дѣтскій сонъ
Исчезъ, какъ голубь боязливый;
Тоска, какъ воръ, нетерпѣливо
Въ разбитомъ сердцѣ притаясь,
Губами родными впилась
И кровь невинную сосала...
Душа рвалась, душа рыдала,
Просила воли... умъ горѣлъ,
Въ крови гордыня клокотала...
Онъ трепеталъ... онъ цѣпенѣлъ...
Рука сжимаяся дрожала...
О, если бъ могъ онъ шаръ земной
Схватить озлобленной рукой,
Со всѣми гадами земными,
Схватить, измять и бросить въ адъ!...
Онъ былъ бы счастливъ, былъ бы радъ.

Онъ хохоталъ, какъ демонъ лютый,
И длилась страшная минута,
И міръ пылалъ со всѣхъ сторонъ;
Рыдалъ, нѣмѣлъ онъ въ изступленьи,
Душа терзалась страшнымъ сномъ;
Душа мертвѣла, а кругомъ
Земля, Господнее творенье,
Въ зеленой ризѣ и цвѣтахъ,
Весну встрѣчая, ликовала.
Душа отрадно пробуждалась
И пробудилась... Онъ въ слезахъ
Упалъ и землю лобызаетъ,
Какъ перси матери родной!...
Онъ снова чистый ангелъ рая
И на землѣ онъ всѣмъ чужой.
Взглянулъ на небо: «о какъ ясно,
Какъ упоительно прекрасно!
О, какъ тамъ вольно будетъ мнѣ»!
И очи въ чудномъ полуснѣ
На сводъ небесный устремляетъ
И въ безпредѣльной глубинѣ
Душой невинной утопаетъ.
По высотѣ святой широкой
Платочкомъ бѣлымъ одинока
Прозрачна тучка въ даль плыветъ.
«Ахъ тучка, тучка! кто несетъ
Тебя такъ плавно, такъ высоко?
Ты что такое? и зачѣмъ
Такъ пышно, мило нарядилась?
Куда ты послана и кѣмъ?»..
И тучка тихо растопилась
На небѣ свѣтломъ; взоръ унылый
Онъ опустилъ на темный лѣсъ...
«А гдѣ край свѣта, край небесъ,
Концы земли?».. И вздохъ глубокій,
Не дѣтскій вздохъ онъ испустилъ,

Какъ будто въ сердцѣ одинокомъ
Надежду онъ похоронилъ.
Въ комъ вѣры нѣтъ,—надежды нѣтъ!
Надежда—Богъ, а вѣра—свѣтъ.
«Не погасай, мое свѣтило!
Туманъ душевный разгоняй,
Живи меня твоею силой
И путь тернистый, путь унылый
Небеснымъ свѣтомъ озаряй.
Пошли на умъ твою святыню,
Святымъ наитіемъ напой,
Да провѣщаю благостыню,
Что заповѣдана тобой!»..
Надежды онъ не схоронилъ;
Воспрянулъ духъ, какъ голубь горній,
И мракъ сердечный, мракъ юдольный
Небеснымъ свѣтомъ озарилъ;
Пошелъ искать онъ жизни, доли,
Уже прошелъ родное поле,
Уже скрывалося село.....
Чего то жаль внезапно стало;
Слеза рѣсницы пробивала,
Сжималось сердце и рвалось.
Чего то жаль намъ въ прошломъ нашемъ,
И что то есть въ землѣ родной....
Но онъ, бѣднякъ, онъ всѣмъ не свой
И тутъ и тамъ. Планета наша,
Прекрасный міръ нашъ, рай земной
Во всѣхъ концахъ ему чужой;
Припалъ онъ къ персти милой
И, какъ родную, лобызалъ
Рыдая тихо и уныло,
На путь молитву прочиталъ...
И твердой вольною стопой
Пошелъ.... и скрылся за горой.

За рубежомъ родной земли
Скитался нищимъ сиротою.
Какія слезы не лились!
Какой ужасною цѣною
Уму познанія купилъ
И дѣтство сердца сохранилъ!
Безъ малодушной укоризны
Пройти мытарства трудной жизни,
Измѣрить пропасти страстей,
Понять на дѣлѣ жизнь людей,
Прочесть всѣ черныя страницы,
Всѣ беззаконныя дѣла...
И сохранить полетъ орла
И сердце чистой голубицы!
Се человѣкъ.... безъ крова жить,
Людей извѣдать—и любить!
Незлобнымъ сердцемъ сожалѣя
О недостойныхъ ихъ дѣлахъ
И не кощунствуя въ потьмахъ,
Какъ царь ума. Убогимъ, нищимъ
Изъ за куска насущной пищи
Глупцу кичливому годить
И мыслить, чувствовать и жить!...
Вотъ драма страшная, святая!..
И онъ прошелъ ее, рыдая,
Ее онъ строго разыгралъ
Безъ слова; онъ не толковалъ
Своихъ вседневныхъ приключеній,
Какъ назидательный романъ;
И тьму различныхъ сновидѣній
И Байроническій туманъ
Онъ не пускалъ; «толпой ничтожной»
Своихъ друзей не поносилъ;
Чиновъ и власти не казнилъ,
Какъ N, глашатай осторожный.
И тотъ, кто мыслитъ безъ конца
О мысляхъ Канта, Галилея,

Космополита-мудреца,
И судитъ люди, не жалѣя
Роднаго брата и отца.
Тотъ лжепророкъ! Его сужденья—
Полу-идеи, полу-вздоръ!,..
Провидя жизни назначенье,
Великій Божій приговоръ,
Въ самопытливомъ размышленьи
Онъ подымалъ слезящій взоръ
На красоты своей природы.
«Какъ все согласно!» онъ шепталъ
И край родной воспоминалъ;
У Бога правды и свободы
Всему живущему молилъ,
И кроткой мыслію слѣдилъ
Дѣла минувшія народовъ,
Дѣла страны своей родной
И горько плакалъ. . . . . .
. . . .
. . . .
. . . .

«Великимъ словомъ Божью волю
Сказать строптивымъ—не поймутъ!
И на родномъ прекрасномъ полѣ
Пророка каменемъ побьютъ!»
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Какъ тучи, мысли расходились,
И слезы капали, какъ дождь!...
Блаженъ тотъ на свѣтѣ, кто малую долю,
Кроху отъ трапезы воленъ удѣлить
Голодному брату и злобнаго волю
Закономъ Господнимъ возмогъ укротить!

Блаженъ и свободенъ!... но тотъ, кто не окомъ,
А смотритъ душою на козни людей
И можетъ лишь плакать въ тоскѣ одинокой,
О Боже правдивый, лиши ты очей!
Твои горы, твое море,
Всѣ красы природы
Не искупятъ его горя,
Не дадутъ свободы.
И онъ, страдалецъ жизни краткой,
Все видѣлъ, чувствовалъ и жилъ,
Людей извѣдавши любилъ
И тосковалъ о нихъ украдкой.
Его и люди полюбили[1]),
И онъ ихъ братіями звалъ;
Нашелъ друзей и тайной силой
Къ себѣ друзей причаровалъ;
Между друзьями молодыми
Порой задумчивый.... порой,
Какъ волхвъ-вѣщатель молодой,
Рѣчами звучными, живыми
Друзей внезапно изумлялъ
И силу дружбы между ними
Благословляя укрѣплялъ.
Онъ говорилъ, что обще благо
Должно любовію купить
И съ благородною отвагой
Стать за добро и зло казнить.
Онъ говорилъ, что праздникъ жизни,
Великій праздникъ, Божій даръ,
Должно пожертвовать отчизнѣ,
Должно поставить подъ ударъ.
Онъ говорилъ о страсти нѣжной;
Онъ тихо грустно говорилъ
И умолкалъ!... Въ тоскѣ мятежной
Изъ за стола онъ выходилъ

---

[1]) Какъ цвѣтокъ, процвѣвшій на ихъ болотѣ.

И горько плакалъ. Грусти тайной,
Тоски глубокой, не случайной
Ни съ кѣмъ, страдалецъ, не дѣлилъ.
Друзья любили всей душою
Его, какъ кровнаго; но онъ
Непостижимою тоскою
Былъ постоянно удрученъ,
И между ними свѣтлой рѣчью
Онъ пламенѣлъ. Но межъ гостей,
Когда при тысячѣ огней
Мелькали мраморныя плечи,
О чемъ то тяжко онъ вздыхалъ
И думой мрачною леталъ
Въ странѣ родной, въ странѣ прекрасной,
Тамъ, гдѣ никто его не ждалъ,
Никто о немъ не вспоминалъ,
Ни о судьбѣ его неясной.
И думалъ онъ: «за чѣмъ я тутъ?
И что мнѣ дѣлать между ними?
Они всѣ пляшутъ и поютъ,
Они родня между родными,
Они равны всѣ межъ собой:
А я!»... И тихо онъ выходитъ
Идетъ задумавшись домой;
Никто изъ дому не выходитъ
Его встрѣчать; никто не ждетъ.
Вездѣ одинъ.... тоска, томленье!..
И свѣтлый праздникъ Воскресенья
Тоску сторичную несетъ.
И вянетъ онъ, вянетъ, какъ въ полѣ былина,
Тоскою томимый въ чужой сторонѣ,
И вянетъ онъ молча.... Какая кручина
Запала въ сердечной его глубинѣ?
«О горе мнѣ, горе! зачѣмъ я покинулъ
Невинности счастіе, родную страну?
За чѣмъ я скитался, чего я достигнулъ?
Утѣхи познаній?... Кляну ихъ, кляну!

Они то мнѣ годы, мой умъ истощили,
Съ моимъ тихимъ счастьемъ они разлучили!
Кому я тоску и любовь разскажу?
Кому сердца раны въ слезахъ покажу?
Здѣсь нѣту мнѣ пары, я нищій межъ ними,
Я бѣдный поденщикъ, работникъ простой!
Что дамъ я подругѣ моими мечтами?
Любовь.... Ахъ любови, любови одной
Съ нея на три вѣка, на вѣчность бы стало!
Въ своемъ бы я сердцѣ ее схоронилъ.
О какъ бы я нѣжно, какъ нѣжно любилъ!»
И крупныя слезы, какъ искры, казались,
И блѣдныя щеки и слабую грудь
Росили—и сохли. «О дайте вздохнуть,
Разбейте мнѣ черепъ и грудь разорвите:
Тамъ гады, тамъ змѣи,—на волю пустите!
О дайте мнѣ тихо на вѣки заснуть!»
Страдалъ несчастный сирота
Вдали отъ родины счастливой
И ждалъ конца нетерпѣливо.
Его любимая мечта—
Полезнымъ быть родному краю,
Какъ цвѣтъ, съ нимъ вмѣстѣ увядаетъ!
Страдалъ онъ. Жизни пустота
Предъ нимъ могилой раскрывалась:
Пріязни братской было мало,
Не грѣла теплота друзей,
Небесныхъ солнечныхъ лучей
Душа парящая алкала,—
Огня любви, что Богъ зажегъ
Въ стыдливомъ сердцѣ голубиномъ
Невинной женщины, гдѣ бъ могъ
Полетъ превыспренній, орлиный
Остановить и съединить
Пожаръ любви, любви невинной;
Кого бы могъ онъ пріютить
Въ свѣтлицѣ сердца и разсудка,

Какъ беззащитную голубку,
Отъ жизни горестей укрыть
И къ персямъ юнымъ изнывая
Главой усталою прильнуть,
И цѣпенѣя, и рыдая
На лонѣ жизни, лонѣ рая
Хотя минуту отдохнуть.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Но было некого любить,
Сочетаваться не съ кѣмъ было;
А сердце плакало и ныло
И замирало въ пустотѣ.
Его тоскующей мечтѣ
Въ грядущемъ что то открывалось,
И въ безпредѣльной высотѣ
Святое небо улыбалось.
Какъ воску яраго свѣча
Онъ таялъ тихо, молчаливо,
И на задумчивыхъ очахъ
Туманъ ложился. Взоръ стыдливый
На немъ красавица порой
Покоя, тайно волновалась
И симпатической красой
Украдкой долго любовалась.
. . . .
И можетъ многія грустили
Сердца дѣвичія о немъ.
Но тайной волей, высшей силой
Путь одинокій до могилы
На камняхъ острыхъ проведенъ.
Изнемогалъ онъ, грудь болѣла,
Темнѣли очи, за крестомъ
Граница вѣчности чернѣла
Въ пространствѣ мрачномъ и пустомъ.

Уже въ постелѣ предмогильной
Лежитъ онъ тихъ, и гаснетъ свѣтъ.
Друзей тоскующій совѣтъ
. . . .
Тревожитъ духъ его безсильный.
Поочередно ночевали
У друга вѣрные друзья,
И всякій вечеръ собиралась
Его прекрасная семья.
Въ послѣдній вечеръ собралися
Вокругъ предсмертнаго одра
И просидѣли до утра,
Уже разсвѣтъ смыкалъ рѣсницы,
Друзей унылыхъ сонъ клонилъ,
И онъ внезапно оживилъ
Ихъ грустный сонъ огнемъ бывалымъ
Послѣднихъ пламенныхъ рѣчей;
И други друга утѣшали
Что черезъ семь иль восемь дней
Онъ будетъ пѣть между друзей.
«Не пропою вамъ пѣсни новой
О славѣ родины моей.
Сложите вы псаломъ суровый
Про злобу и грѣхи людей
И свѣтлымъ гимномъ помяните
Предтечу друга своего.
И за грѣхи.... грѣхи его
Усердно Богу помолитесь....
И со святыми упокой
Пропойте, други, надо мной»!
Друзья вокругъ его стояли,
Онъ отходилъ, они рыдали,
Какъ дѣти.... Тихо онъ вздыхалъ,
Вдохнулъ, вдохнулъ... Его не стало!
И міръ поэта потерялъ,
И слава сына потеряла.

Печально други понесли
На утро въ церковь гробъ дубовый,
Рыдая предали земли
Остатки друга, и лавровый
Вѣнокъ, зеленый, молодой,
Слезами дружбы оросили
И на могилѣ положили
И со святыми упокой
Запѣли тихо и уныло.
Въ трапезѣ за круглымъ, за братскимъ столомъ
Ужъ подъ вечеръ други сидѣли кругомъ,
Печально и тихо двѣнадцать сидѣло;
Ихъ сердце одною тоскою болѣло.
Печальная тризна, печальны друзья!...
Ахъ, тризну такую отправилъ и я.
Согласьемъ общимъ положили,
Чтобъ каждый годъ былъ столъ накрытъ
Въ день смерти друга, чтобъ забытъ
Не могъ быть другъ ихъ за могилой,
И всякій годъ они сходились
Въ день смерти друга поминать.
Ужъ многихъ стало не видать,
Приборы каждый годъ пустѣли,
Друзья все больше сиротѣли,—
И вотъ одинъ ужъ сколько лѣтъ
Къ пустымъ приборамъ на обѣдь
Старикъ печальный пріѣзжаетъ;
Печаль и радость юныхъ лѣтъ
Одинъ грустя воспоминаетъ.
Сидитъ онъ долго, мраченъ, тихъ
И поджидаетъ: «нѣтъ ли брата
Хоть одного еще въ живыхъ»?
И одинокій въ путь обратный
Идетъ онъ молча.... И теперь,
Гдѣ круглый столъ стоитъ накрытый,
Тихонько отворилась дверь,
И братъ, что временемъ забытый,

Вошелъ согбенный... Грустно онъ
Окинулъ столъ потухшимъ взоромъ
И молвилъ съ дружескимъ укоромъ:
«Лѣнтяи! видишь, какъ законъ
Священный братскій исполняютъ!
Вотъ и сегодня не пришли,
Какъ будто за море ушли»!
И слезы молча утираетъ,
Садясь за братскій круглый столъ.
«Хоть бы одинъ тебѣ пришелъ»!
Старикъ сидитъ и дожидаетъ.
Проходитъ часъ, прошелъ другой,
Ужъ старику пора домой;
Старикъ встаетъ. «Да, измѣнили!
Послушай, выпей, братъ, вино»,
Сказалъ слугѣ онъ: «все равно,
Я не могу; прошло, что было,
Да поминай за упокой,
А мнѣ пора уже домой»!
И слезы снова покатились.
Слуга вино дивяся выпилъ.
«Дай шляпу мнѣ... какая лѣнь
Идти домой»!.. и тихо вышелъ.
И черезъ годъ въ урочный день
Двѣнадцать приборовъ на кругломъ столѣ
Двѣнадцать бокаловъ высокихъ стоятъ,
И день ужъ проходитъ,
Никто не приходитъ.
На вѣки, на вѣки забыты они!

САВВА ЧАЛЕНКО.

(изъ исторіи гайдамачины прошлаго вѣка)[1].

Украинскій народъ до сихъ поръ поетъ думы о Чаленкѣ, а историки, описывающіе исторію пограничныхъ разбоевъ въ эпоху, предшествовавшую «Коліивщинѣ», извѣстной у насъ повсемѣстно подъ названіемъ уманской рѣзни, посвящаютъ названному ватажку больше или меньше словъ, одни идя вслѣдъ пѣсни, другіе—въ слѣдъ легенды, кто какъ хочетъ, соотвѣтственно съ подробностями, мѣняющимися въ народныхъ разсказахъ. Писали о Саввѣ и Скальковскій, и Мордовцевъ, и Антоновичъ, послѣдній наиболѣе близко къ правдѣ, безпристрастно, однако сдѣлалъ нѣсколько мелкихъ ошибокъ, такъ какъ ему не доставало источниковъ, которые намъ случайно попались. Это—большой фоліантъ, содержащій въ себѣ распоряженія рашковскаго губернатора Михаила Рогускаго, который, именемъ воеводы сандомирскаго и фельдмаршала королевскихъ войскъ, князя Юрія Любомирскаго, управлялъ цѣлымъ Побережьемъ. Фоліантъ обнимаетъ нѣсколько лѣтъ отъ 1728 до 1740 г. и для соціальной исторіи Поднѣстровья составляетъ неоцѣненный матеріалъ.

Исторію впрочемъ хозяйства нашихъ предковъ въ этой землѣ оставляемъ въ сторонѣ; теперь мы намѣрены разсказать приключенія одного человѣка, непродолжительныя, правда, но не лишенныя яркихъ красокъ, и разсказать потому, что ему принадлежитъ скромное мѣсто и въ нашей исторіи.

---

[1]) Переводъ съ польскаго. Изъ кн. D-ra Antoni J. Szkice i opowiadania. Serya piąta. Krakow-Warszawa. 1887.

Извѣстно, что князь Юрій Любомирскій пріобрѣлъ отъ Конецпольскихъ обширныя пустоши, лежавшія между Бугомъ и Днѣстромъ и занимавшія бóльшую часть Подоліи и Брацлавщины. Это былъ такъ называемый трактъ бугскій и днѣстровскій; начинался онъ подъ Винницей и кончался подъ Ягорликомъ и Конецполемъ, выдвинутымъ далеко за савранскія равнины. Колонизацію, бойко начатую здѣсь въ началѣ XVII вѣка великимъ короннымъ гетманомъ и дѣдичемъ этихъ окраинъ, подорвала козацкая мятелица, поднятая Хмельницкимъ, уничтожила окончательно двадцатисемилѣтняя турецкая неволя, а затѣмъ новые ея зачатки погубила Палѣивщина, безумствовавшая на этомъ пространствѣ до 1719 г. Тогда-то найболѣе энергичные наши земяне опустили руки, спуская за что попало окраинныя владѣнія, не приносящія доходовъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Любомирскій, совершилъ скоро и выгодно торгъ съ наслѣдниками Конецпольскаго и, сдѣлавшись владѣльцемъ пустопорожнихъ мѣстъ, рѣшился извлечь изъ нихъ пользу. Это не малая заслуга: онъ первый изъ крупныхъ владѣльцевъ прошлаго столѣтія далъ новый толчекъ къ заселеніямъ здѣсь, «у мультанской и татарской стѣны». На шаргородскія владѣнія вызвалъ мазуровъ, на Побережье по сосѣдству пригласилъ волоховъ, и эти послѣдніе, привлеченные привилегіями, толпами начали селиться на урочищахъ, разсыпанныхъ вдоль лѣваго берега Днѣстра.

Но стягивать поселенцевъ — это еще не все: нужно было создать энергическую администрацію, и вотъ эти обширныя земли были подѣлены на нѣсколько ключей; два мѣстечка — Шаргородъ и Рашковъ были какъ-бы двѣ столицы этого побережскаго государства, тянувшагося на какихъ нибудь тридцать миль и считавшаго слишкомъ 2,500,000 морговъ земли. Цѣлыя толпы официалистовъ роились въ панскихъ фольваркахъ. Не знаю почему, мы съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ проходимъ мимо ихъ заслугъ; но какъ въ XVI и XVII вѣкахъ пограничные ротмистры оберегали землю отъ нашествія варваровъ, такъ въ прошломъ вѣкѣ эти «губернаторы и генеральные писари» отбивались отъ гайдамакъ, запорожцевъ и татаръ; тѣ, рыцарскіе

ихъ предшественники, за труды, подъятые здѣсь, добыли себѣ кресла въ сенатѣ, эти же воспитали будущихъ земянъ: потомки ихъ до сего времени сидятъ на земляхъ, переданныхъ имъ прадѣдами, этими скромными ключевыми администраторами въ побережскомъ государствѣ. Одна изъ столицъ этого государства— Шаргородъ имѣлъ зáмокъ, построенный Замойскими еще ante hosticum и не совсѣмъ разрушенный турками, имѣлъ каменный «караванъ сарай», построенный этими послѣдними; было, значитъ, гдѣ расположиться и захозяйничать. И въ Рашковѣ было кой-какое удобство: новый владѣлецъ нашелъ здѣсь значительныя руины, родъ «кастеля», давнюю резиденцію несчастной Роксанды Хмельницкой, вдовы Тимофея и дочери господаря Лупула; послѣ трагической ея смерти, нѣкоторое время въ этомъ зàмкѣ пребывалъ Дука, фантастическій владѣтель фантастическаго княжества немировскаго. Кой какъ исправленные «муры» дали безопасное мѣсто для храненія архива и экономической кассы. Рашковъ и потому еще представлялъ не малыя удобства, что, положенный при Днѣстрѣ, облегчалъ сношенія съ сосѣдней Волощиной. Но однихъ стѣнъ было недостаточно; нужно было охранять ихъ соотвѣтствующей милиціей. Князь-дѣдичъ создалъ и ее подъ названіемъ надворной милиціи, издалъ для нея даже уставъ, по которому составлялись козацкіе отряды, устраиваемые потомъ другими крупными землевладѣльцами. Извѣстное число дворовъ давало крестьянина на замковую службу; этотъ послѣдній, вольный отъ панщины, получалъ одежду, оружіе, коня и даже скромное жалованье, увеличиваемое обыкновенно добытыми отъ гайдамакъ вещами или живымъ инвентаремъ, а иногда даже деньгами. Такой козакъ за заслуги съ рядоваго могъ сдѣлаться поручикомъ (начальникомъ полъсотни), ротмистромъ (сотникомъ) и даже при счастьѣ полковникомъ. Милиціи явились во владѣніяхъ Любомирскаго между 1724 и 1730 годомъ; были они подчинены губернаторамъ, т. е. ключевымъ управляющимъ, и имѣли во главѣ молодцовъ, выбранныхъ изъ своей среды.

Не спрашивали о прошломъ такого предводителя, былъ бы только ловкій, зналъ бы «фигли» и хитрости гультяевъ, умѣлъ бы ихъ выслѣдить, а спокойныхъ людей оборонить отъ нападенія разбойниковъ—вотъ и все. Такъ какъ Любомирскій владѣлъ огромными имѣніями, то и надворныхъ козаковъ у него было много въ такъ называемыхъ экономіяхъ; замѣстить всѣ пограничные посты на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ миль, оборонять двѣ крѣпости, одиннадцать ключевыхъ резиденцій—не такъ легко, какъ это кажется. Потому-то на Побережьи считалось козаковъ до 3,000; кромѣ того, въ Шаргородѣ «кантоновала» польская хоругвь на подобіе украинскихъ, состоявшая изъ сотни людей и находившаяся подъ начальствомъ поручика Лубковскаго; ея назначеніемъ было слѣдить за дѣйствіями дворскихъ козаковъ, наблюдать, чтобы они не допускали насилій, не связывались съ гайдамаками и, что найважнѣе, не волновали крестьянъ, которые легко вѣрили всякимъ розказнямъ о свободѣ. Штабъ хоругви, употребимъ теперешнее выраженіе, находился въ Шаргородѣ; во главѣ его стоялъ полковникъ Верланъ, старый козакъ, помнившій давнія времена, нравившійся князю; за свою службу онъ получилъ отъ князя село Качковку; доходы съ этого имѣнія составляли постоянную его пенсію. Пользовался онъ довѣріемъ не только самого дѣдича, но и многихъ губернаторовъ; ему подчинены были и замковая стража и волошскія хоругви, разбросанныя вдоль Днѣстра. Такое названіе онѣ получили потому, что состояли главнымъ образомъ изъ волоховъ, недавно поселившихся на Побережьи. И Верланъ, какъ можно заключить изъ названія, навѣрно происходилъ изъ Валахіи; при немъ былъ сынъ, который въ этомъ войскѣ исполнялъ обязанность ротмистра, такую же должность занимали Стефанъ Скорычъ, Михалко Флоринскій, Иванъ Рынгачъ и много другихъ. Къ этой же категоріи принадлежалъ и Савва Чалый, или собственно Чаленко, поручикъ рашковской милиціи, малороссъ, родомъ изъ Молокишъ, небольшаго села, расположеннаго надъ Днѣстромъ и въ описи княжескихъ имѣній отнесеннаго къ крутянскому ключу. Въ то время губернаторомъ Побережья былъ Михаилъ Рогускій,

также много лѣтъ служившій у Любомирскихъ; за ревностное исполненіе своихъ обязанностей имѣлъ онъ подаренное ему село Берчовку, на краю шаргородскихъ пущъ, по дорогѣ, ведущей въ Могилевъ. Названный начальникъ имѣлъ пребываніе въ Рашковѣ и для безопасности держалъ при себѣ милиціантовъ съ Чаленкомъ во главѣ. Молодой козакъ подавалъ надежды въ будущемъ, подчиненные его выглядывали лучше другихъ, были всѣ какъ на выборъ, особенно ловко владѣли «списами», научились отъ волоховъ искусно ловить «арканомъ» не только дикихъ коней изъ табуна, но и гайдамакъ, часто болѣе дикихъ, чѣмъ звѣри. Савка владѣлъ особымъ даромъ выслѣживать гультяевъ, никто ловче его не умѣлъ захватывать «батовню» (коней, навьюченныхъ награбленными вещами), а также подсмотрѣть минуту «паеванья» (раздѣла грабежа). Собралъ онъ и денегъ достаточно, и былъ предметомъ удивленія и обожанія не только крестьянокъ, но и мѣщанокъ рашковскихъ, во всѣ времена извѣстныхъ своей красотой такъ далеко, что татары не разъ совершали нападенія на мѣстечко съ тою только цѣлью, чтобы поймать хоть нѣсколько дѣвушекъ, весьма дорого цѣнимыхъ въ цареградскихъ гаремахъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ памятномъ для пограничныхъ жителей 1734 г. Въ то время союзныя войска вступили въ Украйну, будучи приглашены поддерживать элекцію Августа III; русскій полковникъ Поляновскій сталъ квартирой въ Умани; имъ-то данъ былъ толчекъ къ возникшему вскорѣ народному движенію: онъ позволилъ надворнымъ козакамъ формировать полки съ цѣлью тѣснить многочисленныхъ въ той странѣ сторонниковъ Станислава Лещинскаго... Получившіе полномочіе къ вербовкѣ не вполнѣ хорошо поняли свою задачу, объяснили ее по-своему и пригласили крестьянство къ соучастію. Крестьяне, жадные къ свободѣ, поднялись во мгновеніе ока, неслыханный жаръ обнялъ толпу... Брались они за ножъ четыре раза въ прошломъ вѣкѣ: 1702, 1734, 1750 и 1768 гг... однако годъ, событія котораго мы намѣрены описывать, если въ отношеніи ужасовъ не равнялся позднѣйшей Коліивщинѣ, то превзошелъ ее въ отношеніи про-

странства, какое обняло возстаніе; пламя бунта бушевало въ границахъ цѣлыхъ трехъ воеводствъ, а по прекращеніи его одно только брацлавское воеводство не досчиталось девяноста гербовныхъ землевладѣльцевъ, убитыхъ необузданнымъ народомъ.

Изъ Умани, повторяемъ, былъ данъ сигналъ; тамошній сотникъ Писаренко, первымъ посвященный въ тайну, сейчасъ снесся съ Верланомъ, а этотъ поспѣшилъ надъ Днѣстръ и поднялъ цѣлую Волощину, такъ что чрезъ нѣсколько дней его полкъ считалъ уже 1207 людей. Въ составъ этого полка вошли вышеупомянутые ротмистры, кромѣ того Савва комаргородскій и Кифа крутянскій; Савва Чаленко также сталъ подъ знамя появившагося «наказнаго» атамана... Традиція давней организаціи сохранилась неизмѣнной; Верланъ въ одну почти минуту сталъ на Поднѣстровьи грознымъ предводителемъ; обѣщалъ онъ народу полную свободу — обѣщаніе слишкомъ понятное, чтобы его могъ отвергнуть крестьянинъ, а какія милости и благодѣянія должны политься на козаковъ, которые для пріобрѣтенія этой свободы готовились лить кровь и въ крайности положить свою голову!...

Рогускій еще предъ началомъ возстанія, замѣтивъ, что дѣлается около него, сталъ представлять милиціантамъ печальныя послѣдствія бунта и убѣждать ихъ къ послушанію, тѣмъ болѣе, что панъ ихъ, князь воевода сандомірскій принадлежалъ къ сторонникамъ Августа III. Мѣра эта возъимѣла свое дѣйствіе: надворные любили губернатора, не стѣснялъ онъ ихъ ни въ чемъ, давалъ имъ больше свободы, чѣмъ гдѣ-либо это было. Но какъ-то въ это время самъ губернаторъ попалъ въ тюрьму, а заключилъ его туда начальникъ союзнаго отряда, имѣвшій временное пребываніе въ Бершадѣ: послалъ онъ рашковскому комисару «ордеръ», чтобы тотъ немедленно явился съ милиціей въ его обозъ; Рогускій отвѣчалъ, что безъ дозволенія князя онъ не можетъ этого сдѣлать; это и было причиною ареста, непродолжительнаго, впрочемъ, въ началѣ іюня 1734 года. Но возвратясь на мѣсто, губернаторъ не засталъ уже ни одного козака: всѣ оставили пограничную свою службу и вышли въ поле подъ команду

Верлана. Отрядъ же этого послѣдняго росъ съ каждымъ днемъ; ватажекъ, упоенный тріумфомъ, распустилъ загоны вездѣ по краю. Шаргородъ и окрестныя села были разграблены, евреи вырублены, надъ латинскимъ духовенствомъ издѣвались ужасно, «жонкамъ и дѣвкамъ дѣлали гвалты». Наконецъ Верлану не достаточно было крестьянъ, сталъ онъ заманивать въ товарищи чиншевую шляхту, упорнымъ грозилъ муками, и одинъ изъ Радзѣевскихъ въ Мервинцахъ, сидѣвшій на плохой землѣ, купилъ жизнь только тѣмъ, что «прииялъ указъ на ватамана», т. е. обязался собрать разбойничью шайку. По порядку досталось и другимъ мѣстечкамъ, сосѣднимъ съ Шаргородомъ: Лучинецъ Ржевускихъ преданъ огню, Замѣховъ воеводы Стефана Гумѣцкаго разрушенъ; здѣсь козаки крестили евреевъ, «будучи сами имъ кумовьями». Подверглись грабежу Рашковъ, Могилевъ, Мурафа; въ Винницѣ, Меджибожѣ и Барѣ козаки расположили гарнизонъ. Не прошло и мѣсяца, какъ цѣлое нагорное Подолье перешло въ руки экс-предводителя надворной милиціи кн. Юрія Любомирскаго; по порядку онъ взялъ Жванецъ, дошелъ даже до Бродъ и занялъ ихъ въ свое владѣніе. Стефанъ Гумѣцкій поспѣшилъ на помощь находящимся въ опасности окраинамъ и своимъ имѣніямъ, неустанно гонялся за Барлумомъ (такъ въ корреспонденціяхъ называли Верлана), однако нигдѣ не могъ настичь ловкаго козака.

И Савва принималъ участіе въ походахъ ватажка—исполнялъ при немъ какъ бы должность начальника штаба, наблюдалъ за порядкомъ въ рядахъ, добывалъ провіантъ, взималъ контрибуцію... Однако сердце тянуло его въ Рашковъ; онъ любилъ, хотя съ своей любовью долженъ былъ укрываться, потому что избранница его была женой другаго, какого-то скромнаго сапожника, который, подъ вліяніемъ обѣщаній вербовщиковъ, бросилъ свое ремесло и записался въ сотню Чаленка рядовымъ. Савва долженъ былъ оставаться при предводителѣ даже изъ-за страха позорной кары, какая ожидала непослушнаго, потому что уставъ этого новаго легіона былъ краткій и состоялъ въ слѣдующемъ: «въ случаѣ бы кто безъ вѣдома войско-

вой старшины отлучился изъ войска, тому кара—пятьдесять кіевъ и въ продолженіе трехъ дней ходить ему пѣшкомъ впереди знамени и выпить гарнецъ воды». Но все таки Савва, воспользовавшись первымъ случаемъ, когда Верланъ двинулся на сѣверъ, поспѣшилъ къ своей любовницѣ. На дорогѣ встрѣтилъ онъ караванъ, состоящій изъ грековъ; это были кіевскіе купцы, везшіе стамбульскіе товары; увѣренные въ опекѣ «ея императорскаго величества», они вовсе не слушались предостереженій добрыхъ людей и послѣ непродолжительнаго отдыха въ Могилевѣ двинулись далѣе. Вдругъ ихъ окружила толпа козаковъ; защищая себя, купцы дали нѣсколько выстрѣловъ и этимъ проиграли дѣло: напавшіе ограбили ихъ совершенно, торговцы едва живыми ушли... Чаленко пошелъ далѣе съ тріумфомъ, повезъ красавицѣ „молодыци“ богатые подарки, но вмѣстѣ повезъ и трауръ: сапожникъ, смертельно раненный, по дорогѣ испустилъ духъ.

Слезы вдовы смѣнились слезами радости при видѣ «атамана», пылающаго такой неподдѣльной страстью. Правда, Чаленку не совсѣмъ безопасно было показываться людямъ, потому что союзники уже вошли въ сношенія съ гербовыми и приказывали надворнымъ козакамъ повиноваться давнимъ панамъ, но здѣсь, въ Рашковѣ, еще господствовала попрежнему «козацкая воля». Рогускій по давнему губернаторствовалъ, однако сидѣлъ такъ тихо, что о немъ никто не слыхалъ... На случай тревоги недалеко была Волощина, а тревога уже давала о себѣ знать, посому что Верланъ явился поспѣшно въ Рашковѣ во главѣ своей уменьшившейся шайки, съ пѣснями переплылъ рѣку, а за нимъ потянулись тысячи мультанскихъ колонистовъ, скомпрометированныхъ въ послѣднемъ возстаніи; подговаривалъ онъ и Савву искать у господари защиты, но Саввѣ хотѣлось въ Умань; желалъ онъ тамъ поразвѣдать и вмѣстѣ продатъ вещи, награбленныя у грековъ. И вотъ, забравъ вдову-любовницу и ея тестя, пробрался Савва къ Писаренку. Однако здѣсь уже знали о грабежѣ. Чаленко попалъ въ кандалы и былъ отправленъ въ Бѣлую-Церковь, по приказанію бывшаго тамъ россійскаго полковника Фрейдента, который пожелалъ самъ снять съ него допросъ.

Товары грековъ расплылись куда-то въ Умани, добрые люди разобрали ихъ для собственнаго употребленія. Но случилось нѣчто необычайное: заключеннаго въ тюрьму козака спасло собственно то, что должно было его погубить. Греки также въ Бѣлой-Церкви ожидали окончанія слѣдствія, хлопотали они не столько о гультяѣ, сколько о товарѣ. Полковникъ призвалъ купцовъ: вотъ, говоритъ, смотрите, тотъ ли самый.—Я не запираюсь, протестовалъ козакъ, что на Дзыговскихъ поляхъ ограбилъ этихъ людей: не показывали мнѣ «указу», стрѣляли, убили козака, другихъ удержать было трудно. На этомъ и кончился первый допросъ. Но и слѣдующій не многимъ отличался отъ этого перваго. Греки долго думали и выдумали весьма забавный планъ: случай произошелъ на землѣ пана воеводы сандомирскаго, хорошо зналъ объ этомъ генеральный комиссаръ этого воеводы, Михаилъ Рогускій, поэтому и требовали, чтобы онъ возвратилъ убытки. Это было немного дико, и губернаторъ запротестовалъ противъ такихъ несправедливыхъ претензій, но явились новые извѣты: кто-то видѣлъ Рогускаго на ярмаркѣ въ Сорокахъ, какъ онъ продавалъ коней, принадлежащихъ грекамъ,—основательная причина къ заключенію въ тюрьму, и бѣдняка доставили въ Бѣлую-Церковь во время Пасхи 1735 года и посадили въ тюрьму. Посѣтили его греки-торговцы: откупись, говорили ему, мы устроимъ твое освобожденіе. Пораженный комиссаръ потерялъ голову, его прямо обвиняли въ кражѣ, не хотѣлъ онъ ни о чемъ слышать; но на счастье имѣлъ друга въ лицѣ Володковича, «генеральнаго писаря подольскихъ имѣній сіятельнаго князя»; тотъ поспѣшилъ въ слѣдъ за заключеннымъ, разузналъ въ чемъ дѣло и, увѣренный въ невинности товарища, обратился къ принципалу, тяжело заболѣвшему въ то время въ Лабуни, и тотъ приказалъ удовлетворить претензіи грековъ... Уже въ декабрѣ довольные купцы возвращались въ Кіевъ, рашковскій губернаторъ, изнуренный, измученный, отправился на прежнее свое мѣсто, а Савва Чаленко немного раньше успѣлъ освободиться изъ заключенія, въ чемъ помогли ему сами купцы изъ опасенія, чтобы онъ при видѣ Рогускаго

не принялъ па себя всей вины... освободился и исчезъ изъ глазъ людскихъ, пропалъ гдѣ-то въ степяхъ, найдя у запорожцевъ убѣжище и гостепріимство.

Прошолъ почти годъ послѣ вышеописанныхъ событій; обстоятельства перемѣнились на столько, что крестьянскія возстанія совсѣмъ потухли, цѣлый край покрыла сѣть висѣлицъ и коловъ; суды boni ordinis, пограничные causarum exorbitantiarum, наконецъ гродскіе и даже замковые, которые точнѣе можно назвать помѣщичьими, имѣли слишкомъ много работы..., а что уже говорить о тѣхъ экстренныхъ судахъ, на краю дубровы, гдѣ первая крѣпкая вѣтвь заступала мѣсто машины, употребляемой для вѣшанія... О разстрѣляніи не было рѣчи, обыкновенный зарядъ пороху въ пороховницѣ цѣнился выше, чѣмъ одна личность гайдамака, да и веревка иногда стоила больше, чѣмъ степовой гультяй, поэтому его оставляли съ поломанными ребрами въ полѣ, чтобы самъ мало по малу догаралъ... Мстили мы съ извѣстной опредѣленностью за тѣ девяносто головъ, что сняты съ туловищъ, украшенныхъ гербами, но противники гибли безъ протеста, съ равнодушіемъ проникнутыхъ фатализмомъ обитателей недалекаго Востока... Итакъ, бунты подавлены до времени—при благосклонномъ посредничествѣ союзныхъ войскъ, но справиться съ гайдамаками не были мы въ силахъ, и годы, наступившіе послѣ этого страшнаго 1734 года, были самые тяжкіе. Рѣчь Посполитая не могла выставить много войскъ на пограничной линіи, надворнымъ милиціямъ не довѣряли, да и тѣхъ было слишкомъ мало, ибо волошская колонизація вдоль Днѣстра, начатая такъ удачно воеводой сандомирскимъ, но теперь разогнанная, пропала въ нѣсколько мѣсяцевъ; окраины стали пустыми; народъ, осѣвшій даже въ глубинѣ Украйны, желая избѣгнуть жестокихъ экзекуцій, выселился за Днѣпръ и пріютился въ голой степи, примыкающей къ польскимъ окраинамъ, къ Малороссіи, Запорожью и Татарщинѣ.

Въ этой степи и помину не могло быть о земледѣліи, даже о кровлѣ, которая бы защитила отъ зноя и дождя... Чорный лѣсъ, бурьяны и камыши бугскіе были единственной защитой; приходилось умирать съ голоду, поэтому болѣе смѣлые пробовали дѣлать набѣги: удастся—хорошо, а не удалось, что могло ожидать пойманнаго? Смерть... а смерть на колу или отъ голода—все равно. Такова была логика гайдамакъ, и, нужно сознаться, довольно основательная.

Все южное Пограничье и часть юго-восточнаго сдѣлалось тогда окномъ, чрезъ которое проникали разбойничьи банды въ глубь края, кое-какъ упорядоченнаго. Такъ какъ отъ Днѣпра была найболѣе слабая сторона этой границы, то здѣсь постоянно пребывалъ региментарь украинской партіи, а резиденціей его была назначена Лысянка. Обязанностью его было наблюдать за приходомъ непрошенныхъ гостей, и онъ наблюдалъ, день и ночь бодрствовалъ, но досмотрѣть не могъ. Эту тяжелую должность занималъ въ то время Малинскій, староста новогродскій. Въ его региментарство осенью 1736 года гайдамаки ограбили Паволочъ и Смѣлу; они устроили здѣсь настоящую баталію, губернатора Зозулинскаго, захвативъ въ плѣнъ, убили, тридцать слишкомъ евреевъ пало подъ топоромъ разбойниковъ, угнали стадо кн. Любомірскихъ, воеводичей сандомирскихъ, забрали экономическую кассу, сверхъ того цѣнныя вещи мѣщанъ, «школьныя агентеріи»; цифра потерь простиралась до 124,750 злотыхъ. Сосѣдъ убитаго губернатора, комиссаръ кн. Рожинскаго, въ жалобѣ, занесенной въ гродскій судъ, въ число предводителей разбоя—а были между ними Галаганъ, Медвѣдь, Грива, Харко, Рудь и Жила—помѣстилъ и Савву Чаленка. Но этотъ послѣдній въ письмѣ, написанномъ Малинскому, протестовалъ противъ взводимаго на него обвиненія, такъ какъ въ грабежѣ не принималъ никакого участія, и при этомъ прибавилъ, что въ степи находится много людей, готовыхъ возвратиться на родину и служить ей честно, если только имъ простятъ прежнія ихъ вины и проступки. Регментарь отослалъ письмо къ великому коронному гетману вмѣстѣ съ запросомъ, какъ ему поступить.—Присоединить къ милиціи,

отвѣчалъ Потоцкій, а такъ какъ Рѣчь Посполитая не назначила на содержаніе ихъ суммы, то «его милость de drоprio motu придумалъ имъ консервацію», говоря яснѣе, гетманъ, въ то время воевода кіевскій, обѣщалъ возвратившимся выплатить жалованье изъ собственныхъ средствъ. Одними изъ первыхъ, явившихся на призывъ, были полковникъ Касьянъ и Савва Чаленко; послѣдній и теперь представился не какъ нибудь: привелъ съ собой триста всадниковъ съ самопалами, только олова и пороху у нихъ недоставало. Это было въ концѣ 1736 года. Скальковскій говоритъ, что богатырь нашъ эти нѣсколько мѣсяцевъ провелъ у Пхайка, полковника запорожскаго, въ его «богогардовомъ» форпостѣ... И однако ни разу онъ не пробовалъ счастья, не вторгался въ границы Польши—фактъ, достойный примѣчанія.

Малинскій принадлежалъ къ числу ревностныхъ стражей окраинъ и если бы не удостовѣрился въ полномъ исправленіи недавнихъ бунтовщиковъ, то не предпринялъ бы небезопаснаго похода въ окрестности Чигирина... Но онъ бросился туда, имѣя при себѣ Савву, а противъ себя Медвѣдя, одного изъ отважнѣйшихъ гайдамакъ, стоявшаго во главѣ значительнаго отряда. Столкновеніе послѣдовало подъ Боровицей, богатыремъ боя былъ Савва: онъ бросился съ ножемъ на противника, нанесъ ему нѣсколько ранъ, положилъ нѣсколькихъ на мѣстѣ, пятнадцать взялъ живыми, остальные же пошли въ разсыпную. Потомъ въ февралѣ 1737 года «съ своими козаками давними и вновь принятыми для нуждъ Рѣчи Посполитой» онъ былъ посланъ на жительство въ Бѣлозерье; ему было поручено охраненіе пограничныхъ постовъ вдоль Тясмина. Но Савва этимъ не ограничился: не достаточно отгонять непріятеля, думалъ онъ, болѣе важное дѣло—давить его въ его же логовищѣ; отсюда частые его походы въ эту анархическую степь и засады; однажды онъ загнался даже подъ Кодакъ, дошелъ до пасѣки Сироты, которая была гнѣздомъ гайдамачины, разорилъ ее въ конецъ, обитателей ея перебилъ, сто слишкомъ головъ скота угналъ и ушелъ прежде, чѣмъ сосѣдніе гультяи узнали о его пребываніи тамъ. Уже

тогда пріобрѣлъ онъ себѣ славу грознаго преслѣдователя гайдамакъ: Медвѣдь не могъ поправиться отъ ранъ, нанесенныхъ ему, Бродавка, помощникъ Медвѣдя, пойманный также Чаленкомъ, пошелъ на висѣлицу, захваченные «были застрѣлены» тутъ же, на побоищѣ, безъ суда и слѣдствія... Мстить—это дѣло ляховъ, а козаку не годится подносить руку даже на гультяевъ—то вѣдь одной вѣры люди... Такъ роптал народъ и клялся отомстить Саввѣ; болѣе энергичные пробовали, не удастся ли подкупить кого-нибудь изъ подчиненныхъ его. Напрасно, атаманъ умѣлъ подбирать людей.

Ненависть росла; но полковникъ не обращалъ вниманія, непоколебимо стоялъ подъ знаменемъ. Новыя доказательства этой вѣрности онъ показалъ въ началѣ іюня 1738 г. Въ то время многочисленные загоны степныхъ «левенцовъ» разсыпались по краю; они представляли собой значительное число: 200, а иные говорятъ, и 330 ихъ оставило свои логовища. Употребляли они обычную тактику: близко границъ не дѣлали никакихъ пакостей, а только въ глубинѣ провинціи; тутъ, разбившись на небольшіе отряды въ нѣсколько человѣкъ, они незамѣтно достигали до перваго мѣстечка, предводитель ватаги заручался симпатіей мѣстныхъ разбойниковъ и, увѣренный въ ихъ помощи, совершалъ нападеніе, хорошо зная, гдѣ можно поживиться. Въ этото время одновременно почти подверглись грабежу Рашковъ и Грановъ, два многолюдныя мѣстечка, отстоявшія одно отъ другаго не менѣе какъ на двадцать миль. Въ первомъ напавшіе воспользовались не многимъ: экономическая касса по счастливому случаю, вслѣдствіе приказанія короннаго подстолія, кн. Станислава Любомірскаго, послѣ недавней смерти отца, генеральнаго администратора имѣній, была переведена въ Шаргородъ, а Рогускій, раньше увѣдомленный о предстоявшемъ нападеніи, спасся бѣгствомъ; погибло лишь нѣсколько евреевъ и забрано нѣсколько штукъ скота. Но въ Грановѣ послѣдствія нападенія были далеко печальнѣе: евреевъ убито безъ числа, губернаторъ и ксендзъ поплатились головой, денегъ взято не мало. Одновременно испытали ту же судьбу Тальное, Субботовъ, Животовъ и даже Могилевъ на Днѣстрѣ.

О печальномъ событіи дано знать въ Лысянку; въ резиденціи региментаря было немного драгуновъ регимента его милости пана Міера; былъ здѣсь и Савва съ горстью козаковъ. Онъ тотчасъ же пустился въ погоню за разбойниками, догналъ ихъ уже въ степи подъ Чорнымъ лѣсомъ и, по обыкновенію, разбилъ на голову: пойманные пошли на висѣлицу, «батовня» досталась въ руки побѣдителей.

Это доставило Чаленку великую славу, и вотъ, когда земяне, убѣдившись, что охрана границы не вполнѣ ихъ обезпечиваетъ отъ нападеній, рѣшили отбиваться на мѣстѣ мелкими отрядами, тогда великій коронный гетманъ вызвалъ Савву въ Немировъ, въ свое брацлавское имѣніе, поручилъ ему команду надъ милиціей, обязанностью которой было наблюденіе за безопасностью обширнаго ключа, состоявшаго изъ 50 селъ и, къ пущей бѣдѣ, заселеннаго людьми неспокойными и обнаруживающими неподдѣльное влеченіе къ гайдамачеству. Полковникъ принялъ почетное мѣсто съ охотой, тѣмъ болѣе, что оно давало ему независимое положеніе; но не столько это занимало козака, денегъ онъ успѣлъ себѣ собрать, ему хотѣлось больше покоя, мечталъ онъ о семейномъ счастіи, о домашнемъ очагѣ, о любви... Тамъ на рубежѣ, вѣчно на конѣ, вѣчно на сторожѣ, а здѣсь подъ кровлей покой и отдыхъ.

Командиру надворной милиціи гетманъ назначилъ за службу два села—Рубань и Степашки; первое изъ нихъ многолюдное, шумное, другое—едва состоящее изъ нѣсколькихъ хатъ, скорѣе похожее на хуторъ. Здѣсь однако онъ основалъ свою резиденцію, а въ мѣстечкѣ, отстоявшемъ на три мили, расположены были его сотни; тамъ онъ былъ полковникомъ, здѣсь земяниномъ. Скоро въ Степашкахъ появился опрятный домъ, возлѣ него вишневый садъ и хозяйственныя постройки; такъ какъ Савва любилъ лошадей и держалъ даже порядочное стадо, то и для лошадей было приличное помѣщеніе, и все это, окруженное дубовымъ частоколомъ, производило впечатлѣніе оборонительнаго поста.

Уже въ слѣдующемъ году Савва ввелъ подъ эту крышу жену; вѣнчалъ ихъ священникъ Рубанской церкви. Молодица

была прекрасивая; это вдова того сапожника, который умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ стычкѣ съ греческими купцами. Что она жила въ Рашковѣ, объ этомъ упоминаетъ Рогускій въ письмѣ къ шаргородскому губернатору; козакъ видимо произвелъ на комисара впечатлѣніе: «изъ гультяя вышелъ порядочный обыватель, пишетъ далѣе Рогускій, показалъ себя honeste, тихо, съ покорностью служилъ въ зáмкѣ, да и вкусъ имѣетъ не хлопскій, и жену взялъ славную, любитъ его удивительно». Съ той поры солнце засвѣтило имъ обоимъ, послѣ тревогъ и волненій — сельское затишье, почетъ отъ людей, а въ будущемъ несомнѣнное повышеніе.

Однако и изъ Немирова не оставилъ Чаленко походовъ въ пустыни, положенныя за окраинами. Гайдамаки не переставали безпокоить, особенно въ 1740 г. полюбили они савранскія окрестности, и вотъ полковникъ обращается съ просьбой къ великому коронному гетману, чтобы онъ позволилъ ему попробовать счастья — выдушить на мѣстѣ гнѣздо «шершней». Потоцкій позволилъ. Медовые мѣсяцы уже прошли, отдыху было много; Савва жаждалъ войны, которая до того времени наполняла его жизнь, и нѣтъ ничего въ томъ удивительнаго: былъ молодъ, кровь играла въ немъ. И вотъ осторожно и проворно двинулся онъ къ югу надъ Бугъ, снесъ «гарду», разогналъ запорожскій пикетъ, исполнявшій тамъ службу, сжегъ церковь, здѣсь построенную, разграбилъ нѣсколько сосѣднихъ зимовниковъ, а сколько гультяевъ убилъ и повѣшалъ, это только Богу и ему было извѣстно.

Счастливо возвратился Чаленко къ любящей и тоскующей женѣ, а какъ она готовилась скоро быть матерью, то привезъ «гостинцы» для этого ожидаемаго потомка. И дѣйствительно въ концѣ года полковница спеленала сына. — Назовемъ его Саввой, сказала она мужу, пусть будетъ похожъ на тебя по отвагѣ, осанкѣ и даже по имени.

И счастливые не замѣтили грозныхъ тучъ, собирающихся надъ ихъ головами... Цѣлая степь, недавно опустошенная Чаленкомъ, воспылала къ нему новой ненавистью; гайдамаки думали, что по перемѣщеніи полковника изъ подъ Тясмина навсегда избавились отъ страшнаго, никому не прощающаго про-

тивника, а тутъ изъ глубины края онъ опять показался, хотя ему никто, какъ говорится, не сталъ на ногу, разогналъ гультяевъ, но что важнѣе, не щадилъ спокойныхъ запорожцевъ, даже церковь ихъ сжегъ... Поклялись они отомстить дерзкому; нашелся даже такой, который рѣшился исполнить клятву. Это былъ большой смѣльчакъ, пользовавшійся извѣстностью среди гайдамакъ; называли его Игнатомъ Голымъ, потому что онъ при «паеваньи» награбленнаго бралъ себѣ незначительную частичку, остальное же раздавалъ подначальнымъ, не любилъ вообще излишества, довольствовался чѣмъ нибудь: куртка изъ телячьей кожи, баранья шапка, простые, козловые сапоги; одна рубашка, вымазанная жиромъ и деггемъ, служила ему цѣлый годъ; конь подъ нимъ неказистый, съ большой головой, но выносливый, проворный, крѣпкій въ ногахъ, настоящій подольскій конь; самопалъ, немного свинца въ торбѣ, въ карманѣ табакъ и люлька, безъ которой не могъ обойтись, больше, чѣмъ безъ хлѣба и водки... вотъ и все богатство. Игнатъ былъ родомъ изъ Сѣчи, изъ медведовскаго «куреня». Еще въ 1737 году подобралъ онъ себѣ нѣсколько товарищей и «засѣлся» въ Черномъ лѣсу и потомъ столько охотниковъ успѣлъ созвать, что скоро засѣку въ «кошъ» превратилъ. Пограничныя команды хотя и наслѣдили птичку, но подобраться къ ней не могли, кругомъ пуща непроходимая, а пикеты гультяевъ на деревьяхъ, скрытые въ вѣтвяхъ, стрѣляли по смѣльчакамъ, какъ по уткамъ, сами не подвергаясь никакой опасности. И Савва во время послѣдняго похода много слыхалъ о Голомъ и, кажется, даже зналъ его раньше, но обходилъ предусмотрительно гайдамацкій постъ. Голый имѣлъ во всемъ успѣхъ, самъ съ мѣста не двигался, строилъ только планы, велъ переговоры съ шпіонами и высылалъ загоны, а тѣ сносили награбленныя вещи въ кошъ... Начиналась тогда дикая гульба: около костра на полянѣ «степовички», приглашенныя съ «зимовниковъ» или насильно захваченныя изъ брацлавскихъ селъ, скромныя и почтенныя женщины, должны были играть роль восточныхъ баядерокъ, плясать и пѣть, пока дружина, обезпамятѣвшая отъ водки, не засыпала глубокимъ сномъ, кромѣ предводи-

теля засѣки, который бодрствовалъ тогда за всѣхъ. Народъ разсказывалъ чудеса объ Игнатѣ, о его жестокости и издѣвательствѣ надъ плѣнниками; Савва этому вѣрилъ и не вѣрилъ, всячески чувствовалъ себя въ безопасности въ своей усадьбѣ, отдаленной по меньшей мѣрѣ на пятьдесятъ миль отъ резиденціи знаменитаго разбойника, да и о новыхъ разбойничьихъ набѣгахъ въ то время не было слуху кругомъ.

Время текло спокойно. Зима 1741 года была умѣренная, снѣга выпало въ мѣру, лишь столько, чтобы покрыть землю бѣлымъ саваномъ. Въ Степашкахъ скромно праздновали канунъ Рождества Христова, нѣсколько подчиненныхъ сѣли съ полковникомъ за *вечерю* „святаго вечера“ и послѣ долгой бесѣды разъѣхались по сосѣднимъ селамъ. Но вотъ на разсвѣтѣ необыкновенное движеніе обнаружилось на усадьбѣ Чаленка: какіе-то неизвѣстные люди шарили по дворскимъ строеніямъ, прежде всего въ конюшняхъ, въ людской... только глухой шумъ обнаруживалъ ихъ присутствіе; тихо, съ ловкостью тигра переходили эти пришельцы отъ одного спящаго «парубка» къ другому, по порядку лишая ихъ жизни... Потомъ окружили домъ полковника и безъ большаго шума высадили двери; Савва, разбуженный, выскочилъ въ гостинную избу и... встрѣтился лицемъ къ лицу съ непрошенными гостемъ; горящая лампадка, повѣшенная у иконы въ углу комнаты, освѣщала лице выступившаго впередъ незнакомца, это былъ Игнатъ Голый.

„По кровь твою пришелъ“, закричалъ онъ и сталъ осыпать хозяина бранью.

Испуганная жена полковника съ сыномъ у груди ушла незамѣтно боковыми дверьми чрезъ садъ и поля, добралась до Рубани, подняла на ноги все село. Подчиненные Чаленка въ мгновеніе ока явились въ Степашки, но никого уже не застали... Среди комнаты лежалъ трупъ любимаго предводителя, еще теплый; кругомъ господствовалъ страшный безпорядокъ, полъ вездѣ политъ былъ кровью, только лампадка по-прежнему освѣщала эту ужасную сцену, а изъ за нея спокойно глядѣлъ на все это ликъ святаго холоднымъ, неподвижнымъ взоромъ: не тронули даже

его серебрянной ризы. Но всѣ наличныя деньги и цѣнности исчезли; кромѣ того, грабители увели все стадо коней.

Полковница осталась вмѣстѣ вдовой и нищей; возный, составлявшій реестръ потери, опредѣлилъ ее въ 80,000 злотыхъ. Нужда—это еще бездѣлица въ сравненіи съ сиротствомъ. Великій коронный гетманъ, дѣдичъ Немирова, узнавши о несчастной смерти козака, повелѣлъ мѣстному губернатору имѣть особое попеченіе о женѣ его, чтобы она ни въ чемъ не нуждалась.

Доселѣ источники россійскіе; здѣсь они прекращаются, переходимъ поэтому къ польскимъ... И тамъ легенда, и здѣсь легенда; ту во всякомъ случаѣ освѣтили и исправили новыя архивныя изысканія, а эта еще ждетъ поправокъ.

Въ козацкій полкъ Саввы случайно попалъ, какъ поручикъ милиціи, нѣкто Мощиискій, родомъ изъ Короны; онъ оказывалъ особое вниманіе оставшейся послѣ полковника вдовѣ, полюбилъ ея мальчика, какъ бы своего сына, и въ концѣ концовъ предложилъ Чаленковой выйти за него замужъ. Она согласилась, но съ условіемъ, чтобы онъ вывезъ ее изъ Украйны, полной тяжелыхъ для нея воспоминаній. Обвѣнчавшись, новобрачные отправились въ село Мощаны, въ плоцкомъ воеводствѣ, гдѣ поручикъ имѣлъ скромную усадьбу; дѣтей они не имѣли, отчимъ, умирая, оставилъ убогое имѣніе пасынку. Подростокъ воспитывался среди мазуровъ, и Чаленка они измѣнили на Цаленка, а потомъ, какъ того требовалъ мѣстный обычай, на Цалинскаго, добавили ему даже имя, прежнее же пріобрѣло значеніе родоваго прозвища. Вотъ этотъ-то сирота по убитомъ козакѣ написалъ свое славное имя въ книгѣ нашей исторіи. Онъ есть извѣстный во времена барской конфедераціи маршалъ вышегродской земли, котораго Бартошевичъ, не знаю—почему, называетъ Калинскимъ. О его происхожденіи знали наши историки. Качковскій называетъ его родителя «славнымъ полковникомъ надворныхъ козаковъ»; Войцицкій для этого отца выискалъ имя Ивана, но весьма попуталъ съ датами... Какъ бы

то ни было, молодой Іосифъ Савва Цалинскій въ 1770 году выступаетъ на болѣе широкое поле дѣятельности: начавъ походъ во главѣ 300 людей, онъ скоро увеличилъ свой отрядъ до 2,000, одержалъ побѣду подъ Дробиномъ, заходилъ иногда подъ самую даже Варшаву. Его желаніемъ было поддержать Коссаковскаго; въ концѣ того же года забрался онъ наконецъ въ предѣлы брестъ-литовскаго воеводства, но настигнутый Браницкимъ, короннымъ ловчимъ, долженъ былъ податься назадъ. Въ мартѣ 1771 года побѣжденный подъ Красникомъ, а въ апрѣлѣ раненый подъ Шренскомъ, онъ заплатилъ жизнью за пораженіе. Объ этой-то смерти его существуетъ много разнорѣчивыхъ разсказовъ; Войцицкій говоритъ, что Цалинскій, унесенный съ поля битвы и укрытый въ млавскихъ лѣсахъ, на «грондѣ», или возвышенномъ и сухомъ мѣстѣ, которое до сего времени называется могилой Саввы, вслѣдствіе измѣны попалъ въ заключеніе въ Праснышѣ, гдѣ его, по разсказу г. Петрова, союзные солдаты убили за то, что онъ воевалъ противъ своихъ братьевъ. Очень можетъ быть, что Цалинскій всегда считалъ себя козакомъ; козакомъ называли его и товарищи по оружію... Вѣроятно мать разсказала сиротѣ печальную жизнь родителя, а она, должно быть, жила еще во время неволи сына... Печаль этой матери, полагать надо, была ужасная, и мы понимаемъ, что нѣтъ красокъ для изображенія оея... Вдова по трехъ мужьяхъ, изъ которыхъ два первые погибли отъ пули, и единственнаго сына положила въ холодной могилѣ... Дѣйствительно, можно потерять разсудокъ съ отчаянія.

О Цалинскомъ прекрасный разсказъ—настоящую поэму—оставилъ Ржевускій, пробовали и другіе свои силы на этомъ сюжетѣ. Объ отцѣ писали русскіе писатели, о сынѣ—польскіе. Пѣснь о рыцарскихъ дѣлахъ Чаленка доселѣ носится по Украйнѣ, къ рапсодіи подобрана музыка и малорусскія барышни унылымъ тономъ воспѣваютъ его подвиги. Народъ также чтитъ въ разсказахъ своего богатыря: въ ночныя стражи, на пастбищѣ, когда вокругъ огня усядется молодежь, передаются самыя разнообразныя легенды о Саввѣ богатырѣ, козакѣ запорожскомъ, который въ бою положилъ свою голову за крестьянскую волю и недолю,

чорную, закованную, кровью обагренную, потомъ орошенную, слезами облитую. Легенда превращается въ пѣсню и эта пѣсня, разсѣкая туманъ, покрывающій поляну, исчезаетъ гдѣ-то далеко въ пространствѣ. Нужды нѣтъ, что пѣсня расходится съ исторической правдой,—во всякомъ случаѣ она производитъ благотворное вліяніе, возвышаетъ и облагороживаетъ..

Такъ на Украйнѣ; а въ млавскихъ лѣсахъ около «Гронды», мазуръ, тамошній крестьянинъ, посматривая на могилу Саввы, не разъ задаетъ себѣ вопросъ, откуда здѣсь этотъ курганъ среди пущъ и болотъ съ чуждымъ названіемъ?... И шевелится въ его памяти также легенда, слышанная, можетъ быть, отъ дѣда и на половину забытая, на половину утерянная въ долголѣтнемъ скитаніи по свѣту...

И удивительно вяжутся между собой эти народныя преданья, обнимаются, какъ братья, въ объятьяхъ; но это только въ разсказѣ, ибо въ жизни... ахъ, тутъ самая ужасная ненависть та, которая запала въ сердца родственниковъ!

ИСТОЧНИКИ:

Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, стр. 11, 131—135.

Мордовцевъ, Гайдамаки, историческая монографія, Спб. 1870 г.

Антоновичъ, Архивъ юго-зап. Россіи, Кіевъ, т. III, часть III. Предисловіе, особ. стр. 353.

Петровъ, Война Россіи съ Турціей и съ польскими конфедератами, т. III, стр. 205.

Kaczkowski, Wiadomość o konfederacyi barskiey, s. 185, 201, 202.

Soplica (Rzewuski), Pamiętniki starego szlachcica litewskiego.

Wojcicki, Encyklopedya powszechna Orgelbranda, XXIII, s. 27.

Sadok Barącz, Pamiętniki dzieów polskich, s. 262.

Kuryer polski r. 1737, № 1, 10, 1 , 12, 21, 131; r. 1738, № 75, 78.

Tygodnik illustrowany, IV, 1861, № 115.

Большая связка инвентарей изъ первой половины прошлаго столѣтія, касающихся имѣній кн. Любомирскаго, письма Рогускаго, бывшаго губернатора рашковскаго, владѣльца Берчовки, находящейся на границѣ нынѣшняго могилевскаго уѣзда, даны мнѣ г-жей Тржецѣской, позднѣйшей послѣ Рогусскаго владѣлицей имѣнія.

Къ вопросу о „парубоцтвѣ“, какъ особой общественной группѣ.

Сэръ Генри Мэнъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій [1]) между прочимъ писалъ: «многое, что я лично наблюдалъ въ Индіи, утверждаетъ меня въ мысли, что лишь съ весьма большою осторожностью надлежитъ принимать всѣ соображенія, дѣлаемыя обыкновенно о древности какихъ либо обычаевъ. Мнѣ приводили нѣкоторые обычаи, происхожденіе которыхъ относили къ весьма отдаленной древности и которые считали характерными для дѣтства человѣчества; а между тѣмъ оказывается, что они возникли въ нѣкоторыхъ племенахъ въ наше время подъ давленіемъ извѣстныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ или новѣйшихъ соблазновъ».

Но если это такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если нѣкоторые обычаи, пользующіеся репутаціей стародавнихъ, при болѣе тщательномъ изслѣдованіи, должны быть лишены этого значенія, то не слѣдуетъ упускать изъ виду и случаевъ обратнаго характера. Нерѣдко обычай или учрежденіе, имѣющіе повидимому сравнительно недавнее, такъ сказать, историческое происхожденіе, ведутъ въ дѣйствительности свое начало съ отдаленныхъ временъ до-историческаго прошлаго; подвергнутые сравнительному этнографическому изслѣдованію, они пріобрѣтаютъ обще-соціологическій характеръ и подъ историческими наслоеніями обнаруживаютъ ядро, возникшее на первоначальныхъ ступеняхъ культуры. Мы имѣли уже случай на страницахъ этого изданія указать на одинъ изъ подобныхъ обычаевъ, бытующій и по сіе время въ жизни малорусскаго народа (мы имѣемъ въ виду обычай «понедилкуванне», опытъ истолкованія котораго былъ пред-

---

[1]) Деревенскія общины.

ложенъ нами въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ). Въ настоящей замѣткѣ мы хотѣли бы обратить вниманіе читателя на другой, не менѣе интересный и столь же древній по своему происхожденію, малорусскій обычай, а именно на явленіе «парубоцтва» или «парубоцкой громады», многоцѣнное сообщеніе о которомъ г. Боржковскаго помѣщено въ сентябрьской книжкѣ «Кіев. Стар.» за настоящій годъ.

«Наблюдая «парубоцтво» въ современномъ его состояніи, говоритъ г. Боржковскій, нельзя не видѣть, что многое изъ того, чѣмъ оно живетъ и обставлено теперь, съ мелочною даже обрядностью, есть остатокъ давно минувшей жизни, гдѣ нерѣдко духъ и смыслъ давно испарились и осталась одна только форма» [1]. Хотя здѣсь и говорится о давно минувшихъ временахъ, но, конечно, это говорится лишь въ относительномъ смыслѣ, и начало «парубоцтва», какъ общественной группы, не выводится г. Боржковскимъ за предѣлы историческаго прошлаго. Если имѣть въ виду нѣкоторыя права и обязанности, принадлежащія нынѣ парубоцкой громадѣ, то возможно согласиться, что эти обязанности и эти права она получила во времена историческія и притомъ не особенно давнія,— въ періодъ возникновенія въ малорусской жизни братствъ, и что съ этой точки зрѣнія весьма возможно, что «въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нынѣшнее парубоцтво, какъ думаетъ г. Боржковскій, представляется ничѣмъ инымъ, какъ осколкомъ молодшихъ братствъ». Но если мы примемъ во вниманіе не нѣкоторыя, а всю сумму присущихъ парубоцтву правъ и практикуемыхъ имъ обыкновеній, если мы примемъ на видъ, что такія обыкновенія какъ «улыця» и «вечерныци» присущи, какъ правило, исключительно парубоцтву, то мы принуждены будемъ отодвинуть возникновеніе «парубоцтва», какъ общественной группы, въ несравненно болѣе отдаленное, выходящее за предѣлы историческаго, прошлое. Сравнительно-этнографическое изслѣдованіе этого вопроса даетъ удовлетворительное подтвержденіе высказанному мнѣнію. Намъ думается, что данныя, представляемыя этимъ изслѣдованіемъ, даютъ достаточныя основанія къ утвержденію, что *наблюдаемое нынѣ въ малорусской жизни группированіе молодежи, достигшей зрѣлаго возраста, въ болѣе или менѣе ор-*

---

1) „Кіевская Старина", 1887 г., т. IX, стр. 766.

ганизованныя группы, выдѣляющіяся изъ остальныхъ группъ, возникло на первоначальныхъ ступеняхъ культуры и что впослѣдствіи жизнь, подъ давленіемъ извѣстныхъ условій и требованій, лишь воспользовалась уже готовою формою и принаровила ее къ своимъ цѣлямъ, обставивъ ее и соотвѣтствующею симъ цѣлямъ обрядностью.

Періодъ отъ дѣтства къ состоянію совершеннолѣтія и половой зрѣлости отмѣчается у громаднаго большинства, если не у всѣхъ народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ культуры, особыми обрядовыми дѣйствіями надъ подлежащимъ индивидуумомъ. Оставляя въ сторонѣ тѣ относящіяся сюда дѣйствія, объектомъ которыхъ является дѣвушка, впервые подвергшаяся мѣсячному очищенію, мы обратимъ наше исключительное вниманіе на дѣйствія, относящіяся къ достигшему половой зрѣлости respect. совершеннолѣтія юношѣ. У горныхъ альфуровъ на Церамѣ, по свидѣтельству Іеста (Joest)[1], каждый молодой человѣкъ, достигшій пятнадцатилѣтняго возраста, торжественно опоясывается *твидако* (особый родъ пояса) и отъ него ожидаютъ теперь пріобрѣтенія головы (непріятельской). Съ этихъ поръ онъ спитъ въ *баилео* (большія общественныя зданія) и причисляется къ воинамъ, въ совѣтахъ и празденствахъ которыхъ отнынѣ онъ можетъ принимать участіе. У минкоповъ, обитателей андаманскихъ островов, по свидѣтельству Франсиса Дея[2]), молодыя дѣвушки, достигшія брачнаго возраста, носятъ извѣстные цвѣты, которые отличаютъ ихъ отъ ихъ сотоварокъ, болѣе молодыхъ или уже вышедшихъ замужъ. Молодые-же люди, покушавъ одинъ видъ ската, именуемаго *goom-dah*, получаютъ титулъ *goom-mo*, что означаетъ «молодой человѣкъ, желающій жениться[3]). Съ этого мо-

---

[1]) Verhandlungen der Berlines Ges. für Antropologie, Ethnologie u. Urgerschichte. 1882, s. 68.

[2]) Revue d'antropologie, 1872, p. 203.

[3]) Интересно сопоставленіе этого наименованія съ малорусскимъ наименованіемъ „парубокъ". Въ основѣ того и другаго лежитъ мысль о приближеніи даннаго индивидуума къ брачному состоянію. Но въ то время какъ у андаманезцевъ, сохранившихъ живые слѣды первобытныхъ отношеній половъ, упомянутое наименованіе выражаетъ общую мысль о намѣреніи юноши *вообще* сочетаться бракомъ, у малорусскаго народа, давно вступившаго въ строго моно-

мента въ теченіе цѣлаго года онъ подчиняется спеціальному режиму. Юноша совершенно воздерживается отъ вкушенія меда. Если онъ охотникъ на кабановъ, то продолжаетъ свои экскурсіи для нуждъ населенія, самъ же долженъ отказаться отъ употребленія этой дичи и жить продуктами рыбной ловли. Наоборотъ, если онъ рыболовъ, долженъ питаться мясомъ. Когда каффрскій юноша, говоритъ миссіонеръ Наугаусъ [1]), достигаетъ 15—18-тилѣтняго возраста, онъ подвергается обрѣзанію (обычный на этотъ случай обрядъ у большинства африканскихъ народовъ) и при посредствѣ этого акта входитъ въ кругъ мущинъ. Съ этою церемоніею связаны многочисленные танцы и празднества, въ которыхъ особенно живое участіе принимаютъ женщины и дѣвушки. Въ продолженіи всего этого времени молодые люди натираютъ тѣло бѣлой глиной до неузнаваемости, имѣя видъ дьяволовъ. Они образуютъ въ это время тѣсно замкнутую общину и живутъ въ сторонѣ отъ деревень въ особомъ, спеціально выстроенномъ для нихъ домѣ, такъ какъ они почитаются нечистыми. У индійцевъ сѣверо-запада Соединенныхъ Штатовъ, по словамъ Каррингтона [2]), молодой человѣкъ, желающій быть принятымъ въ число воиновъ, подвергается жестокимъ испытаніямъ. Въ Австраліи и Полинезіи встрѣчаемъ тѣ же истязанія и мученія при достиженіи возмужалости. Въ большинствѣ случаевъ и здѣсь практикуется обрѣзаніе, но вмѣстѣ съ обрѣзаніемъ или вмѣсто него встрѣчается изувѣченіе другихъ частей тѣла, какъ напр. выбиваніе зуба или отсѣченіе пальцевыхъ суставовъ [3]).

Мы не станемъ утруждать далѣе читателя цитированіемъ многочисленныхъ свидѣтельствъ по сему предмету различныхъ путешественниковъ. Богатое собраніе однородныхъ съ приведенными фактовъ любопытный читатель найдетъ въ сочиненіяхъ Мантегацца [4]) и Плосса [5]), а равно и въ цитированной только что статьѣ г. Ку-

гамическую форму брака, это наименованіе выражается въ терминѣ, соотвѣтствующемъ моногамической формѣ: goom-mo—просто желающій сочетаться бракомъ, парубокъ же, имѣющій въ виду спаруваться, найти себѣ *пару*.—*Прим. авт.*

[1]) Verhandl. der Berl. Gesch. cit. p. 205.

[2]) Cit. y St. Wake. Revue d'antropologie, 1876, V, 149.

[3]) M. Kulischer. Zeitschrift für Ethnologie, 1883, 15, s. 200.

[4]) L'amour dans l'humanité.

[5]) Das Kind in Brauch und Sitte der Völker. Stuttg. 1876.

липера. Приведенные нами примѣры, взятые на выдержку изъ этнографіи азіатскихъ, африканскихъ, американскихъ и океанійскихъ народовъ, достаточно, какъ намъ кажется, выясняютъ общій характеръ обрядовъ, практикуемыхъ надъ пришедшими въ возмужалость юношами. Изъ нихъ читатель усмотритъ, что у народовъ какъ стараго, такъ и новаго свѣта проводится грань между юношами, достигшими и не достигшими зрѣлости. Такая-же грань лежитъ и между сими послѣдними и мущинами женатыми. Обособленное сими гранями молодое поколѣніе, достигшее брачнаго возраста, образуетъ особую группу, въ высшей степени интересную въ соціологическомъ отношеніи. Чтобы дать понятіе о характерѣ подобныхъ группъ, приведемъ относящіяся сюда свидѣтельства путешественниковъ.

«Всѣ неженатые молодые люди (у горныхъ альфуровъ), говоритъ Іестъ, другое свидѣтельство коего относительно тѣхъ-же альфуровъ мы уже цитировали выше, спятъ вмѣстѣ въ большомъ общественномъ зданіи, баилео, обязательно существующемъ во всякой деревнѣ. Это—платформа, покоющаяся на древесныхъ стволахъ на высотѣ 6—8 дюймовъ подъ поверхностью земли, безъ стѣнъ, но съ пальмовой крышей, поддерживаемой бамбуковыми столбами, вполнѣ достаточная для сотни постелей» [1]. Въ каждой гаросской деревнѣ, по извѣстію Годвина Аустена [2]), имѣется домъ подъ названіемъ *бомьбангъ*, предназначенный для молодыхъ людей; домъ этотъ по величинѣ самый большой; онъ построенъ на высокихъ сваяхъ и имѣетъ фасадъ разукрашенный различной рѣзьбой. Не женатые мущины, достигшіе зрѣлости, спятъ исключительно здѣсь, и ни одинъ путешественникъ не можетъ туда проникнуть. Этотъ обычай, по свидѣтельству того же лица, распространенъ также между микирами и нагасами, другими племенами, обитающими по Брамапутрѣ. Подобные же дома, носящіе названіе «доомкореа» (домъ холостыхъ), имѣются по свидѣтельству Дальтона [3]), и въ каждой ораонской деревнѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, по словамъ того же изслѣдова-

---

[1]) Jost. loc. cit.

[2]) Revue d'antropologie, 1873, 2, p. 727.

[3]) Cit. у Н. Зибера. Очерки первобытной экономич. культуры. Москва, 1883 г., стр. 314.

теля, имѣются особые дома и для незамужнихъ дѣвушекъ; надъ ними въ видѣ дуэньи назначается старая женщина; она всегда вооружена палкою для удержанія вдали мальчишекъ. Круговое пространство передъ фронтомъ доомкореи поддерживается въ чистотѣ, какъ мѣсто для деревенскихъ танцевъ; оно обыкновенно прикрывается тѣнью прекрасныхъ старыхъ деревьевъ, а вокругъ располагаются мѣста для зритетей или для уставшихъ танцоровъ..... Благодаря этому обычаю, взрослые юноши и дѣвушки представляютъ изъ себя совершенно особое общество; сходиться имъ между собою почти не ставится препятствій; они образуютъ изъ самихъ себя пріятную компанію, отъ которой старики замѣтно держатся вдали. Если ухаживанье оказалось зашедшимъ слишкомъ далеко, то дѣло вообще устраивается такъ, что юноша взноситъ за дѣвушку плату и беретъ ее себѣ въ жены. Тотъ же обычай, по словамъ г. Зибера, встрѣчается въ Абиссиніи и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ восточной Африки. У туземцевъ маріанскихъ острововъ, по свидѣтельству Ле-Гобіена [1]), неженатая молодежь живетъ въ общественныхъ домахъ, куда они помѣщаютъ также дли брачнаго сожительства нанятыхъ или купленныхъ для сей цѣли дѣвушекъ. Наконецъ, однородное явленіе мы встрѣчаемъ и у обитателей Новаго Свѣта, какъ напр. у чикитовъ, одного изъ южно-американскихъ племенъ, у которыхъ, по словамъ д'Орбиньи [2]), въ каждой деревнѣ, кромѣ частныхъ жилищъ, существуетъ обширный общинный домъ, предназначенный для пріема иностранныхъ посѣтителей, а также и для молодыхъ людей обоего пола, которые удаляются изъ своихъ семействъ, чтобы жить вмѣстѣ до брака.

На сколько намъ извѣстно, впервые обратилъ вниманіе на подобные факты и указалъ ихъ важное соціологическое значеніе г. Зиберъ въ статьѣ своей «Еще о братствахъ», помѣщенной въ январьской книжкѣ журнала «Слово» за 1881 годъ, а затѣмъ и въ позднѣйшемъ уже цитированномъ нами сочиненіи своемъ по первобытной экономической культурѣ. Обобщая эти факты, г. Зиберъ подводитъ ихъ подъ общую формулу обычая, согласно которому молодежь обоего пола удаляется отъ своихъ родныхъ и живетъ вмѣс-

---

[1]) Ibid., стр. 314.

[2]) Ibid., стр. 311.

тѣ до брака [1]), и не безъ основанія видитъ въ этомъ «родъ переживанія въ молодомъ поколѣніи первобытныхъ формъ общиннаго брачнаго союза, уже покинутыхъ старыми» [2]). Изложенные нами выше факты, правдоподобно. подтверждаютъ такой взглядъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы примемъ во вниманіе, что хотя въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ свидѣтельствъ, а именно въ свидѣтельствахъ Іеста и Годвина Аустена объ альфурахъ и гаросахъ и не говорится прямо о половомъ сожительствѣ молодежи, но что тѣ-же изслѣдователи свидѣтельствуютъ дальше, что «дѣвству они (альфуры) не придаютъ никакой цѣны [3])», обстоятельство, предполагающее существованіе добрачной свободы въ отношеніяхъ половъ, и что у гаросцевъ, микировъ и нагасовъ въ равной степени существуетъ эта свобода [4]), то мы въ правѣ будемъ заключить, что во *всѣхъ* приведеныхъ примѣрахъ *группированія* молодежи мужескаго пола въ особыя группы имѣетъ мѣсто и свободное *сожительство* ея съ женскою молодежью. На подобное *сосуществованіе* сихъ двухъ явленій едвали было бы правильно смотрѣть, какъ на случайное. Мы позволяемъ себѣ высказать мнѣніе, что оно является *типичнымъ* для общаго строя жизни народовъ, въ періодъ, когда семейно-общественныя отношенія зиждились на началѣ коммунизма, найболѣе законченный образецъ чему являютъ индійцы Новаго Свѣта. Путешествующій по индійскимъ территоріямъ центра или юга Соединенныхъ Штатовъ часто встрѣчаетъ деревни, состоящія изъ одного или двухъ домовъ, имѣющихъ отъ 100 до 150 фут. длины, гдѣ скучены 40 или 50 родственныхъ семей. Минитаріи и манданы живутъ въ многоугольныхъ хижинахъ, въ которыхъ помѣщаются нѣсколько хозяйствъ, а длинныя хижины индійцевъ Колумбійской рѣки (Columbia River) вмѣщаютъ въ себѣ сотни обитателей. Нѣкоторыя индійскія деревни, какъ напр. Тумасчемутуль, въ долинѣ Колумбіи, или Таисъ (въ Новой Мексикѣ) состоятъ исключительно изъ одного, или двухъ колоссальныхъ домовъ, поднимающихся на 5 или на 6 этажей посредствомъ ряда террасъ, нагроможденныхъ одна на другую, и содержать въ себѣ отъ 3 до 400 людей. Въ кантонѣ Ріочано на сѣверо-западъ отъ Санта Фе

1) Очерки etc., стр. 311.
2) „Еще о братствахъ“ Слово. 1881 г., т. I, ст. 199.
3) Loc. cit. p. 70.
4) Loc. cit. p. 729.

сохранилась до сихъ поръ группа изъ семи *pueblos*, развалины общественныхъ зданій, изъ которыхъ каждое могло вмѣщать въ себѣ отъ 700 до 800 человѣкъ [1]). «Подобныя зданія, замѣчаетъ по поводу этого извѣстія Жиро - Тёлонъ [2]), принимавшіяся первыми испанцами за дворцы, суть массивныя постройки, наполненныя индѣйцами, живущими въ половомъ смѣшеніи [3]). Мексика, Юкатанъ и Гватемала до появленія европейцевъ имѣли множество подобныхъ деревень». Можно сказать, что обычай общинныхъ домовъ (общежитій) былъ господствующимъ у всѣхъ индійцевъ Америки (Gir. Teul. les origines etc. p. 183). Въ виду сихъ фактовъ, мы думаемъ, что и *сосуществованіе у достигшаго половой зрѣлости молодаго поколѣнія группированія въ особыя отъ взрослыхъ организаціи съ свободнымъ половымъ сожительствомъ вполнѣ правдоподобно можетъ почитаться переживаніемъ указанной формы семейно - общественныхъ отношеній первобытнаго времени или, точнѣе, той культурной ступени, на которой наблюдается господство коммунизма въ сферѣ брачныхъ отношеній.*

Вотъ къ такимъ-то явленіямъ первобытной организаціи молодаго поколѣнія относится, по нашему мнѣнію, и явленіе «парубоцтва».

Впервые на это соотношеніе, сколько намъ извѣстно, указалъ также г. Зиберъ въ упомянутой уже статьѣ «Еще о братствахъ». Къ сожалѣнію, однако, дѣлая сопоставленіе института парубоцкой громады съ первобытными организаціями молодежи, г. Зиберъ не счелъ необходимымъ опереться при этомъ сопоставленіи на одной изъ характерныхъ принадлежностей этого института, а именно на явленіи вечерницъ, а безъ этого сдѣланное имъ сопоставленіе является проблемматичнымъ и совершенно произвольнымъ, ибо собственно организація молодежи въ особенную группу, наблюдаемая

---

[1]) Lew. Morgan. Smiths. Contributions of knowledge, v. 17, p. 254, 258, 261, 262 и 488.

[2]) Жиръ-Тѣлонъ. Происхожденіе семьи. Спб. 1876 г., стр. 22.

[3]) Когда Колумбъ прибылъ въ Кубу, его эмиссары нашли здѣсь деревни, состоящія изъ большихъ домовъ, занятыхъ каждый многочисленными семьями, живущими въ полномъ безпорядочномъ половомъ смѣшеніи. См. Girand-Teulon. Les origines du mariage et de la famille, Gen. 1884, p. 181. Здѣсь подробности относительно подобныхъ индійскихъ общежитій, стр. 181—184.

въ институтѣ парубоцкой громады, можетъ принадлежать самымъ различнымъ культурнымъ эпохамъ. Если-же что и даетъ право на отнесеніе сего института къ категоріи очерченныхъ выше первобытныхъ организацій молодежи, то именно *сопутствованіе его явленіемъ вечерницъ.*

Соціальное явленіе «вечерницъ» не такъ давно обратило на себя вниманіе между прочимъ и на страницахъ настоящаго изданія. Въ мартовской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1886 г. г. Сумцовъ подробно остановился на этомъ явленіи. Соглашаясь съ общимъ взглядомъ автора на вечерницы, какъ на явленіе, принадлежащее глубокой древности, мы, къ сожалѣнію, не можемъ вслѣдъ за нимъ придавать имъ *первоначальное* значеніе пробнаго брака. Остановимся прежде всего на самомъ явленіи пробнаго брака и постараемся выяснить, по возможности, его соціологическій характеръ.

По мнѣнію г. Сумцова пробный бракъ представляетъ собою «переходную ступень отъ коммунизма и полигаміи (?) къ моногаміи» [1]). Съ этимъ положеніемъ (отбросивъ, конечно, полигамію) можно согласиться, но лишь подъ нѣкоторымъ условіемъ. Какъ извѣстно, характерную черту переходныхъ явленій, обусловливающую ихъ высокій соціологическій интересъ, составляетъ оригинальное, лишь имъ однимъ свойственное, сочетаніе формы и содержанія. Форма — элементъ наиболѣе консервативный. «Народъ, говоритъ г. Ефименко, выработываетъ формы своего быта страшно медленнымъ стихійнымъ процессомъ и когда жизнь представляетъ ему новыя требованія, онъ не имѣетъ сначала возможности удовлетворить ихъ иначе, какъ въ старыхъ формахъ, которыя съ нимъ такъ сказать срослись» [2]). Нѣсколько меньшій консерватизмъ наблюдается въ процессѣ измѣненія *содержанія* соціальныхъ явленій. Хотя и въ этомъ отношеніи смѣна одной системы идей другой не происходитъ мгновенно, а совершается лишь постепенно, однако этотъ послѣдній процессъ несомнѣнно идетъ быстрѣе перваго. Если-бы мы пожелали выразить соотвѣтствіе между ходомъ сихъ двухъ процессовъ въ математическихъ терминахъ, то мы подошли бы ближе всего къ истинѣ, сказавъ, что въ то время какъ смѣна идей совершается

---

[1]) „Кіевск. Стар.“ 1886 г., т. III, стр. 431.

[2]) Слово, 1880 г., сентябрь.

въ геометрической прогрессіи, смѣна формъ, облекающихъ эти идеи въ соціальныхъ явленіяхъ, происходитъ въ прогрессіи ариѳметической. Этимъ-то обстоятельствомъ, обнаруживающимъ наличность загадочнаго для насъ закона экономіи въ соціальномъ строительствѣ, и обусловливается присутствіе старыхъ формъ быта не только въ явленіяхъ переходныхъ отъ прежней системы общественныхъ отношеній къ новой, но даже и въ сферѣ явленій, уже всецѣло подчиненныхъ новому строю идей. Такимъ образомъ, въ области переходной отъ одного строя жизни къ другому всегда можно ожидать встрѣтиться съ такимъ явленіемъ, идеальное содержаніе коего принадлежитъ новой системѣ міровоззрѣнія, въ то время какъ форма носитъ на себѣ еще ясные слѣды уже отжившей эпохи.

Въ такомъ видѣ, по нашему мнѣнію, представляется и явленіе пробнаго брака. По своему содержанію это явленіе отнюдь не принадлежитъ эпохѣ коммунальнаго брака. По крайней мѣрѣ въ этой эпохѣ мы не видимъ элементовъ, которые могли бы послужить къ возникновенію положенной въ основу пробнаго брака идеи предварительнаго испытанія невѣсты со стороны ея годности къ брачной жизни и дѣторожденію[1]). Если же мы примемъ во вниманіе, что и прочность моногамическаго союза не могла оказать вліянія на возникновеніе этого обычая, ибо обыкновенно неспособность къ брачной жизни и дѣторожденію служитъ вездѣ одною изъ главныхъ причинъ расторженія брака, то мы должны будемъ придти къ заключенію, что идея пробнаго брака возникла независимо какъ отъ моногамическихъ идей, такъ равно и отъ строя идей, соотвѣтствующихъ системѣ коммунальнаго брака. Намъ думается, что при изысканіи причинъ возникновенія института пробнаго брака нѣтъ

[1]) Не указываетъ ихъ и г. Сумцовъ, а равно напрасно стали бы мы искать такого указанія и у Поста, ставящаго пробный бракъ также въ связь съ эпохой коммунальныхъ брачныхъ отношеній. „Съ первоначальной общностью женъ, говоритъ онъ въ сочиненіи своемъ „Die Geschlechtsgenossenschaft der Urzeit" s. 38, въ самой тѣсной связи стоитъ древнѣйшее состояніе брачныхъ отношеній. Даже тамъ, гдѣ одинъ мущина вступаетъ въ брачную связь съ одною женщиной, эта связь первоначально чрезвычайно рыхла. Съ одной стороны мы встрѣчаемъ здѣсь часто браки на пробу и на время, съ другой стороны большую легкость въ расторженіи брачнаго союза". Вотъ и все, что г. Постъ считаетъ необходимымъ сказать въ разъясненіе такого явленія, какъ пробный бракъ. Недостаточность этого очевидна сама собою.

нужды становиться на почву общихъ соціологическихъ причинъ. Подобно тому, какъ въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ обычай похищенія невѣстъ можетъ быть вполнѣ правдоподобно объясненъ частными экономическими мотивами (желаніемъ избѣгнуть уплаты выкупа за невѣсту), такъ и въ данномъ случаѣ такіе же экономическіе мотивы, желаніе избѣжать вторичныхъ свадебныхъ издержекъ (мы имѣемъ въ виду не выкупъ, а другіе расходы, не возвращаемые при расторженіи брака по винѣ жены), могли послужить поводомъ къ возникновенію обычая отдавать предпочтеніе дѣвушкѣ, доказавшей способность къ брачной жизни и дѣторожденію.

Но если такимъ образомъ *идея* обычая пробнаго брака никоимъ образомъ не можетъ быть выведена изъ обычаевъ и понятій, присущихъ эпохѣ коммунальныхъ брачныхъ отношеній, то *форма*, въ которую облекается эта идея, можетъ, наоборотъ, находиться подъ сильнымъ вліяніемъ сихъ понятій и обычаевъ. Со стороны формы мы различаемъ въ пробномъ бракѣ двѣ стадіи: первая стадія, когда отъ женщины требуются только явныя доказательства ея способности къ дѣторожденію, а слѣд. и къ брачной жизни (состояніе беременности или имѣніе дѣтей), причемъ не обращается вниманія на контрагента ея прелимирнаго сожительства, и вторая, когда этимъ контрагентомъ является обязательно лице заинтересованное. Примѣры первой стадіи мы можемъ наблюдать у вотяковъ, у которыхъ парни только въ такомъ случаѣ женятся на дѣвушкѣ, когда она обѣщаетъ въ скоромъ времени сдѣлаться матерью[1]), и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Россіи, какъ напримѣръ въ мезенскомъ уѣздѣ, гдѣ невинность дѣвушки вовсе не цѣнится, а напротивъ родившая дѣвушка скорѣе находитъ себѣ мужа, чѣмъ сохранившая дѣвственность[2]). Примѣры второй стадіи являютъ намъ нѣкоторые американскіе и азіатскіе народы. У мускогіевъ, одного изъ индѣйскихъ племенъ, бракъ длится одинъ годъ, но вовобновляется, если плодомъ его являются дѣти[3]) (знакъ способности къ дѣторожденію). У отоміевъ, тоже одного изъ индѣйскихъ племенъ, молодой человѣкъ спитъ съ дѣвушкой, на которую палъ его выборъ, одну ночь; если

¹) Сумцовъ, „Кiев. Стар." 1886 г., т. 3, стр. 431.

²) Ibid. стр. 432.

³) Post. Die Geschlechtsgenoss. der Urzeit, s. 39.

она не понравится ему, онъ расходится съ ней; если же понравится, то онъ остается съ ней весь слѣдующій день и тогда уже не имѣетъ права кинуть ее[1]) (способность къ брачной жизни). На Цейлонѣ впродолженіи первыхъ 14 дней бракъ имѣлъ временный характеръ; по истеченіи же сего срока онъ или объявлялся недѣйствительнымъ или же утверждался[2]) (способ. къ брачной жизни).

Очевидно, что первая стадія обусловлена понятіями *сохранившимися* еще отъ эпохи коммунальнаго брака, когда дѣвству невѣсты не придавалось никакого значенія и когда допускалась свобода половыхъ отношеній дѣвушки, вторая же—понятіями, *возникшими* уже въ эпоху установленія моногамическаго брака, когда со стороны невесты требовалось соблюденіе цѣломудрія и когда добрачное лишеніе невѣсты дѣвства, предполагаемое институтомъ пробнаго брака, осуществлялось самимъ лицемъ заинтересованнымъ (женихомъ). Эта-то послѣдняя форма (собственно видоизмѣненіе ея) и наблюдается въ современныхъ малорусскихъ вечерницахъ.

Такимъ образомъ малорусскія вечерницы ни по идеѣ, ни по формѣ воплотившагося въ нихъ обычая пробнаго брака не могутъ почитаться явленіемъ, возникшимъ подъ вліяніемъ коммунальнаго брака, а потому взглядъ на нихъ съ одной стороны, какъ на пробный бракъ, съ другой же, какъ на явленіе, вытекшее изъ коммунальнаго брака является, по нашему мнѣнію, противорѣчіемъ. Это противорѣчіе, однако, легко устраняется, если мы обратимъ вниманіе на другую сторону вечерницъ, а именно на присущій имъ характеръ *коллективности*. Исходя изъ этого элемента коллективности, мы различаемъ въ процессѣ развитія соціальнаго явленія вечерницъ три момента.

Въ первый моментъ вечерницы являются ничѣмъ инымъ, какъ фактическимъ сожительствомъ молодежи обоего пола, сожительствомъ, не преслѣдующимъ какихъ либо постороннихъ, внѣ его лежащихъ, цѣлей, а *существующимъ само для себя*.

Въ такомъ видѣ они являются въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ нами выше примѣровъ организаціи молодежи (на маріанскихъ островахъ и у чикитовъ). Типическимъ представителемъ подобнаго

---

1) Ibid., s. 39.
2) Ibid., s. 40.

рода сожительства можетъ почитаться относящійся сюда обычай домарровъ, одного изъ горныхъ племенъ Белуджистана. По свидѣтельству Беллева (Bellew) «въ извѣстныя эпохи весною и лѣтомъ молодые люди и дѣвушки (домарровъ) сходятся вечеромъ при крикахъ «Pîr marr, nadaî, jivandaî ḍaî» (старикъ не умеръ, онъ живъ еще!) и предаются всякаго рода играмъ и танцамъ. Когда же наступитъ темнота, они собираются, избираютъ другъ друга и каждая пара отдѣльно исчезаетъ за скалами и кустами и остается тамъ до тѣхъ поръ, пока родители сильными криками не подадутъ сигнала къ возвращенію. Эти временныя связи, прибавляетъ Беллевъ, *обыкновенно не имѣютъ своимъ слѣдствіемъ бракъ* (курсивъ нашъ), но этому странному обыкновенію приписываютъ значительное увеличеніе племени, а равно замѣчательное физическое развитіе, отличающее домарровъ» [1]). Точно также, по свидѣтельству Эйра, у многихъ австралійскихъ племенъ сожительство молодежи обоего пола допускается, какъ обычай, безъ всякаго ограниченія. Молодой человѣкъ во время собранія уводитъ съ собою молодую дѣвушку и по утру возвращаетъ ее обратно. Дѣвушки на 11 году, а мальчики на 13 или 14 году входятъ во взаимныя половыя сношенія [2]).

---

[1]) Revue d'anthropologie, 1874, 3, p. 169.

[2]) Cit. у Зибера. Очерки и проч., стр. 315. Быть можетъ, къ категоріи тѣхъ же фактовъ надлежитъ отнести и слѣдующее частное сообщеніе ученаго лѣсовода Добровлянскаго (отъ 29 іюня сего 1887 года), обязательно сообщенное намъ М. К. Васильевымъ. „Для иллюстраціи значенія мѣстныхъ промысловъ, пишетъ г. Добровлянскій, приведу одинъ фактъ, сильно меня заинтересовавшій. Въ нѣкоторыхъ лѣсныхъ деревняхъ муромскаго уѣзда (владимірской губ.) существуетъ фактъ свободнаго сожительства молодежи и существуетъ съ незапамятныхъ временъ; съ нимъ свыклись, и когда парню приходилось отдѣляться и заводить свое хозяйство, то онъ женился, не особенно смущаясь тѣмъ, что у его супруги есть уже нѣсколько ребятъ отъ него или отъ кого другаго. Крестьяне занимались смолокуреніемъ, которое въ послѣднее время упало и заставило ихъ обратиться къ механической разработкѣ лѣса, дающей меньше заработковъ; въ результатѣ оказалось, что народъ „шибко обѣднялъ" и брать супругу съ ребятами оказалось уже накладнымъ; такъ какъ отказаться отъ гульбы было не легко, а спросъ явился на бездѣтныхъ, то мигомъ явились и мастерицы, начавшіе фабриковать бездѣтность..... Кромѣ того раздѣлы стали болѣе часты, браки стали поэтому заключаться чаще и слѣд. раньше, и для гульбы (здѣсь называютъ это „*стояніемъ*") остался 12—15 лѣтній возрастъ". По отсутствію необходимыхъ данныхъ, мы не можемъ опредѣлить, что здѣсь надлежитъ отнести къ общимъ законамъ развитія брака и что къ частному паденію нравственности.

Во второй моментъ, наступающій *при встрѣчѣ* очерченнаго только что обыкновенія съ возникшею подъ вліяніемъ *специальныхъ* причинъ идеей пробнаго брака, фактическое сожительство молодежи *само для себя* обращается въ *прелиминарное* сожительство, имѣющее въ виду бракъ, а подъ вліяніемъ моногамическихъ идей кромѣ того и въ сожительство заинтересованнаго лица. Примѣръ такой фазы мы видѣли выше у ораонцевъ, у которыхъ «если ухаживанье оказалось зашедшимъ слишкомъ далеко, то дѣло вообще устраивается такъ, что юноша вноситъ за дѣвушку плату и беретъ ее себѣ въ жены». Примѣръ состоянія переходнаго отъ перваго по второму моменту могутъ представить вечерницы, наблюдаемыя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи. Такъ напр. въ новгородской и псковской губерніяхъ дѣвицы вмѣняютъ себѣ въ честь имѣть на посидѣлкахъ любовника, или, какъ тамъ говорятъ, дружиня, что вовсе не мѣшаетъ имъ потомъ выйти замужъ *за кого бы то ни было. Обыкновенно* друженъ впослѣдствіи становится мужемъ (курсивъ нашъ) [1].

Наконецъ, подъ вліяніемъ дальнѣйшаго развитія моногамическихъ идей наблюдаемое во 2-й моментъ *фактическое* прелиминарное сожительство обращается въ *номинальное*, и вечерницы вступаютъ въ третій и послѣдній періодъ своего развитія, въ которомъ они существуютъ и по настоящее время. Въ этотъ періодъ они превращаются въ простое нравственное увеселеніе молодежи, доставляющее ей удобный случай для сближенія и служа такимъ образомъ первой ступенью къ браку.

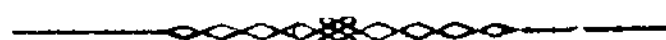
Такимъ образомъ вечерницы въ третьей фазѣ своего развитія, т. е. въ той именно фазѣ, въ какой онѣ въ настоящее время связаны съ институтомъ «парубоцкой громады», представляютъ комбинацію двухъ элементовъ, принадлежащихъ двумъ различнымъ эпохамъ брачныхъ отношеній,—элемента пробнаго брака, принадлежащаго эпохѣ индивидуализаціи сихъ отношеній, и элемента коллективизма, принадлежащаго эпохѣ коммунальнаго брака. Восходя же отъ этой фазы къ первоначальному моменту въ развитіи вечерницъ, мы все болѣе и болѣе выходимъ изъ сферы моногамическихъ отношеній и все болѣе и болѣе приближаемся къ сферѣ общин-

---

[1]) Путевыя писвма Якушкина cit. у Сумцова op. cit. p. 433.

ныхъ брачныхъ связей, пока наконецъ не достигаемъ чистыхъ формъ коммунальнаго брака безъ всякихъ постороннихъ примѣсей. Въ такомъ видѣ и представляется *прототипъ* современныхъ вечерницъ, обязательно связанныхъ съ институтомъ «парубоцкой громады». Принявъ же это во вниманіе и припомнивъ сказанное нами о первобытныхъ организаціяхъ молодежи, мы, думается намъ, будемъ въ правѣ придти къ высказанному нами выше заключенію, а именно, что *наблюдаемое нынѣ въ малорусской жизни группированіе молодежи, достигшей зрѣлаго возраста, въ болѣе или менѣе организованныя группы, отъ остальныхъ общественныхъ группъ, возникло на первоначальныхъ ступеняхъ культуры и должно быть причислено къ категоріи явленій первобытной организаціи молодаго поколѣнія съ свободнымъ половымъ сожительствомъ внутри сихъ организацій.* А такъ какъ эти первобытныя организаціи, какъ было указано раньше, представляютъ собою ничто иное, какъ переживаніе эпохи коммунальнаго брака, то *существующее нынѣ въ жизни малорусскаго народа явленіе «парубоцтва» или «парубоцкой громады» должно почитаться свидѣтельствомъ и памятникомъ того, что эта эпоха нѣкогда была пережита симъ народомъ.*

Н. Н. Чернышевъ.

ЗАПИСКИ В. И. ЯРОСЛАВСКАГО.

(окончаніе) [1].

Когда, прибывъ въ Одессу, явился я къ графу Ланжерону, онъ съ восклицаніемъ спросилъ меня:

— А мосье Ярославскій! чѣмъ васъ поздравить, коллежскимъ ассесоромъ? Получили отъ университета аттестатъ?

Я представилъ ему аттестатъ.

— Вы хотѣли быть коллежскимъ ассесоромъ по моей ошибкѣ. теперь будете имъ по закону, сказалъ тогда графъ и за тѣмъ спросилъ:

— Отъ чего вы не хотите служить при Инзовѣ?

— Если вамъ не угодно будетъ дать мнѣ мѣсто подъ вашимъ начальствомъ, отвѣчалъ я, то поѣду къ нему.

Тогда графъ сказалъ:

— Есть вакансія совѣтника таврическаго губернскаго правленія. По полученіи вашей просьбы, я никого на нее не представлялъ. Но вы опять меня оставите?

Я отвѣчалъ, что намѣренъ жениться.

— Это другое дѣло, сказалъ онъ.—Такъ добръ и такъ снисходителенъ и ласковъ былъ графъ Ланжеронъ!

Отдавая мой аттестатъ правителю канцеляріи Гуржееву, онъ велѣлъ написать обо мнѣ представленіе. Откланявшись ему и простясь съ Ив. Ив. Гуржеевымъ, я выѣхалъ изъ Одессы съ тѣми же извощиками, съ которыми пріѣхалъ изъ Харькова.

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., октябр. кн., стр. 289—330.

Въ Херсонѣ былъ въ казенной палатѣ и видѣлъ, что всѣ совѣтники получили Владимірскіе кресты, даже оба бывшіе мои столоначальники имѣли Аннинскіе 4-й степени, а вице-губернаторъ Петрулинъ Владиміра 3 класса. Вотъ какъ щедро награждаетъ графъ Ланжеронъ, подумалъ я—не такъ, какъ Инзовъ! Они оба добры, но разныхъ правилъ и свойствъ.

Пообѣдавъ у вице-губернатора, на другой день я выѣхалъ въ заштатный городъ Бериславъ, при рѣкѣ Днѣпрѣ, надѣясь оттуда часто ѣздить къ другу своему Ник. Дм. Куликовскому, который, равно и жена его Варвара Ивановна, дочь добраго Ив. Христ. и Елиз. Гр. Калагеоргіевыхъ, всегда любили меня. Въ первое же воскресенье поѣхалъ я къ нему въ село Каховку. Обое они непритворно обрадовались мнѣ и настояли, чтобы я къ нимъ переѣхалъ жить, и я въ тотъ же день выполнилъ ихъ волю. Въ Каховкѣ я жилъ во всемъ удовольствіи и изобиліи, по пословицѣ—купаясь, какъ сыръ въ маслѣ, до того времени, какъ 6 іюня 1821 года опредѣленъ былъ совѣтникомъ въ таврическое губернское правленіе.

Хотя и увѣрялъ меня Ник. Дм. Куликовскій и другіе, будто бы въ Крыму лучше мнѣ будетъ жить, нежели было въ Херсонѣ; но, кромѣ повышенія моего чинами (коллежскаго ассесора 1822 г. іюля 28 и надворнаго совѣтника 1825 г. сентября 14), на самомъ дѣлѣ я испыталъ по службѣ моей всѣ непріятности, какихъ прежде не зналъ, такъ что могъ сказать о себѣ, какъ Наполеонъ: «звѣзда моя померкла».

Первое. Графъ Витгенштейнъ, бывши въ Евпаторіи для купанья въ морѣ, обѣщалъ Болданіевой, хозяйкѣ, у которой стоялъ на квартирѣ, стараться, чтобъ ея другой домъ, еще не достроенный, былъ взятъ въ казну для помѣщенія уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Въ томъ же 1821 году графъ Ланжеронъ, по его просьбѣ, командировалъ меня въ Евпаторію сдѣлать тому дому планъ и смѣту, что онъ будетъ стоить, чтобъ сдѣлать его удобнымъ къ помѣщенію уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Я нашелъ наружныя стѣны этого дома, хотя каменныя, но на глинѣ складенныя, перегородки и потолки хворостяныя, не оштукату-

ренныя, а только обмазанныя глиною; не было въ немъ ни половъ, ни дверей, ни оконныхъ рамъ, ни другихъ мелочей, ни огорожи двора. На все это я сдѣлалъ смѣту по цѣнамъ полиціи, приложивъ и планъ дома; но въ донесеніи своемъ я не могъ утвердительно сказать, проченъ ли и удобенъ ли онъ будетъ къ помѣщенію уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Кончилось тѣмъ, что домъ не былъ взятъ въ казну.

Второе. Въ Севастополѣ случилось по женскимъ интригамъ такое дѣло. Отставной маіоръ Новиковъ ударилъ на улицѣ инженернаго подполковника Шаумбурга, бывшаго въ мундирѣ и орденахъ, два раза въ щеку за то, что тотъ, въ угожденіе дочери артиллерійскаго генерала Сиверса, въ виду многочисленнаго народа, бывшаго на качеляхъ, остановилъ на улицѣ экипажъ его жены. Во всемъ этомъ самъ Новиковъ признался въ глупомъ прошеніи своемъ, которое сочинялъ Чернявскій, домашній секретарь... морскаго начальника въ Севастополѣ. По этому дѣлу, по высочайшему повелѣнію, какъ обезчещенъ инженерный мундиръ, наряжена была коммиссія военнаго суда. Депутатомъ въ эту коммиссію со стороны гражданской, для защиты маіора Новикова, губернское правленіе командировало меня, за отказомъ, подъ видомъ болѣзни, ассесора Луговскаго. Каждый день я являлся въ коммисію и подписывалъ ея опредѣленія. Она назначила меня съ маіоромъ Ивановымъ по даннымъ отъ нея пунктамъ спросить подъ присягою дочерей генерала Сиверса; при приводѣ къ присягѣ были Новиковъ и Шаумбургъ. Но эти свидѣтельницы показали, что все, написанное Новиковымъ въ прошеніи, имъ выдумано, что маіорша Новикова сама велѣла кучеру остановиться, что Шаумбургъ, подойдя къ ней, снялъ шляпу, учтиво разговаривалъ, потомъ, поклонясь, отошелъ къ нимъ. Тогда Чернявскій написалъ Новикову другое прошеніе, выставивъ новыхъ свидѣтелей, какихъ то матросовъ, которые будто видѣли и слышали все дѣйствіе. Коммиссія приняла прошеніе и дала ему ходъ. Зная, что законъ запрещаетъ допущать новыхъ свидѣтелей, сверхъ принятыхъ обѣими сторонами, и что за нарушеніе этого закона можно подвергаться суду, я подалъ рапортъ г. ко-

менданту, генералъ-маіору Юрковскому о своей болѣзни и просилъ его истребовать на мѣсто мое другого депутата. Надобно сказать, что къ этому присоединилось еще другое происшествіе, которое произвело ужаснѣйшее послѣдствіе. Сторону Шаумбурга принялъ инженерный полковникъ Мишо; онъ послалъ графу Ланжерону донесеніе, писанное по французски, въ которомъ, изложивъ, что маіоръ Новиковъ судился за покраденный въ казнѣ свинецъ, прибавилъ, что контръ-адмиралъ Быченскій есть первый упорствующій покровитель сего злодѣя, содѣлывающаго таякі преступленія, и показалъ къ нему даже особенное покровительство по учиненіи имъ послѣдней соблазнительной обиды, вмѣшавшись, противно законамъ, въ дѣла коммиссіи и запутывая ея дѣйствія бумагами, коихъ не должно бы вовсе принимать. Посланное подлинникомъ отъ графа Ланжерона генералъ-адъютанту князю Волконскому, это донесеніе было возвращено въ коммисію съ замѣчаніями великаго князя Николая Павловича, которому оно было представлено Волконскимъ. По выпискѣ изъ него объ участіи Новикова въ покражѣ свинца и о покровительствѣ ему, коммисія требовала отъ Быченскаго объясненій, а Быченскій въ свою очередь требовалъ доказательствъ отъ полковника Мишо. Вмѣсто отвѣта отъ Мишо, разнеслась по городу вѣсть о его смерти. Утверждали, будто онъ дня четыре былъ нездоровъ; но еще наканунѣ, 16 ноября, были у него въ вечеру его пріятели: генералъ Сиверсъ, полковникъ Бибиковъ, подполковникъ Шаумбургъ, и карантинный докторъ Экъ; послѣдній разстался съ хозяиномъ въ первомъ часу ночи, ни малѣйше не подозрѣвая объ опасности. Мишо всталъ, говорятъ, очень рано (а по словамъ нѣкоторыхъ, вовсе не ложился), велѣлъ затопить въ грубкѣ или каминѣ, сѣлъ подлѣ, рвалъ секретныя бумаги и бросалъ въ огонь; потомъ сказалъ позвать къ себѣ барона Шаумбурга, но тотъ засталъ его уже безъ языка; Мишо облокотился на него и часу въ 5 утра, 17 числа, скончался. Всѣ единогласно полагали, что онъ окончилъ жизнь свою насильственною смертію, и эта догадка подтверждалась отчасти синевою его губъ. Могъ ли я оставаться въ коммясіи для занятія такимъ казуснымъ дѣломъ? Я написалъ Ив.

Ив. Гуржееву обо всемъ и, получивъ отъ него извѣстіе, что онъ читалъ мое письмо графу, я снова просилъ объ отчисленіи меня отъ коммисіи. Генералъ Юрковскій уважилъ наконецъ мою просьбу, и по требованію его присланъ былъ вмѣсто меня ассесоръ Максимовичъ. А какъ онъ согласился допустить къ свидѣтельству поименованныхъ Новиковымъ матросовъ, то, вѣроятно, по просьбѣ Шаумбурга, это дѣло вскорѣ велѣно производить въ Херсонѣ военно-судной коммисіи.

Комендантъ Юрковскій отличался въ 1812 и 1813 годахъ въ войнѣ противъ Наполеона. Въ воскресные и праздничные дни я часто обѣдывалъ у него; онъ любилъ откровенно разговаривать со мною о многихъ предметахъ. Хотя Быченскій былъ зять его, онъ не хвалилъ его, что вмѣшался въ дѣло Новикова съ Шаумбургомъ, оказывая защиту первому.

Третье. Въ 1822 году графъ Ланжеронъ, давая знать вице-губернатору объ ассигнованіи до полу-милліона рублей для построенія въ Симферополѣ зданія присутственныхъ мѣстъ и соборной церкви св. Александра Невскаго, а также починки бакчисарайскаго ханскаго дворца, предписалъ составить строительную коммиссію, въ которую назначилъ первымъ членомъ меня, вторымъ ассесора Максимовича и третьимъ петербургскаго архитектора Колодина. Планъ и смѣта на эти работы составлены были раньше; но я нашелъ въ нихъ значительныя упущенія и недостатки. По моимъ замѣчаніямъ, которыя я представилъ ихъ вновь опредѣленному гражданскому губернатору Николаю Ивановичу Перовскому, планъ и смѣта были исправлены пріѣхавшимъ изъ Петербурга архитекторомъ Колодинымъ: вмѣсто пристроекъ къ одно-этажному каменному дому, построенному еще въ 1787 году для пріѣзда императрицы Екатерины, проэктирована постройка на немъ втораго этажа, назначена огорожа двора, которой на прежнемъ планѣ не было, постройка архива, типографіи и сараевъ для дровъ; вмѣсто хворостяныхъ потолковъ, черепичной крыши, назначено покрыть желѣзомъ и сдѣланы другія перемѣны. Министръ внутреннихъ дѣлъ утвердилъ этотъ планъ и прислалъ для построенія по немъ въ натурѣ; но

строительный при немъ комитетъ изложилъ свое мнѣніе, что «какъ отъ него посылается архитекторъ Колодинъ для производства въ натурѣ строеній, то неприлично уже кому-либо вмѣшиваться при томъ производствѣ». Это замѣчаніе относилось собственно ко мнѣ. Я однако занимался дѣлами комитета, а работы велъ Колодинъ, какъ самъ зналъ, или какъ указывалъ губернаторъ. Всѣ древнія напр. зданія въ Крыму были строены изъ дикаго камня, изъ него же строятся и новыя и нѣтъ ни одного, которое бы построено изъ кирпича; но архитекторъ Колодинъ въ смѣтѣ положилъ строить пяти-купольную церковь св. Александра Невскаго изъ кирпича, который дѣлается только въ Карасу-Базарѣ изъ глины и имѣя въ себѣ известковыя частицы, такъ плохъ что если полить его водою, то начнетъ кипѣть, какъ негашенная известь, а нерѣдко и совсѣмъ разрушается. Другое дѣло. Дворецъ въ Бакчисараѣ велѣно возобновить въ томъ видѣ, какъ онъ былъ при ханахъ; но губернаторъ Перовскій поѣхалъ туда съ архитекторомъ и велѣлъ строить конюшни и сараи не на прежнихъ мѣстахъ, а на другихъ. Было нѣчто и худшее. Лѣтомъ 1823 года поѣхалъ я съ семействомъ старшаго совѣтника Никифорова смотрѣть большой роднике рѣки Салгира, бьющій изъ нависшаго огромнаго камня. Возвращаясь оттуда уже въ сумерки, мы встрѣтили нѣсколько воловыхъ подводъ, на которыхъ везли тесанный камень и известь. Я спросилъ извощиковъ: куда везете? — «Губернатору на дачу, отвѣчали они.—Гдѣ брали?—«У присутственныхъ мѣстъ».—Кто вамъ отпускалъ?—«Ассесоръ Максимовичъ». Вскорѣ послѣ этого я подалъ рапортъ губернатору объ увольненіи меня отъ строительнаго комитета и сдалъ расходную книгу и сумму ассесору Максимовичу.

Четвертое. Лѣтомъ 1822 года графъ Ланжеронъ пріѣзжалъ въ Крымъ, и съ нимъ былъ правитель канцеляріи Иванъ Ив. Гуржеевъ. Онъ остановился квартирою въ домѣ татарскаго генерала Кая-бея. Этотъ хитрый татаринъ прежде уговорилъ его купить у татаръ участокъ земли въ ѳеодосійскомъ уѣздѣ, гдѣ есть хорошія соляныя озера, изъ которыхъ добываемую соль

можно выгодно отпускать въ Черноморію и за-границу. А въ этотъ пріѣздъ онъ вмѣстѣ съ прочими тамошними владѣльцами подали графу просьбу, прося его ходатайствовать у государя о позволеніи имъ вновь выволакивать изъ озеръ соль и продавать ее, что воспретилъ имъ министръ финансовъ съ высочайшаго утвержденія. Жалѣя объ участи добраго графа, я отважился сказать И. И. Гуржееву:

— Что вы не остережете графа, чтобъ онъ не вмѣшивался въ это дѣло? Пусть татары мимо его подаютъ просьбу, кому слѣдуетъ. Онъ долженъ стараться о казенномъ интересѣ и не подавать ни малѣйшаго вида, что вступается за частныя выгоды.

— Что жъ мнѣ дѣлать? отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, я говорилъ ему: онъ не хочетъ меня и слушать.

— Ну, сказалъ я, увидите, какъ это покровительство причинитъ ему непріятность!

Предсказаніе мое сбылось. Министръ финансовъ графъ Гурьевъ, докладывая государю это представленіе графа Ланжерона, сказалъ: «я стараюсь о увеличеніи доходовъ вашего императорскаго величества, а генералъ-губернаторъ, который долженъ бы во всемъ мнѣ содѣйствовать, препятствуетъ тому». Это произвело въ государѣ невыгодное мнѣніе о графѣ Ланжеронѣ. Къ этой тягостной для него непріятности въ тоже время случилась другая. Екатеринославскій губернаторъ *(пробѣлъ)* представилъ ему, что въ губерніи неурожай, угрожающій голодомъ и что для предупрежденія его необходимо полъ-милліона денегъ. Графъ, повѣривъ его донесенію, представилъ объ этомъ министру внутр. дѣлъ. Посланъ былъ въ эту губернію чиновникъ, который нашелъ, что жители ея безъ нужды могутъ прокормиться и что у нихъ останется еще хлѣба для заграничной продажи. За ложное донесеніе губернаторъ удаленъ былъ отъ должности, но и для графа Ланжерона это была большая непріятность. Случилось съ нимъ и другое несчастье. Праздниками Свѣтлаго Воскресенія, какъ была въ Одессѣ большая грязь, то для отданія визитовъ онъ поѣхалъ на дрожкахъ, которыя опрокинулись; отъ подмочки сильно ногъ возобновилась у него подагра. Для совершеннаго ея

излѣченія медики совѣтовали ему ѣхать во Францію пользоваться минеральными водами. По просьбѣ его, государь, быть можетъ, охотно его уволилъ, поручивъ исправленіе его должности генералу Инзову; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ на мѣсто его былъ опредѣленъ генералъ-губернаторомъ графъ Воронцевъ, а ему велѣно присутствовать въ государственномъ совѣтѣ. Этотъ новый генералъ-губернаторъ, перемѣнивъ правителя своей канцеляріи, старался и въ губерніяхъ замѣщать должности своими чиновниками.

Пятое. Командированіе меня въ 1822 году губернскимъ правленіемъ въ Евпаторію для совмѣстнаго съ инженернымъ чиновникомъ составленія смѣты на постройку офицерскаго флигеля дало мнѣ случай излечиться отъ глухоты, которая приключилась мнѣ отъ простуды, по выходѣ изъ бани безъ картуза. Ложась три раза въ сакскую грязь и купаясь въ морѣ, я опять сталъ слышать. Но порученіе мнѣ присмотра за окончательною сего флигеля постройкою, производимою тамошнимъ городничимъ Бабенкомъ, было для меня очень тягостно. Флигель находился разстояніемъ отъ города верстахъ въ двухъ и я принужденъ былъ часто ходить туда пѣшкомъ. Бабенко потомъ началъ пить такъ неумѣренно, что даже въ умѣ помѣшался. Хотя я просилъ исполнительную экспедицію уволить меня отъ присмотра за работами; но мнѣ въ томъ отказали, и я долженъ былъ вести съ нимъ и съ другими непріятную переписку, да и завсѣмъ тѣмъ занимался этимъ затруднительнымъ присмотромъ и въ послѣдующіе 1824 и 1825 годы.

Шестое. Купецъ 1-й гильдіи Зеленьковъ (шившій мундиры для государя императора) взялъ въ таврической губерніи откупъ, по которому распоряжать дѣлами поручилъ коллежскому ассесору Алексѣю Григорьевичу Высоцкому. Высоцкій такъ повелъ дѣло, что въ теченіе года откупъ пришелъ въ упадокъ. Пріятели Заленькова, а болѣе, кажется, Высоцкаго, присовѣтовали ему, оставивъ по прежнему управленіе откупомъ за Высоцкимъ, принять его къ себѣ въ третью часть. Высоцкій согласился. Написанъ былъ обширный контрактъ; но всѣ пункты онаго слу-

жили въ его лишь пользу. Въ контрактѣ напр. сказано было, что «Зеленьковъ принимаетъ Высоцкаго въ третью часть *въ барышахъ*», а слѣдовательно не въ убыткахъ. Правда, Высоцкій обязанъ былъ присылать Зеленькову мѣсячныя вѣдомости о приходѣ и расходѣ всего имущества по откупу и давать по требованію его отчеты; кромѣ того Зеленьковъ во всякое время имѣлъ право вступить въ управленіе откупа самъ или черезъ своихъ повѣренныхъ, и тогда Высоцкій могъ самъ или черезъ своихъ повѣренныхъ управлять только своею третьею частью. Но на бѣду свою Зеленьковъ допустилъ въ контрактъ самую вредную для себя статью, по которой «въ случаѣ споровъ, несогласій, недоразумѣній, оба они обязывались, не обременяя присутственныхъ мѣстъ бумагами, вѣдаться совѣстнымъ или третейскимъ судомъ». При отъѣздѣ Высоцкаго въ Крымъ, Зеленьковъ вручилъ ему сто тысячъ рублей для покупки вина и прочихъ нужныхъ по откупу предметовъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а Высоцкій не присылалъ вѣдомостей и не давалъ никакого свѣдѣнія объ откупѣ. Зеленьковъ усумнился въ честности Высоцкаго и захотѣлъ самъ видѣть Крымъ, который называли ему второю Италіею. Зеленьковъ былъ богачъ, имѣвшій единственную дочь и три съ половиною милліона руб. въ ломбардѣ. Первымъ дѣломъ его было, ѣдучи черезъ Перекопъ, забрать въ тамошней питейной конторѣ всю наличную сумму. Хотя онъ сдѣлалъ это съ тою цѣлью, чтобы не платить за пересылку вѣсовыхъ, и взятыя деньги, по пріѣздѣ въ Симферополь осенью 1823 г., отдалъ въ главную контору; но это подало Высоцкому предлогъ дать секретное предписаніе всѣмъ повѣреннымъ, чтобъ не исполняли никакихъ требованій Зеленькова. Поживши нѣкоторое время здѣсь и видя, что Высоцкій ничего не говоритъ и не даетъ отчета ни по откупу, ни о полученныхъ имъ ста тысячахъ рублей, Зеленьковъ напомнилъ ему разъ, другой; но все напрасно. Тогда дождавшись новаго 1824 г., онъ подалъ въ губернское правленіе прошеніе о допущеніи его повѣреннаго Петриченка къ управленію двумя частями откупа на основаніи контракта; но Высоцкій ловко воспользовался другою статьею контракта, по которой они обязались не обременять присут-

ственныхъ мѣстъ бумагами, а разбираться совѣстнымъ или третейскимъ судами, и просилъ губернское правленіе не входить въ разбирательство ихъ несогласій; а чтобы добиться чего либо отъ тѣхъ судовъ, то скорѣе откупъ могъ бы прекратиться. Старшій совѣтникъ Никифоровъ и я держали въ этомъ дѣлѣ сторону Зеленькова; но ассесоръ Луговскій, задобренный Высоцкимъ, отчасти вице-губернаторъ Курута и вновь опредѣленный третій совѣтникъ Фабръ, а также поступившій на мѣсто Перовскаго губернаторъ Нарышкинъ, стояли за Высоцкаго. Нарышкинъ купилъ тогда дачу и надобно было ее обстроить. Зеленьковъ не догадался предложить губернатору денегъ, а Высоцкій черезъ Фабра предложилъ ихъ. Придумана новая хитрость: друзья Высоцкаго затѣяли увезти дочь Зеленькова и обвѣнчать ее съ адъютантомъ дивизіоннаго генерала, квартировавшаго въ Симферополѣ, и только жандармскій полковникъ, разставивъ караулъ вокругъ питейнаго дома, воспрепятствовалъ выполненію губительной затѣи. Высоцкій навѣрное зналъ, что это произведетъ параличъ престарѣлому Зеленькову, и тогда всѣ счеты между ними кончатся. Узнавъ объ этомъ, Зеленьковъ черезъ нѣсколько дней уѣхалъ въ Петербургъ и подалъ въ Царскомъ Селѣ государю просьбу; законное удовлетвореніе по ней, черезъ графа Аракчеева, передано въ особое наблюденіе министра юстиціи. По требованію его, губернаторъ предписалъ губернскому правленію 21 октября 1824 г. объ оставленіи крымскаго питейнаго откупа въ единственномъ управленіи купца Зеленькова и о принужденіи коллежскаго ассесора Высоцкаго дать Зеленькову за все время управленія своего откупомъ немедленно вѣрный отчетъ, а также чтобы всѣ дѣла, счеты, документы, откупное имущество, питья и капиталы сданы были Зеленькову или его повѣренному со всею вѣрностью. Кромѣ того министръ юстиціи предписалъ еще губернскому прокурору «имѣть неослабное наблюденіе въ исполненіи сего указа сената, и о малѣйшемъ послабленіи губернскихъ властей доносить ему, подъ собственною своею строгою отвѣтственностію». Что жъ вышло?—Высоцкій подъ предлогомъ болѣзни отказался отъ сдачи. Поручено было мнѣ съ совѣтникомъ уголовной палаты Гнутовымъ заняться сдачею; но мы ничего не могли сдѣлать и только скрѣпляли

всѣ мѣсячныя вѣдомости и книги всѣхъ конторъ по листамъ, какъ простые писцы. Въ 1825 году, въ пріѣздъ государя на южный берегъ Крыма, совѣтникъ Фабръ и ассесоръ Луговскій, по представленію губернатора, получили св. Анны 2-й степени, и губернаторъ въ присутствіи всѣхъ насъ, поздравляя ихъ, не устыдился сказать, что они награждены за защиту Высоцкаго; «а васъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Никифорову и мнѣ, пусть награждаетъ Зеленьковъ». Губернскій прокуроръ Василій Ивановичъ Михно, по предписанію министра юстиціи, доносившій ему о послабленіяхъ губернатора Высоцкому, по высочайшему повелѣнію былъ удаленъ, а на мѣсто его былъ назначенъ Фабръ. Никифоровъ, видя все униженіе и притѣсненіе, самъ подалъ въ отставку; а меня командировали въ разныя непріятныя дѣла. Высоцкій, не смотря на неоднократныя повторенія указовъ сената, все таки не далъ отчетовъ объ употребленныхъ имъ суммахъ, да и не могъ ихъ дать, иначе пришлось бы показать, кому и сколько онъ далъ изъ полученныхъ ста тысячъ рублей и изъ собранныхъ имъ за время его управленія денегъ. Напослѣдокъ, уже въ царствованіе императора Николая, онъ отправился въ Петербургъ. Но какъ скоро онъ пріѣхалъ туда, Зеленьковъ объявилъ о томъ министру юстиціи, а тотъ отнесся къ главнокомандующему С.-Петербурга о высылкѣ его въ Крымъ. Высоцкій сказался больнымъ; но главнокомандующій велѣлъ отправить его въ больницу и о здоровьѣ его доносить ему каждый день, а коль скоро сдѣлается ему легче, въ то же время отправить его въ Крымъ. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи, не видя себѣ ни откуда помощи, Высоцкій принялъ ядъ и тѣмъ свой откупной процессъ и жизнь кончилъ. А тѣ чиновники, которымъ давалъ онъ деньги, спокойно зажили, бывъ увѣрены, что некому уже ихъ требовать отъ нихъ. Такъ почти бываетъ всегда на свѣтѣ, что худыя дѣла имѣютъ и худой конецъ.

Седьмое. Евпаторійскій исправникъ Каза-бей донесъ губернатору Перовскому, что градской голова Сима Бобовичъ обманнымъ и притѣснительнымъ образомъ покупаетъ у татаръ земли. Для изслѣдованія этого дѣла губернаторъ послалъ своего чинов-

ника Семена Мейера, который со всею натяжкою произвелъ слѣдствіе. Дѣло поступило въ евпаторійскій уѣздный судъ; судья Волковскій всячески старался переспросами татаръ обвинить Симу Бобовича; по убѣдительной его просьбѣ губернаторъ велѣлъ составить изъ членовъ земскаго суда подъ моимъ предсѣдательствомъ особый судъ. Переспросили мы всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу татаръ, ни одинъ изъ нихъ не обвинилъ Симу Бобовича, всѣ напротивъ говорили, что и въ глаза его не видали, но другихъ караимовъ. Случилось, что въ это время губернаторъ Перовскій по какому-то дѣлу пріѣхалъ въ Евпаторію; неожиданно пріѣхалъ сюда же и вновь опредѣленный генералъ-губернаторъ графъ Воронцовъ, не заставъ Перовскаго въ Симферополѣ. Ѣхавшій съ нимъ адъютантъ Александръ Мейеръ, старшій братъ Семена, въ дорогѣ разсказалъ графу, что губернаторъ нарочито послалъ меня для оправданія Симы Бобовича. Къ этому сдѣлался такой непріятный случай, что графъ Воронцовъ, заѣхавъ прямо въ домъ Симы Бобовича, засталъ у него за обѣденнымъ столомъ губернатора и меня съ другими чиновниками. Графъ сѣлъ съ нами за столъ, порядочно кушалъ, былъ веселъ и разсказывалъ о военныхъ дѣйствіяхъ. Но послѣ обѣда позвалъ губернатора въ кабинетъ и сдѣлалъ выговоръ, что онъ вмѣшался въ судное дѣло, перемѣнилъ судей и послалъ меня для оправданія Симы Бобовича. Узнавъ объ этомъ и опасаясь, что бы чрезъ это дѣло новый генералъ-губернаторъ не возымѣлъ о мнѣ худаго мнѣнія, я съ натяжкою написалъ самъ приговоръ, которымъ оставлялъ Симу Бобовича въ подозрѣніи. Другіе члены и секретарь не хотѣли было подписывать этого приговора, но я упросилъ ихъ подписать. Уголовная палата уничтожила этотъ несправедливый приговоръ.

Восьмое. Добрый мой бывшій начальникъ Иванъ Ник. Инзовъ лѣтомъ 1824 года пріѣзжалъ въ Крымъ для осмотра нѣмецкихъ колоній, поселенныхъ тамъ. Какъ онъ отправлялъ должность генералъ-губернатора, то всѣ губернскіе начальники явились къ нему отдать почтеніе. Увидѣвъ меня, онъ подошелъ ко мнѣ, обнялъ и поцѣловалъ меня, сказавъ: «А, бѣглецъ! не хотѣлъ при

мнѣ служить». Всѣ удивились его ласковому со мною обхожденію. Съ нимъ былъ Фадѣевъ и Гильдешанецъ.

Девятое. Графъ Воронцовъ по многимъ дѣламъ требовалъ отъ губернатора Перовскаго объясненія. Чтобъ избавиться отъ непріятныхъ отвѣтовъ, онъ просилъ уволить его отъ этой должности, надѣясь, что другая должность—Ѳеодосійскаго градоначальника, гораздо выгоднѣе и спокойнѣе первой, останется за нимъ неприкосновенною; но и на ней не долго удержался. На мѣсто его вскорѣ былъ опредѣленъ губернаторомъ дѣйств. статс. сов. Дмитрій Вас. Нарышкинъ. О пристрастномъ дѣйствіи его по откупу было изложено выше, въ 1-й статьѣ, а о прочихъ его ко мнѣ придиркахъ и притѣсненіяхъ будетъ разсказано дальше.

Десятое. Въ началѣ 1824 года исправники разныхъ уѣздовъ донесли губернатору, что по причинѣ неурожая прошлаго года татары терпятъ большой недостатокъ въ хлѣбѣ и предвидится между ними голодъ. Губернаторъ Нарышкинъ послалъ меня въ татарскія селенія. Составя подробную вѣдомость, сколько въ каждомъ изъ нихъ душъ и сколько въ наличности хлѣба, я представилъ ее губернатору; но пособія татарамъ отъ правительства, для ихъ прокормленія, графъ Воронцовъ не рѣшился требовать.

Одинадцатое. Засѣдатель днѣпровскаго земскаго суда Бабенко 2-й писалъ письмо къ брату своему Бабенку 3-му, служившему въ канцеляріи генералъ-губернатора, о разныхъ злоупотребленіяхъ исправника Мизельскаго и засѣдателя Толстолѣса. Графъ Воронцовъ для изслѣдованія послалъ своего старшаго адъютанта, гвардіи полковника Селехова; а губернаторъ предписалъ командировать меня для совмѣстнаго изслѣдованія. Мы объѣхали всѣ казенныя селенія, въ которыхъ взятъ былъ изъ запасныхъ магазиновъ казенныхъ обывателей хлѣбъ и сняли показанія со всѣхъ возившихъ этотъ хлѣбъ въ Симферополь на дачу бывшаго губернатора Перовскаго. Нѣкоторые извощики показали, что губернаторша сама была при пріемѣ хлѣба и велѣла насыпать его хорошо въ мѣрки, говоря, что за него деньги заплочены. Другое слѣдствіе произведено нами по наряду вощиковъ для отвезенія вѣтряной мельницы предсѣдателю уголов-

ной палаты Ивану Дмитріевичу Тодорову, не знаю, купленной имъ или подаренной. По пріѣздѣ въ Симферополь, я увидѣлъ, что не только пріемъ бывшимъ губернаторомъ Перовскимъ казеннаго хлѣба былъ считаемъ за ничтожное дѣло, но нашлись покровители исправника Мизельскаго и засѣдателя Толстолѣса, именно прокуроръ Фабръ, а за нимъ и самъ губернаторъ. Вскорѣ Селеховъ пожалованъ былъ генералъ-маіоромъ и бригаднымъ начальникомъ и я одинъ, по отъѣздѣ его, производилъ слѣдствіе по дѣламъ засѣдателя Толстолѣса; а потомъ по любовнымъ связямъ въ разныхъ селеніяхъ съ дѣвками и самаго доноіцика засѣдателя Бабенка, на котораго прежде доносилъ исправникъ Мизельскій. Послѣ сего губернаторъ поручилъ мнѣ обревизовать уголовныя дѣла въ днѣпровскомъ уѣздномъ судѣ и въ перекопскомъ магистратѣ, что я и исполнилъ. На возвратномъ пути я былъ представленъ имъ въ Армянскѣ генералъ-губернатору Воронцову; а въ вечеру, бывши у него, засталъ Н. Дм. Куликовскаго, съ которымъ началъ заводить шпанскихъ овецъ. Между прочими разговорами Нарышкинъ похвалился, что купилъ дачу и началъ уже строить на ней каменный домъ. Я былъ такъ неостороженъ и не разсудителенъ, что спросилъ его:

— Уже начали и домъ строить?

— Чтожъ тутъ удивительнаго? спросилъ онъ.

— Можетъ статься, отвѣчалъ я, что лѣтъ чрезъ пять вамъ прискучитъ жить въ Крыму, тогда вы оставите вновь построенный домъ и все въ саду заведеніе, какъ бы они дорого вамъ ни стоили.

Это было какъ бы предсказаніе и оно скоро сбылось: послѣ насильственной смерти Высоцкаго, Нарышкинъ, взявшій отъ него деньги Зеленькова на покупку этой дачи, сталъ задумываться, мѣшаться въ умѣ, досадовать, скучать; наконецъ отказался отъ должности губернатора, которою тяготился, и уѣхалъ изъ Крыму.

Двѣнадцатое. Въ концѣ 1824 г. я едва не перешелъ съ казенной службы на частную. Лѣтомъ того же года, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Викторъ Павловичъ Кочубей, для поправленія здоровья чахоточной своей дочери, по совѣту вра-

чей, пріѣхалъ на житье въ Ѳеодосію. Въ то время пріятель мой, Ник. Дм. Куликовскій, видя, что сближается срокъ взятыхъ имъ въ Кіевѣ на контрактахъ 50 или 60 тысячъ рублей подъ залогъ Каховки, искалъ такую сумму, чтобы выкупить это имѣніе. Познакомившись съ Кочубеемъ, онъ объяснилъ ему крайнее свое положеніе и просилъ дать ему эту сумму и принять Каховку въ залогъ. Кочубей притворился, что у него нѣтъ столько наличныхъ денегъ, занялъ ихъ у карантиннаго начальника и у другихъ, живущихъ тамъ, сдѣлалъ съ Куликовскимъ условіе и далъ ему деньги, а послѣ взялъ отъ него закладную на Каховку. Во время этой сдѣлки онъ какъ-то сказалъ Куликовскому, что ему нуженъ архитекторъ для основанія поселеній на землѣ, купленной у бывшей губернаторши Гейкиной, въ херсонской губерніи, близь Берислава, при рѣкѣ Днѣпрѣ. Куликовскій рекомендовалъ меня. Кочубей письмомъ изъ Одессы 10 декабря 1824 г. предлагалъ мнѣ тысячу рублей жалованья, экипажъ и все содержаніе. Я совсѣмъ было рѣшился подать въ отставку; но добрый пріятель мой Илья Осиповичъ Барышовъ уговорилъ меня не дѣлать этой глупости, говоря: можно-ли частное мѣсто равнять съ короннымъ, притомъ въ такое время, когда есть вѣрныя свѣдѣнія, что вскорѣ будетъ прибавка губернскимъ чиновникамъ жалованья? Я послушалъ его, и дѣйствитально, въ началѣ слѣдующаго года вмѣсто 600 сталъ получать 1000 руб. жалованья. Другое письмо графъ Викторъ Павловичъ писалъ мнѣ 17 января 1825 года о пріисканіи каменьщиковъ для построенія въ Загрядовкѣ церкви. Я отвѣчалъ ему, что въ Херсонѣ удобнѣе отыскать каменьщиковъ, и гораздо искуснѣйшихъ. Послѣ того управитель его, по его приказанію, два раза писалъ ко мнѣ о доставленіи разныхъ свѣдѣній, и я выполнялъ его требованія.

Тринадцатое. Императоръ Александръ I пріѣхавшему въ Таганрогъ графу Воронцову разсказалъ о всѣхъ неудобствахъ для житья тамъ больной его супруги. Воронцовъ указалъ ему другія удобныя для житья мѣста: на южномъ берегу Крыма, въ Бакчисараѣ и въ Евпаторіи, чѣмъ самымъ склонилъ государя обозрѣть лично эти мѣста. Въ октябрѣ мѣсяцѣ государь пріѣ-

халъ въ Симферополь и остановился въ квартирѣ дивизіоннаго генерала, заранѣе уважаемаго имъ, у котораго и въ 1818 году останавливался. Разсказывали, что при отъѣздѣ государя этотъ генералъ, зная, что государь по обыкновенію раздавалъ подарки тѣмъ хозяйкамъ, гдѣ была его квартира, подвелъ къ нему трехъ дѣвицъ, какъ бы своихъ дочерей. Государь, имѣя счастливую память, сказалъ ему:

— Помнится мнѣ, что у васъ была одна дочь?

— Это двѣ воспитанницы мои, отвѣчалъ сконфуженный генералъ.

Губернскимъ чиновникамъ приказано было явиться на другой день всѣмъ въ 8-мъ часу утра къ обѣднѣ, которую будетъ слушать государь. Онъ остановился на лѣвой сторонѣ, стоялъ какъ вкопаный, не поворачиваясь ни въ одну сторону и не говоря съ окружающими, только иногда крестился. Послѣ обѣдни государь тотчасъ поѣхалъ: тогда по южному берегу нельзя было ѣхать въ экипажѣ, а верхомъ; день былъ теплый, государь иногда скидалъ картузъ. Разсказывали, что Дабичъ ему говорилъ: «государь! надѣньте картузъ». Онъ отвѣчалъ: «и такъ жарко. Это настоящая весна». Вѣроятно, лобъ его былъ въ поту, и онъ получилъ простудную крымскую лихорадку, весьма опасную. О полуднѣ государь прибылъ въ казенный садъ, называемый Никитскій, и потребовалъ чего нибудь закусить; у садовника ничего готоваго не было, и онъ съѣлъ кусокъ ржанаго хлѣба. Къ вечеру государь пріѣхалъ въ Урзуфъ, имѣніе графа Воронцова (первоначально принадлежало дюку-де-Ришелье, который при жизни своей подарилъ адъютанту Сенковскому); тамъ начертилъ онъ карандашемъ расположеніе дома, для построенія въ Аріаднѣ, купленномъ имъ помѣстьѣ близь Урзуфа, и далъ графскому архитектору для начертанія фасада (этотъ домъ по тому расположенію послѣ построенъ императоромъ Николаемъ). Тогда разсказывали, что государь сказалъ Воронцову: «графъ! со временемъ вы выйдете въ отставку, и я также оставлю свой престолъ, и тогда мы будемъ запросто одинъ другаго посѣщать». По пріѣздѣ въ Севастополь курьеръ привезъ ему первое извѣстіе о возмущеніи квартировавшаго въ Малороссіи полка подъ коман-

дою Муравьева-Апостола. Опечаленный государь сказалъ: «неблагодарный русскій народъ! онъ вотъ чѣмъ платитъ за всѣ мои для него труды». Здѣсь случилась другая ему непріятность: дочери (а ихъ было десять, по большей части малолѣтнія) карантиннаго лѣкаря надворнаго совѣтника Эка, лѣчившаго полковника Мишо, котораго жена доказывала, что онъ отравилъ ея мужа, будучи подкупленъ маіоромъ Новиковымъ (объ этомъ дѣлѣ было описано подъ *вторымъ*), подали ему просьбу, что отецъ ихъ невинно содержится подъ карауломъ, и они остаются вовсе безъ пропитанія. Государь поручилъ Дибичу уговорить мадамъ Мишо, чтобъ она оставила это дѣло, что онъ дастъ ей пенсіонъ и всѣ удобства для жизни, хочетъ ли она остаться въ Россіи, или выѣхать въ Италію. Но она, какъ мстительная итальянка, не уважила милостиваго предложенія государя, что должно было быть ему прискорбно. Переночевавъ, онъ поѣхалъ въ Бакчисарай. Здѣсь татарскіе мурзы подали ему прошеніе о дозволеніи имъ на свой счетъ составить татарскій эскадронъ съ обмундированіемъ, аммуниціею и лошадьми. Государь милостиво принялъ ихъ къ просьбу, а они приготовили ему въ ханскомъ дворцѣ великолѣпный обѣдъ. Извѣстно, что татарскія кушанья весьма жирныя и тяжелыя для варенія желудка. Если государь и весьма мало кушалъ, то все же этотъ обѣдъ могъ усилить приступы лихорадки. Къ вечеру онъ пріѣхалъ въ Евпаторію, остановился въ лучшемъ двухъ-этажномъ каменномъ домѣ купца Калыги, стоящемъ близь морскаго берега, гдѣ пристаютъ судна. Ночь была мѣсячная, луна чудно разливала игривый свой свѣтъ по морскимъ волнамъ. Государь, сидя на балконѣ, въ благоговѣйномъ удивленіи о величіи природы пѣлъ гимны, вѣроятно: Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ, и другіе подобные. Выѣхавъ изъ Евпаторіи, онъ почувствовалъ уже дѣйствіе лихорадки; но, нигдѣ не останавливаясь на пути, спѣшилъ въ Таганрогъ, куда и прибылъ 3 ноября. Разсказывали, что государь не хотѣлъ принимать лѣкарства. Никто не могъ уговорить его, ни Волконскій, ни Дибичъ, ни государыня, но только духовникъ, исповѣдывая его. Но лѣкарство было принято уже поздно и не могло произвесть свое дѣйствіе.

Такъ Россія лишилась своего благодѣтельнаго государя! По вскрытіи черепа, нашли много воды.

Четырнадцатое. Ассесоръ Луговскій настаивалъ, чтобы перемѣнить расходчика губернскаго правленія, который былъ медлителенъ, и поручить эту должность вновь опредѣленному его племяннику. Мнѣ поручено было повѣрить книгу прежняго расходчика; я занялся съ ними этою повѣркою дома. У меня была маленькая собачка, которая безпрестанно кидалась подъ ноги новому расходчику. Я удивлялся, что она не кидается къ прежнему расходчику. Чрезъ два года оказалось, что это былъ мой тайный злодѣй. Однажды я, принявъ отъ совѣтника Никифорова вырученныя имъ отъ продажи одного имѣнія деньги 250 рублей, передалъ ихъ этому расходчику и велѣлъ росписаться въ полученіи ихъ на особомъ мѣстѣ, на которомъ записывались всѣ получаемыя деньги. Разсудивъ потомъ сдѣлать тетрадь и внесть въ нее всю наличную сумму, я разорвалъ тотъ листъ при этомъ же расходчикѣ. Деньги не отсылались, кому слѣдуетъ, болѣе двухъ лѣтъ; а потомъ этотъ мошенникъ сказалъ, что онъ отъ меня ихъ не получалъ. Ассесоръ Луговскій присланъ былъ въ Евпаторію для истребованія отъ меня этихъ денегъ, съ угрозою отъ губернатора, что въ случаѣ не платежа мною онъ велитъ произвесть слѣдствіе. Чтобъ избавиться отъ непріятности, я далъ эту сумму ассесору Луговскому. Но, будучи уже въ Тулѣ, я получилъ свѣдѣніе, что этотъ расходчикъ промоталъ тамъ казенныхъ денегъ тысячу рублей, и члены присутствія должны были ихъ пополнить.

Пятнадцатое. Сверхъ вышеразсказанныхъ непріятныхъ для меня слѣдствій, губернаторъ Нарышкинъ еще возложилъ на меня произвесть слѣдствіе по жалобѣ караимовъ на городничаго Эссена. Вотъ въ чемъ она состояла. Въ пятницу, въ вечеру, пріѣхалъ нарочный съ указомъ о приведеніи къ присягѣ на вѣрность подданства императору Николаю I-му. Городничій требовалъ, чтобъ караимы тотчасъ присягнули, а они отказывались наступленіемъ уже шабаса, заявляя, что по прошествіи его они немедленно присягнутъ. Можетъ статься, что Эссенъ и выполнилъ

бы ихъ желаніе, еслибъ они поднесли ему денежный подарокъ; но они, не любя его, поскупились дать ему. Эссенъ задержалъ въ полиціи раввина и нѣкоторыхъ изъ ихъ старшинъ, когда уже всѣ прочіе собрались въ синагогу для молитвы. Караимы были правы, но губернаторъ держалъ сторону Эссена. Разсказывали, что Нарышкинъ просилъ у Симы Бобовича въ займы десять тысячъ рублей, и тотъ отказалъ, подъ предлогомъ, что нѣтъ у него наличныхъ, а жена городничаго Эссена дала ему пять тысячъ изъ своего приданнаго. Встрѣчая препятствія отъ губернатора и терпя отъ него разныя непріятности, я не могъ кончить этого кляузнаго дѣла, а городничій Эссенъ, пользуясь пріѣздомъ губернатора въ Евпаторію, собралъ татаръ, грековъ и армянъ, живущихъ въ городѣ, и послалъ ихъ съ жалобою, что караимы овладѣли всею торговлею города, забывая, что караимы, какъ были богаче прочихъ націй, то болѣе имѣли и способовъ лучше торговать. Сима Бобовичъ и другіе изъ нихъ богатые вели и заграничную торговлю.

Шестнадцатое. Прежде пріѣзда государя въ томъ же 1825 году я былъ боленъ также лихорадкою. Ѣздивши по татарскимъ селеніямъ для повѣрки ревизіи, нельзя было перебирать пищею, но ѣсть только ту, которую можно было у нихъ сыскать. Лихорадка нѣсколько разъ начиналась и покидала: бывало время, когда по видимому она совсѣмъ уже броситъ; но выпью кофе съ молокомъ или съѣмъ яицъ, или небольшой морской жареной рыбки, и она вновь начиналась. Въ общей сложности она продолжалась около четырехъ мѣсяцевъ и совершенно разстроила мое здоровье.

Семнадцатое. Въ такихъ тягостныхъ обстоятельствахъ обратился я съ прошеніемъ къ графу Воронцову 22 апрѣля 1826 года и, описавши въ немъ давнишнюю свою болѣзнь и четырехъ-мѣсячное страданіе лихорадкой, просилъ его войти въ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ о перемѣщеніи меня въ должность совѣтника губернскаго правленія, гдѣ откроется ваканcія въ поименнованныхъ мною губерніяхъ. Просьба моя была принята при содѣйствіи Андреева, помощника правителя канцеляріи

графа Воронцова, бывшаго секретаря Комбурлея и вмѣстѣ съ нимъ попавшаго подъ судъ, а его просилъ за меня мой землякъ, товарищъ герольдмейстера В. Н. Романовъ, помогшій ему выпутаться изъ дѣла Комбурлея. И такъ, указомъ сената по герольдіи 1826 года іюля 15-го я перемѣщенъ въ тульское губернское правленіе совѣтникомъ.

Восемнадцатое. И въ Крыму я имѣлъ также хорошихъ для себя пріятелей. Первый былъ совѣтникъ казенной палаты Илья Осиповичъ Барышовъ, съ которымъ я почти каждый день видѣлся или у него въ домѣ, или у себя на квартирѣ. Онъ нѣсколько лѣтъ продолжалъ со мною переписку и по переводѣ меня въ Тулу, извѣщая меня каждый разъ о происшествіяхъ въ Крыму. Второй пріятель совѣтникъ казенной палаты Николай Васильевичъ Сушковъ, извѣстный по сочиненіямъ въ стихахъ и прозѣ; у него въ Крыму жилъ Грибоѣдовъ, сочинитель извѣстной въ стихахъ комедіи «Горе отъ ума». Они съ общаго совѣта изобрѣтали для нея дѣйствующія лица. Отъ него я заимствовался французскими книгами, а послѣ часто бывалъ у него на квартирѣ въ Петербургѣ. Въ 1832 году онъ приглашалъ меня служить въ виленскомъ губернскомъ правленіи, гдѣ онъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ князѣ Долгоруковѣ. Но тогда тамъ происходили возмущенія, и я побоялся, что меня будутъ посылать на слѣдствія надъ поляками, и я, дѣйствуя снисходительно, невинно могу самъ пострадать. Третій пріятель былъ грекъ Ангелій, который по пріѣздѣ въ Крымъ принялъ меня къ себѣ на квартиру, а потомъ по продажѣ домаыскалъ мнѣ удобную квартиру. Во время отлучекъ моихъ онъ присматривалъ за наемною работницею, давалъ ей деньги на харчи, а по отъѣздѣ изъ Крыма иногда писалъ мнѣ.

Девятнадцатое. Я не могъ выполнить даннаго мною графу Ланжерону обѣщанія жениться въ Крыму. Были тамъ разныя невѣсты: старшій совѣтникъ Никифоровъ имѣлъ двухъ дочерей отъ умершей жены польки; но, не видя моего къ нимъ особаго расположенія, онъ по благоразумію своему не предлагалъ мнѣ ихъ. У предсѣдателя гражданской палаты Мейера также были двѣ не-

вѣсты, старшая уже въ лѣтахъ. Жена пріятеля моего, знакомая мнѣ еще въ Херсонѣ, предлагала мнѣ ее. Въ домѣ его меня первоначально и ласкали; но увидѣвши, что у средняго брата ея Семена отъ проказы волосы на всей головѣ совершенно вылѣзли, я побоялся имѣть жену еврейскаго племени, которая могла быть той же болѣзни подвержена. Удаленіе мое отъ этого дома произвело въ ея братьяхъ недоброхотство ко мнѣ. Хитрый плутъ ассесоръ Луговскій самъ набивался мнѣ своею дочерью, сказавши однажды: «возьми мою Любку за себя; она тебя любитъ». На это откровенное предложеніе я отвѣчалъ смѣхомъ. Исправникъ Поповченко ласкался ко мнѣ; дошла до ушей моихъ вѣсть, что жена его передъ смертію сказала своей дочери: «вотъ твой женихъ; какъ умру, ни за кого другого не выходи». По моему рисунку сдѣланъ надъ ея могилой каменный надгробокъ, тогда еще первый въ Симферополѣ. Отъ матери остался порядочный домъ и дача. Эта невѣста мнѣ нравилась болѣе потому, что она была единственная дочь. Но во время откупнаго дѣла жена вице-губернатора Куруты стала приглашать ее къ себѣ въ домъ, чего прежде не бывало, и уговорила ее выйти замужъ за француза, контролера казенной палаты. Разсуждая теперь спокойно и безпристрастно, я вижу и въ неудачахъ моей женитьбы благодѣтельный для меня промыслъ Божій, располагающій событія въ жизни людей на пользу имъ. Женясь въ Крыму, я долженъ былъ бы всегда переносить всѣ непріятности и униженія отъ несправедливыхъ и корыстолюбивыхъ начальниковъ; а можетъ статься принужденъ былъ бы выйти въ отставку и тамъ погребсти себя въ неизвѣстности, не видѣвъ въ женѣ привязанности, имѣя уже за сорокъ лѣтъ.

На этомъ мы прерываемъ печатаніе Записокъ В. И. Ярославскаго, въ дальнѣйшемъ изложеніи своемъ теряющихъ и тотъ не большой мѣстный интересъ, какой они сохраняли доселѣ. Листахъ на 6-ти еще самаго мелкаго письма, съ приписками на поляхъ, авторъ съ утомительною подробностію разсказываетъ о дальнѣй-

шихъ годахъ своей службы сперва въ Тулѣ въ должности совѣтника губернскаго правленія, а потомъ въ Калугѣ въ должности контролера казенной палаты. Служебныя дѣла и столкновенія, интриги и подвохи, казнокрадство и взяточничество чиновнаго люда, не исключая вице-губернаторовъ и губернаторовъ—таково главное содержаніе разсказа, въ которомъ личность автора по прежнему является средоточнымъ пунктомъ. Среди этихъ мелочей провинціальной жизни проскальзываютъ по временамъ болѣе крупные и болѣе общаго характера факты: холерная паника, грозная ревизія сенатора Огарева, пріѣздъ министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго, встрѣчающаго чиновъ губернскаго правленія словами: «всѣ вы взяточники, пьяницы, мерзавцы, лѣнивцы»! докладъ графа Беккендорфа императору Николаю въ пріѣздъ его въ Калугу о грандіозномъ взяточничествѣ вице-губернатора Гессе, вопросъ государя губернатору Бибикову: «твой вице-губернаторъ воръ»? и отвѣтъ губернатора: «такъ, ваше императорское величество, воръ»! и наконецъ позорное хожденіе дворянства на торги по откупамъ, азартная на нихъ игра съ повышеніями и отступными и подзадориваніе къ этой игрѣ министромъ финансовъ Канкринымъ. Большимъ траги-комизмомъ отдаетъ длинная повѣсть автора о скитаніяхъ его по петербургскимъ переднимъ, послѣ того, какъ онъ случайно лишился мѣста подъ часъ грознаго нашествія Закревскаго, и выслушиваніе стереотипныхъ отвѣтовъ и обѣщаній петербургскихъ чиновниковъ, пока наконецъ Ярославскій не добился кое-какъ мѣста въ Калугѣ съ помощію Княжевича, тогда директора канцеляріи, а впослѣдствіи министра финансовъ. Ему же онъ обязанъ и «честнымъ» выходомъ своимъ въ отставку въ 1834 г. съ пенсіономъ въ размѣрѣ $^2/_3$ жалованья. Переѣхавъ по настоятельному совѣту своей племянницы въ г. Сумы, онъ жилъ тамъ до самой смерти, занимаясь на досугѣ составленіемъ своихъ не хитрыхъ записокъ. Заканчивая эти записки, онъ восклицаетъ: «Благодарю несказанную милость Творца моего ко мнѣ недостойному! Уже слишкомъ 30 лѣтъ живу я здѣсь въ спокойствіи и благополучіи, среди добрыхъ людей, которые любятъ меня болѣе моихъ родныхъ». А подводя итоги своей жизни, даетъ самъ себѣ такую характеристику: «Вспоминая своихъ соучениковъ и разныхъ знакомыхъ, ясно вижу, что я счастливѣе ихъ кончилъ свою службу, не бывъ ни подъ слѣдствіемъ, ни подъ судомъ, ни исклю-

ченъ изъ службы, а для безбѣднаго и спокойнаго прожитія получаю отъ милости монарха пенсію. Иные изъ нихъ превосходили меня душевными талантами, крѣпостію и способностію своихъ силъ: но я, не имѣя ни быстраго воображенія, ни изобрѣтательнаго ума, при всей великой ограниченности этихъ талантовъ, имѣлъ правильное о вещахъ и дѣлахъ понятіе и здравое о нихъ сужденіе. Любя справедливость и правосудіе, я старался по возможности располагать по нимъ и свои дѣйствія».

Лѣтопись Яна Юзефовича, какъ источникъ для исторіи Южной Руси.

Лѣтопись львовскаго каноника Яна Юзефовича представляетъ одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ источниковъ для исторіи юго-западной Руси во второй половинѣ XVII столѣтія. Она написана на латинскомъ языкѣ въ началѣ XVIII столѣтія; оригинальная рукопись Юзефовича не дошла до насъ, но сохранилось нѣсколько рукописныхъ списковъ съ нея. Одинъ изъ такихъ списковъ хранится въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ въ Львовѣ подъ № 124. Рукопись эта представляетъ собою большой томъ in folio въ 1219 нумерованныхъ страницъ и списана современнымъ намъ, очень четкимъ и красивымъ почеркомъ съ копіи, составленной въ 1769 году для кармелитскаго львовскаго монастыря, какъ это видно изъ пространнаго заглавія, занимающаго всю первую страницу въ названномъ спискѣ. По этому списку мы и намѣрены ознакомить читателей съ содержаніемъ столь важнаго памятника вообще и въ частности для южно-русской исторіи.

Изъ замѣтокъ, разсѣянныхъ въ самой лѣтописи, можно собрать свѣдѣнія какъ о поводахъ составленія лѣтописи, такъ и о генеалогіи и біографіи ея составителя. Янъ-Ѳома Юзефовичъ родился въ 1663 году во Львовѣ въ богатомъ мѣщанскомъ семействѣ. Предки его, судя по фамильному названію, принадлежали вѣроятно къ числу армянскихъ выходцевъ, издавна поселившихся во Львовѣ. Дѣдъ Яна, Николай, былъ хранителемъ городскаго арсенала (apotecarius in re armamentaria); во время осады Львова Хмельницкимъ въ 1648 году онъ отличился храбростію и энергіею при защитѣ города, за что, послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1651 году, магистратъ освободилъ его вдову, Катерину Фейербаховну, отъ всѣхъ городскихъ податей, даней и повинностей и приказалъ занести ея имя въ списокъ 12 почетныхъ городскихъ вдовъ. Отецъ лѣтописца, Станиславъ, велъ обширную торговлю и въ частности промышлялъ подрядами на доставку провіанта въ польскія арміи; благо-

даря этой дѣятельности, онъ сблизился съ извѣстнымъ польскимъ военачальникомъ Стефаномъ Чарнецкимъ, который считалъ его своимъ другомъ и, бывая въ Львовѣ, всегда жилъ въ его домѣ. Въ 1664 г. Юзефовичъ доставилъ большой транспортъ провіанта въ польскую армію, осаждавшую козаковъ въ Ставищахъ; прибывъ въ лагерь, онъ не ограничился ролью поставщика, а отправился осматривать осадныя работы и какъ человѣкъ, обладавшій значительными свѣдѣніями въ артиллерійскомъ и осадномъ дѣлѣ. помогалъ полякамъ въ устройствѣ батарей и столь искусно направлялъ пушки, что обратилъ на себя вниманіе осажденныхъ. Козаки замѣтили опаснаго врага, отличавшагося отъ жолнеровъ богатымъ мѣщанскимъ костюмомъ и, увидѣвъ его на слѣдующій день вновь на батареѣ, направили на него выстрѣлы; однимъ изъ нихъ сраженъ былъ Юзефовичъ. Смерть его повлекла за собою разстройство его торговыхъ дѣлъ и разореніе его семейства, тѣмъ болѣе, что польскіе военачльники сочли излишнимъ расплатиться съ его семействомъ за доставленный въ армію провіантъ. Янъ Юзефовичъ остался послѣ смерти отца груднымъ младенцемъ; въ виду разстройства семейныхъ дѣлъ, мать предназначила его къ духовному званію и отдала на воспитаніе монахамъ. Въ 1696 году молодой Янъ былъ уже священникомъ, носилъ титулъ королевскаго секретаря и, не смотря на относительную молодость свою, получилъ званіе каноника львовскаго капитула. Вскорѣ онъ сталъ въ близкія, дружелюбныя отношенія къ львовскому католическому архіепископу, Константину Зелинскому, который, довѣряя его учености, поручилъ ему въ 1703 году составить исторію львовской католической архіепископіи за истекшее столѣтіе; выполняя это порученіе, каноникъ и написалъ тотъ трудъ, съ которымъ мы хотимъ ознакомить читателей и который имѣетъ весьма важное значеніе и для нашей исторіи.

О дальнѣйшей судьбѣ Юзефовича, мы знаемъ не много. Въ 1704 году, послѣ взятія Львова Карломъ XII, Юзефовичъ весьма дѣятельно хлопоталъ объ облегченіи участи покореннаго города и уменьшеніи требуемой съ него контрибуціи; цѣль эта была въ значительной мѣрѣ достигнута, благодаря его просьбамъ и предстательству предъ шведскими генералами Штейнбокомъ и Пиперомъ, а также передъ королемъ Станиславомъ Лещинскимъ. Объ осадѣ Львова шведами Юзефовичъ оставилъ отдѣльныя записки, изъ которыхъ извлеченія помѣстилъ Ходынецкій въ своей исторіи Львова [1]). Затѣмъ изъ бѣглой замѣтки самаго Юзефовича мы знаемъ, что онъ жилъ еще въ 1725 году [2]).

---

[1]) Chodyniecki. Historja miasta Lwowa. Lwow, 1865, str. 249—261; Зубрицкій. Kronika miasta Lwowa. Lwow, 1844., стр. 454.

[2]) Замѣтка эта помѣщена на 43 страницѣ рукописи.

Историческій трудъ Юзефовича начинается съ 1613 г., со времени вступленія Яна Прухницкаго въ санъ львовскаго архіепископа, и продолжается до 1700 года, т. е. до назначенія на туже каѳедру Константина Зелинскаго. Весь трудъ раздѣленъ на главы, которыя названы именами львовскихъ архіепископовъ; затѣмъ событія разсказаны по годамъ, пріемомъ лѣтописнымъ. Подъ каждымъ годомъ событія расположены въ извѣстномъ порядкѣ: прежде всего разсказаны дѣянія самаго архіепископа и всѣ событія, относящіяся къ церковному устройству; далѣе идутъ свѣдѣнія о политическихъ событіяхъ, при чемъ авторъ обращаетъ почти исключительно вниманіе на событія, происходившія въ южной Руси; затѣмъ слѣдуютъ извѣстія, относящіяся къ исторіи города Львова и, наконецъ, въ заключеніе каждаго года помѣщенъ перечень случившихся въ теченіи его общественныхъ бѣдствій и выдающихся природныхъ явленій. Въ концѣ нѣкоторыхъ годовъ помѣщены замѣтки о вышедшихъ новыхъ сочиненіяхъ, содержаніе которыхъ обратило на себя вниманіе лѣтописца.

Обстоятельный и изобилующій подробностями разсказъ Юзефовича основанъ на многочисленныхъ источникахъ, которые онъ по большей части цитируетъ. Изъ цитатъ видно, что онъ пользовался, особенно для первой половины своей лѣтописи, сочиненіями печатными: Коховскаго, Пясецкаго и др., но сверхъ того располагалъ многочисленными рукописными источниками: мы встрѣчаемъ у него ссылки на записки и дневники, хранившіеся въ монастырскихъ библіотекахъ и въ мѣщанскихъ семействахъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ онъ выписываетъ цѣликомъ, а изъ другихъ дѣлаетъ извлеченія; затѣмъ чаще всего онъ основываетъ свое повѣтствованіе на многочисленныхъ актахъ и документахъ, заимствованныхъ изъ архивовъ: магистратскаго, консисторскаго, капитульнаго, а также изъ архивовъ разныхъ монастырей; наконецъ, очень многое разсказываетъ со словъ «старыхъ, вѣры достойныхъ людей», очевидцевъ описываемыхъ имъ событій, а такія показанія ему было легко собрать среди львовскихъ мѣщанъ старожиловъ, въ числѣ которыхъ были многочисленные его родственники, друзья и знакомые.

Главная и самая объемистая часть лѣтописи Юзефовича посвящена, согласно цѣли, съ которою составлялось сочиненіе, описанію фактовъ, относящихся къ исторіи львовской католической архіепископіи. Излагая до мельчайшихъ подробностей дѣянія архіепископовъ и капитуловъ, перечисляя всѣ другіе факты, относящіеся къ церковному управленію и къ состоянію католической церкви: засѣданія конвентовъ различныхъ монашескихъ орденовъ, приговоры духовныхъ судовъ, постройки или исправленія церквей и т. п., авторъ въ изложеніи этихъ событій обна-

руживаетъ свое настроеніе, вытекающее изъ его воспитанія и общественнаго положенія и согласное съ настроеніемъ современнаго ему общества, въ религіозныхъ же вопросахъ онъ является не только ревностнымъ католикомъ, но, не смотря на свою начитанность и развитіе, слѣпымъ фанатикомъ съ значительною наклонностью къ мистицизму. Съ особымъ пристрастіемъ и наивною вѣрою описываетъ онъ въ концѣ каждаго года многочисленныя чудеса, случившіяся въ львовской епархіи, въ родѣ напр. наказанія (1626 г.) одной несохранившей чистоты дѣвушки, которую въ то время, когда она шла приложиться къ чудотворной иконѣ Богородицы, въ церкви Доминиканскаго монастыря во Львовѣ, влетѣвшій въ церковь діаволъ схватилъ и разбилъ ея черепъ ударомъ о церковную стѣну, сорвавъ съ нея косы и ленты, или чудесной кары, постигшей (1632 г.) мѣщанку Дороту Голищанку за нарушеніе обѣта дѣвства, которая въ самый день брака, когда она уже надѣла вѣнчальное платье, внезапно упала и на третій день скончалась среди продолжительныхъ судорогъ и страданій, или превращенія въ 1700 году въ вепря дворянина Валихновскаго за ропотъ на Бога вслѣдствіе пониженія цѣнъ на хлѣбъ. Явленія духовъ у Юзефовича на каждомъ почти шагу и иногда ставятся въ связь съ текущими политическими событіями: такъ подъ 1652 годомъ встрѣчаемъ разсказъ, будто въ пещерѣ у города Ладыжина поселился духъ нѣкоего Спасовича (Spasovius), который предостерегалъ поляковъ объ угрожавшемъ имъ пораженіи на Батогѣ и потомъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, давалъ имъ различные совѣты, относящіеся къ политическимъ событіямъ того времени; а подъ 1661 годомъ помѣщенъ разсказъ о томъ, будто Яну Собѣскому являлся духъ умершаго кіевскаго воеводы Станиславскаго для того, чтобы увѣрить его, что католическое ученіе о причастіи подъ однимъ видомъ есть единственное правильное ученіе объ этомъ таинствѣ. Кромѣ явленій духовъ въ лѣтописи Юзефовича встрѣчаемъ много другихъ мистическихъ извѣстій: о плакавшихъ иконахъ, о статуяхъ, покрывавшихся потомъ, о нечестивыхъ людяхъ, выдававшихъ діаволу «цырографы» на душу, уличенныхъ въ этомъ преступленіи передъ духовнымъ судомъ и сожженныхъ на кострѣ по его приговору, и т. д.

Но и въ этой главной части лѣтописи Юзефовича, посвященной дѣламъ католической церкви, встрѣчаются, не многочисленныя правда, свѣдѣнія, относящіяся къ состоянію православной церкви во Львовѣ въ XVII столѣтіи. Извѣстія эти переданы авторомъ съ весьма субъективнымъ, фанатичесчи-католическимъ освѣщеніемъ и даютъ новыя данныя къ исторіи преслѣдованія православной церкви польскимъ обществомъ XVII столѣтія. Подъ 1623 и 1641 годами записаны строгіе приговоры като-

лическаго духовнаго суда, покаравшіе двухъ православныхъ священниковъ за то, что одинъ изъ нихъ совершалъ похороны днемъ, а не ночью, другой-же повѣнчалъ католика съ православною дѣвицею. Подъ 1639 годомъ записанъ приговоръ того-же суда, по которому опредѣлено было сжечь черезъ палача вышедшее въ Львовѣ сочиненіе, написанное Михаиломъ Слёзкою въ защиту православія и носившее слѣд. заглавіе: „Aurora na horyzoncie Lwowskim, świecąca przeoświeconemu exarsze świetego tronu apostolskiego Konstantynopolskiego». Приговоръ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе по настоянію духовной цензуры, признавшей сочиненіе Слёзки вреднымъ для католичества. Подъ 1655 годомъ вставлено, не смотря на нарушеніе хронологическаго порядка лѣтописи, жизнеописаніе Іосафата Кунцевича, извлеченное Юзефовичемъ изъ вновь вышедшей книги, написанной съ цѣлью возвеличенія этого фанатическаго гонителя православія [1]. Наконецъ, подъ 1700 годомъ разсказано подробно насильственное занятіе братской ставропигіальной львовской церкви уніатскимъ епископомъ Іосифомъ Шумлянскимъ, который явился принимать ее въ сопровожденіи отряда солдатъ; послѣдніе по его приказанію вырубили церковныя двери и такимъ образомъ открыли епископу доступъ въ братскую церковь.

Въ отдѣлѣ лѣтописи, посвященномъ разсказу о политическихъ событіяхъ, Юзефовичъ обращаетъ особенное вниманіе на факты, происходившіе въ южной Руси; весь этотъ отдѣлъ посвященъ почти исключительно описанію козацкихъ возстаній, татарскихъ набѣговъ и упорной борьбы поляковъ съ турками за обладаніе Подоліемъ и сосѣдними съ нимъ областями. Политическія убѣжденія, симпатіи и антипатіи Юзефовича, не смотря на его мѣщанское происхожденіе, заимствованы имъ всецѣло отъ окружавшей его шляхетской среды. Онъ презрительно относится къ „сельской черни“ (plebs rustica), возмущается непокорностью козаковъ, хотя и признаетъ, что польское правительство несправедливо съ ними поступало, и сожалѣетъ объ утратѣ Рѣчью Посполитою этого храбраго, ничего не стоившаго войка. Къ личности Хмельницкаго Юзефовичъ относится съ крайнею ненавистью и почти всегда прилагаетъ къ его имени бранные эпитеты: carnifex, tyrannus, vulpes, fallax и т. д.

Въ началѣ лѣтописи, до 1648 года, Юзефовичъ заимствуетъ свѣдѣнія о козакахъ по большей части изъ печатныхъ источниковъ, но съ этого времени разсказъ его становится вполнѣ самостоятельнымъ и въ лѣтописи его появляются многочисленныя, весьма точныя и обстоя-

[1]) Въ текстѣ приведено заглавіе книги: Nabożny affekt do błogosławionego Josaphata. Vilnae, 1705.

тельныя подробности, заимствованныя изъ мѣстныхъ, письменныхъ и изустныхъ, источниковъ: записокъ львовскихъ мѣщанъ, магистратскаго архива, разсказовъ очевидцевъ и, впослѣдствіи, изъ личныхъ воспоминаній. Въ 1648 году онъ описываетъ первыя побѣды Хмельницкаго, пользуясь сочиненіемъ Коховскаго; но послѣ разсказа о Пилявецкой битвѣ оставляетъ этотъ источникъ и переходитъ къ самостоятельному разсказу о пребываніи польскихъ региментарей во Львовѣ, объ осадѣ этого города Хмельницкимъ и т. д., основываясь на мѣстныхъ источникахъ (запискахъ мѣщанина Кушевича, городскомъ архивѣ и разсказахъ очевидцевъ), при чемъ онъ помѣщаетъ слѣдующую оговорку: «все это я вкратцѣ описалъ, собравъ извѣстія въ актахъ магистратскихъ, въ запискахъ объ упомянутой осадѣ и въ разсказахъ вѣры достойныхъ стариковъ, потому что Коховскій записалъ далеко не все, касающееся осады Львова". Дальнѣйшій разсказъ Юзефовича сохраняетъ вполнѣ самостоятельный характеръ до конца лѣтописи; особенно подробно описана вторая осада Львова Хмельницкимъ въ 1655 году; Юзефовичъ внесъ здѣсь цѣликомъ въ свою лѣтопись дневникъ этой осады, составленный львовскимъ студентомъ, современникомъ самаго событія—Борженцкимъ.

Несомнѣнно самую живую часть лѣтописи Юзефовича представляетъ тотъ ея отдѣлъ, который авторъ посвятилъ исторіи львовской городской общины. Мѣщанское происхожденіе лѣтописца сказывается въ его горячемъ мѣстномъ городскомъ патріотизмѣ: онъ относится съ глубокимъ уваженіемъ къ городскому магистрату, съ особою любовью выставляетъ на видъ ученость, гражданское развитіе и нравственный авторитетъ представителей городской общины, указываетъ злоупотребленія по отношенію къ ней шляхтичей и съ торжествомъ разсказываетъ тѣ случаи, въ которыхъ магистратъ побѣдоносно вышелъ изъ столкновеній съ членами дворянскаго сословія.

Среди извѣстій, относящихся къ исторіи города Львова, значительный интересъ представляютъ свѣдѣнія Юзефовича о колоніяхъ инородческихъ, поселившихся въ Львовѣ. Подъ 1630 годомъ онъ разсказываетъ подробно исторію львовской армянской колоніи, которая пользовалась многочисленными привилегіями, гарантировавшими ея торговую дѣятельность и самоуправленіе. Затѣмъ во всей лѣтописи разсѣяны свѣдѣнія объ упорной борьбѣ горожанъ львовскихъ съ поселившимися въ городѣ евреями, которые, пользуясь покровительствомъ воеводъ, старостъ и другихъ административныхъ чиновниковъ и не признавая надъ собою власти магистрата, а также не неся повинностей, возложенныхъ послѣднимъ на членовъ христіанской городской общины, вступили въ весьма удачную торговую конкуренцію съ купцами и ремесленниками христіанами и тѣмъ

вызвали упорную, не смолкавшую борьбу, доходившую иногда до весьма рѣзкихъ столкновеній. Въ 1644 году происходила на улицахъ Львова въ теченіи трехъ дней формальная война между евреями и защищавшею ихъ старостинскою милиціею съ одной стороны, и горожанами христіанами и принявшими ихъ сторону студентами съ другой; съ большимъ трудомъ удалось городскимъ властямъ прекратить кровопролитныя схватки и заставить спорившія стороны подчиниться судебному разбирательству. Разсказывая о столкновеніяхъ съ евреями, Юзефовичъ раздѣляетъ вполнѣ чувства раздраженія, существовавшія у его согражданъ; онъ не стѣсняется въ выраженіяхъ и эпитетахъ и приписываетъ евреямъ всевозможныя преступленія, въ которыхъ обвиняла ихъ городская молва, каковы: похищеніе дѣтей, насилія, систематическія убійства изъ побужденій религіознаго фанатизма и т. п. Многія изъ этихъ обвиненій основаны были вѣроятно на молвѣ, возникавшей на почвѣ сильнаго и продолжительнаго раздраженія, фактическое же основаніе могли имѣть лишь постоянные упреки евреевъ въ ростовщичествѣ. Очень характерно въ лѣтописи Юзефовича то обстоятельство, что, налегая на эту непривлекательную сторону дѣятельности евреевъ, онъ подъ 1633 годомъ приводитъ въ доказательство ея, какъ событіе, будто случившееся во Львовѣ, общеизвѣстную европейскую легенду, послужившую основою трагедіи Шекспира «Венеціанскій купецъ».

Желающій пользоваться лѣтописью Юзефовича для нашей исторіи долженъ имѣть въ виду только ту часть его труда, которая посвящена описанію политическихъ событій, случившихся въ южной Руси въ XVII столѣтіи, послѣ 1623 года, такъ какъ извѣстія за первыя 10 лѣтъ (1614—1623), разсказанныя Юзефовичемъ, не представляютъ вовсе оригинальныхъ данныхъ и списаны цѣликомъ изъ сочиненій общеизвѣстныхъ польскихъ писателей.

Самую пространную часть сочиненія Юзефовича, относящуюся къ исторіи католической львовской архіепископіи, можно оставить въ сторонѣ, какъ матеріалъ слишкомъ объемистый, можетъ быть важный для исторіи католической церкви въ Польшѣ, но почти совершенно лишенный интереса для исторіи южной Руси. Точно можно также опустить свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи города Львова, какъ вслѣдствіе слишкомъ спеціальнаго ихъ характера, такъ и потому, что всѣ почти извѣстія этого отдѣла уже вошли въ составъ нѣсколькихъ монографій, посвященныхъ исторіи этого города, написанныхъ Зимо345вичемъ, Ходынецкимъ и Зубрицкимъ [1]).

[1]) Zimorowicz, Historya miasta Lwowa. Lwow, 1835; Chodyniecki, Historja miasta Lwowa. Lwow, 1828 w 1865; Dionizy Zubrzycki, Kronika miasta Lwowa. Lwow, 1844

Лѣтопись Юзефовича никогда не была издана въ подлинникѣ и въ полномъ ея составѣ. Только нѣкоторая часть ея (съ 1634 по 1690) появилась въ печати во Львовѣ въ 1854 году въ польскомъ переводѣ Пивоцкаго[1]). Но изданіе это при сравненіи съ оригиналомъ оказывается весьма недостаточнымъ: переводчикъ не только переводилъ подлинникъ, но дѣлалъ въ немъ произвольныя перемѣны, выбиралъ одни факты по своему усмотрѣнію и опускалъ другіе, сокращалъ текстъ разсказа, перемѣнялъ или стушевывалъ характеръ повѣтствованія и сверхъ того, по неизвѣстной причинѣ, исключилъ изъ перевода первые 20 и послѣдніе 10 лѣтъ данной лѣтописи. Убѣдиться въ этихъ недостаткахъ можно, сличивъ подлиный текстъ Юзефовича о событіяхъ въ южной Руси по списку института Оссолинскихъ съ соотвѣтствующими отрывками перевода Пивоцкаго.

В. Антоновичъ.

---

[1]) Kronika miasta Lwowa od roku 1634 do 1690, obejmująca w ogólności dzieje dawnej Rusi Czerwonej, a zwłaszcza historją arcybiskupstwa Lwowskiego w tejże epoce, napisana przez X. J. Tomasza Józefowicza, przełożona przez M. Piwockiego. Lwow, 1854.

О КАРПАТСКОЙ РУСИ[1]).

(Краткій этюдъ Андрея П. Дешка).

Все близкое видится мнѣ отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде оживленнымъ.

Отъ границы молдавско-трансильванской, населенной волохами, тянутся по карпатскимъ горамъ и ихъ долинамъ, через семь графствъ королевства венгерскаго, поселенія русскаго народа. Откуда и когда здѣсь взялся этотъ народъ, вопросъ объ этомъ еще не рѣшенъ. Угры увѣряютъ, что здѣшняя Русь пришла вмѣстѣ съ ними въ Паннонію и съ ними за одно отвоевала ее у словаковъ; но мы руснаки думаемъ, что наши праотцы во времена Ягеллоновъ были

---

1) Помѣщаемая здѣсь небольшая статейка о Карпатской Руси извѣстнаго угро-русскаго писателя и этнографа Андрея П. Дешка печатается съ рукописи, составляющей его автографъ и имѣющей видъ небольшой книжечки въ малую четверку, оправленной въ шагреневый переплетъ. На первомъ чистомъ ея листѣ крупными готическими буквами написаны слѣд. слова: *его высокопреосвященству, высокопреосвященнѣйшему Арсенію, архіепископу каменецъ-подольскому и брацлавскому,* а внизу этихъ строкъ поставленъ *1847* годъ. На второмъ чистомъ листѣ нарисованъ видъ мункачевскаго замка, работы, конечно, самаго Дешка, а за нимъ уже идетъ самый текстъ рукописи, тщательно отъ начала до конца писанный однимъ почеркомъ; въ концѣ подпись: *Андрей П. Дешко.* Очевидно, это личное подношеніе Дешка архіепископу Арсенію, впослѣдствіи кіевскому митрополиту; но когда и при какихъ обстоятельствахъ оно сдѣлано, зачѣмъ обращался Дешко къ каменецкому владыкѣ и объ чемъ хлопоталъ предъ нимъ, мы, къ сожалѣнію, ничего объ этомъ сказать не можемъ. Мы не можемъ даже припомнить, какъ давно и отъ кого досталась намъ эта рукопись. Въ Россіи она не была напечатана, а только въ галицкой „Семейной Библіотекѣ“ 1855 г. Не смотря на нѣкоторыя устарѣлыя свѣдѣнія, даемъ ей мѣсто, какъ матеріалу историческому. Очеркъ написанъ живо, совершенно почти правильнымъ русскимъ языкомъ и даетъ намъ вѣрно начерченную картину Угорщины и ея обитателей, столь близкихъ намъ по крови, вѣрѣ и языку.—*Ред.*

вызваны венгерскимъ королемъ изъ Подолья вмѣстѣ съ ихъ княземъ Ѳеодоромъ Коріатовичемъ, чтобы заселить горы и долины карпатскія, опустошенныя песьеголовцами татарами.

Есть преданіе, что Коріатовичъ съ своимъ народомъ, занявши въ Карпатахъ сперва берега Унга и Латорицы, а потомъ берега Тисы, разъ въ ночи видѣлъ ангела ходящаго по водамъ Латорицы и указывавшаго на гору Чернецкую. На этой горѣ князь построилъ монастырь Мункачевскій, а на другомъ берегу, на отдѣльной высокой и круглой горѣ, красивый мункачевскій замокъ (называемый при королевскомъ дворѣ золотымъ яблокомъ). Этотъ замокъ и былъ средоточіемъ карпатской Руси! Его великолѣпныя залы не разъ принимали въ себя царей и славныхъ подвижниковъ: Раковція, Текелія и другихъ. На его башняхъ пала въ отчаянной борьбѣ славная угорская героиня Елена Зриньи. Въ его душныхъ подземельныхъ темницахъ еще и въ новыя времена много истомлено узниковъ, преступныхъ противъ имперіи.

Жилища руснаковъ по обѣимъ сторонамъ Тисы заняли почти все графство мараморское, берегское, угочское и унгварское, большую часть графства землинскаго, сукмарскаго и саболчскаго.

На венгерскую землю указываютъ, какъ на одну изъ прекраснѣйшихъ странъ въ мірѣ; но отнимите отъ нея Карпаты, и вы отняли всю ея красоту. На вершинахъ этихъ горъ, называемыхъ бѣлыми полонинами, вы видите неподвижныя голубо-бѣлыя облака: то никогда не тающіе снѣга карпатскіе [1]). Подъ этими полонинами всегда стоятъ черно-зеленыя тучи, то обширные дремучіе лѣса высокой смереки, надъ которыми летаютъ только орлы и въ которыхъ гуляютъ одни лѣнивые медвѣди и роютъ дикіе кабаны. Подъ густою сѣнію этихъ лѣсовъ, непроницаемою для солнца и прохладительнаго вѣтра, усталый охотникъ не найдетъ себѣ травного ковра, ему природа постлала здѣсь только колючіе сухіе листья, на которыхъ онъ можетъ спать спокойно, не тронутый ни медвѣдемъ, ни вепремъ, ибо они только защищаются отъ человѣка, но сами на него не нападаютъ.

---

[1]) Наибольшія бѣлыя полонины находятся въ Марамороши. Горы менѣе высокія, на которыхъ скоро таетъ снѣгъ и на его мѣстѣ зеленѣетъ трава, называются полонинами зелеными.

Ниже этихъ угрюмыхъ и безмолвныхъ боровъ спускаются по горамъ обширные лѣса, гдѣ огромные буки и дубы перемѣшаны съ каштанами, съ дикими яблонями и грушами. Здѣсь природа живѣе и разнообразнѣе, земля покрыта уже зеленью и цвѣтами, воздухъ колышется вѣтерками и оглашается то пѣніемъ различныхъ птицъ, то непрерывнымъ звономъ колокольчиковъ, которыми увѣшаны здѣсь пасущіяся стада, то жалобными звуками пастушьихъ роговъ, на которыхъ съ отличнымъ искусствомъ играютъ овчари, обыкновенно въ ночную пору. Здѣсь и тамъ весело шумятъ рѣки, выходя изъ нагорныхъ ключей и снѣговъ полонинскихъ, они быстро падаютъ съ вышины и уже на долинахъ сливаются въ большія рѣки, каковы: Иза, Унгъ, Латорица, Бережава; всѣ они впадаютъ въ широкую Тису, черезъ которую русскіе Карпаты передаютъ свои воды великому Дунаю. Въ этихъ нагорныхъ широколиственныхъ лѣсахъ, по обширнымъ чисташамъ или порубамъ, начинаются уже села, большею частію многолюдныя, и при каждомъ селѣ поля, раздѣленныя на двѣ половины: одно, на которомъ сѣется хлѣбъ и снимается сѣно, называется *цариною*, другое, назначенное въ тотъ же годъ для пастбища, называется *толокою*.

Между этими высокими горами простираются уже обширныя долины, пересѣкаемыя рѣками и уставленныя возвышенностями меньшей величины; но здѣсь и села обширнѣе, и люди рослѣе, и разводимый ими скотъ крупнѣе, чѣмъ на горахъ. Подкарпатскимъ долинамъ принадлежитъ и все наше городовое населеніе. На лѣсныхъ горахъ почти нѣтъ городовъ. Между тѣмъ на возвышенностяхъ, находящихся въ долинахъ, почти на каждой есть развалины прежде бывшихъ крѣпостей, объ которыхъ ведутся въ народѣ разныя сказки, но почти не осталось историческихъ извѣстій. На этихъ же возвышенностяхъ воздѣлываются виноградники; русскія вина изъ нихъ весьма уважаются, ибо середнянское изъ графства унгварскаго и лоховское изъ графства берегскаго считаются первымъ послѣ токайскаго. Здѣсь еще нельзя не вспомянуть о славныхъ мараморскихъ копяхъ, доставляющихъ неистощимое количество соли; ея разработка и вывозъ по Тисѣ до самаго города Солнока производится почти исключительно народомъ русскимъ.

Примѣчанія достойно еще богатство здѣшней земли минеральными ключами, изъ которыхъ особенно славится цѣлебною силою

своею вода собранская въ унгварскомъ графствѣ, и свальевская и синякъ въ графствѣ берегскомъ. Мараморошъ славится своею кипучею холодною кислою водою, называемою шулигуліемъ. Но, не вдаваясь въ подробное описаніе произведеній здѣшней природы, я поспѣшу познакомить васъ съ здѣшнимъ народомъ.

Большую частью его составляетъ кмитство или кмиги, то есть поселяне; они живутъ на владѣльческихъ земляхъ и обработуютъ ее на извѣстныхъ условіяхъ, опредѣленныхъ венгерскимъ королевскимъ собраніемъ (сеймомъ).

Другой классъ народа составляютъ мѣщане; изъ нихъ образуется сословіе почетныхъ людей, къ которому причисляются всѣ ремесленники, купцы и тѣ изъ кметей, которые окончили гимназическій курсъ наукъ. Они свободны отъ поголовной подати и общественныхъ работъ.

Третій классъ народа дворянство; это званіе пріобрѣтаемо было военными заслугами, потому особенно важными для Венгріи, что руснаки, живучи на границѣ молдавско-трансильванской, всегда первые принимали на себя и отражали напоръ турецкой силы. Русинъ въ дворянствѣ пользуется тѣми-же правами, какъ и венгерецъ, хотя по состоянію они вообще бѣднѣе дворянства венгерскаго, что конечно зависѣло много отъ раздробленія между дѣтьми благопріобрѣтаемыхъ не слишкомъ большихъ имѣній.

Духовенство карпаторусское составляется частію изъ дворянства, но еще болѣе изъ кмитства, получившаго образованіе. Кмитъ, пріобрѣвъ духовное званіе, вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ уже и права дворянства какъ относительно владѣнія землею, такъ и относительно участія въ дворянскихъ и королевскихъ собраніяхъ. Всѣ эти сословія равно принадлежатъ къ церкви греко-уніатской, въ прежнее время православнаго исповѣданія.

Духовная власть сосредоточивается въ особѣ епископовъ, которые избираются королемъ государства изъ достойнѣйшихъ и притомъ безженныхъ священниковъ, бѣльцовъ, а не монаховъ. Потомъ, по утвержденіи папскою буллою, они посвящаются или въ карпатскихъ епархіяхъ, или въ Галиціи. Епархій русскихъ двѣ, одна мункачевская, а другая пряшевская; къ этой послѣдней принадлежатъ не одни русскіе, но и словаки. Русскіе епископы пользуются одинакими правами съ католическими, засѣдаютъ и подаютъ голосъ

при высшемъ столѣ магнатовъ на королевскихъ собраніяхъ (чего не имѣютъ епископы православные, напримѣръ расціанскіе). До нашего еще времени русскіе епископы, по древнему православному обычаю. носили бороду и длинные волоса, но епископъ мункачевскій Василій Поповичъ первый явился на посвященіе 1838 года въ Львовѣ безъ бороды и съ обстриженными волосами, къ немалому удивленію народа.

Что касается до священниковъ, то изъ нихъ лишь не многіе старики украшаютъ себя бородами. Большая часть священниковъ женятся до посвященія; впрочемъ это не поставляется въ необходимое условіе. Дѣти ихъ считаются наравнѣ съ дворянскими. Для достиженія священства должно, кончивъ шестиклассный курсъ гимназическихъ наукъ, учиться еще два года философіи и потомъ четыре года богословіи. Гимназіи находятся въ русскихъ городахъ Сиготъ и Унгваръ, философія преподается только въ городахъ венгерскихъ, а богословіе въ Унгварѣ; сюда стекаются для обученія не только русскіе, но и волохи, потому число образующихся здѣсь клериковъ и стороннихъ слушателей бываетъ весьма значительно.

Кромѣ сказанныхъ школъ, есть еще особыя монастырскія двѣ школы, въ которыхъ однимъ только монахамъ преподается философія и богословіе на карпато-русскомъ языкѣ. Они находятся въ двухъ значительныхъ монастыряхъ, а именно: въ мункачевскомъ и повчанскомъ.

Русскій городокъ Повча стоитъ далеко отъ Карпатъ въ графствѣ саболчскомъ, какъ островъ, окруженный венгерскими кальвинами. Монастырь его славится въ народѣ находящимся здѣсь чудотворнымъ образомъ Пресвятой Дѣвы Богородицы. Ко дню Успенія, когда великая Русь стекается отовсюду въ Кіевъ на поклоненіе чудотворному образу (Богоматери) Печерскому, карпатская Русь, идетъ молиться Богоматери Повчанской. Къ ней сходится на молитву и народъ католическій, и такимъ образомъ въ здѣшнемъ храмѣ можно слышать служеніе на языкахъ: славянскомъ, латинскомъ и румынскомъ или волоскомъ. Въ одно и тоже время вокругъ храма тысячамъ толпящагося народа возглашается проповѣдь на языкахъ: русскомъ, волоскомъ, венгерскомъ и нѣмецкомъ; но прелестное петербургское пѣніе слышится здѣсь только въ каѳедральной церкви унгварской и заведено здѣсь за 12 лѣтъ стараніемъ при-

шельца нашего Константина Матезонскаго, при бывшемъ епископскомъ викаріи Иванѣ Чурговичѣ.

Монахи карпато-русскіе всѣ одного чина, базиліане, одѣваются они въ черную рясу и ходятъ съ бородами, но не въ клобукахъ, а въ шляпахъ.

Монастырей женскихъ совсѣмъ нѣтъ, также, какъ нѣтъ никакихъ особенныхъ заведеній для образованія женскаго пола. Дѣвушки учатся славянской грамотѣ и катехизису вмѣстѣ съ мальчиками въ сельскихъ школахъ. Въ большихъ селахъ для школъ назначаются особые дома и особые учителя, но въ селахъ меньшихъ учатъ дяки, и не рѣдко въ собственныхъ домахъ. Ученіе бываетъ большею частію только въ зимнее время, ибо въ лѣтнюю пору дѣти занимаются пастушествомъ. За обученіе полагается обыкновенно 10—30 грошей съ ученика ежегодно, въ дополненіе къ тому дается еще учителю квартира и участокъ земли. Ученіе, какъ сказано выше, весьма ограниченно; оно состоитъ въ чтеніи венгерской и русской азбуки, обученіе русскаго краткаго катихизиса ведется по книжкамъ, издаваемымъ въ Будинѣ. Учить дѣтей поставляется въ обязанность всѣмъ родителямъ; такимъ образомъ грамотность, хотя и весьма скудная, принадлежитъ всему карпаторусскому народу. Для ея расширенія надо бы учить не только чтенію, но и письму русскому; но къ сожалѣнію въ сельскихъ школахъ учатъ немножко писать только по венгерски, да и въ самыхъ семинаріяхъ русскому письму учатъ только нѣсколько дней при изложеніи науки пасторальной. При такомъ бѣдномъ состояніи русскаго письма въ Карпатахъ случается не рѣдко, что священники хотя сочиняютъ проповѣди по славяно-русски, но пишутъ ихъ буквами латинскими. Катихизисъ, давно уже сочиненый русскимъ каноникомъ Куткою, есть еще почти единственная русская книга. Грамматика славяно-русская, изданная въ недавнія времена, и то на латинскомъ языкѣ Лучкайемъ, есть необыкновенное у насъ явленіе [1]).

---

[1]) Недавно скончавшійся унгварскій священникъ Михаилъ Лучкай, былъ нѣкоторое время аббатомъ въ Луккѣ, когда князь луккскій, желая показать грекамъ свое вниманіе къ ихъ исповѣданію, содержалъ при дворѣ своемъ аббата съ двумя священниками и причтомъ русскимъ изъ Карпатовъ; но все это продолжалось не долго.

Должно помянуть еще недавно умершаго старика священника Лешковича; его изъ презрѣнія называли идіотомъ, но онъ умѣлъ сочинять русскія пѣсни и распространять ихъ въ народѣ. Другіе руснаки, становясь выше этой первоначальной образованности, являются уже весьма сильными умами. Въ доказательство довольно назвать здѣсь имя Михаила Вѣсяника, главнаго вѣнскаго доктора, Петра Типулы, профессора политической экономіи въ университетѣ пештскомъ, канониковъ Ивана Чурговича, Ивана Ляховича, священника Андрея Молнара, Василія Довговича, членовъ академіи наукъ пештской. Нельзя умолчать здѣсь и почтенныя имена Орласа, Михаила Балугіанскаго и нѣкоторыхъ другихъ карпатскихъ уроженцевъ, прославившихъ себя и родину свою служеніемъ въ имперіи русской; говорятъ, и Венелинъ, столько уважаемый болгарами, былъ нашъ землякъ, но въ Карпатахъ этого не знаютъ. Можно надѣяться, что между тамошними руснаками скоро соскроется и духъ русскій, и письменное русское слово для просвѣщенія своего народа; ибо при нынѣшнемъ епископѣ Василіѣ Поповичѣ въ Унгварѣ заведена уже типографія, бывшая прежде въ Кошицахъ. Пожелаемъ отъ души, чтобы въ ней краснорѣчивый священникъ Гаджега, Иванъ Раковскій, Іеронимъ Гайду, Антоній Чопей и другіе даровитые карпаторуссы, издали побольше своихъ произведеній для пользы и славы своей отчизны.

Но отъ этихъ сладкихъ надеждъ на ея будущее просвѣщеніе возвратимся опять къ теперешней доли ея поселянъ, изъ которыхъ и возникаетъ лучшій цвѣтъ ея народа. Языкъ его ясно показываетъ, что онъ есть вѣтвь народа южно-русскаго; въ его нарѣчіи есть впрочемъ нѣкоторыя особенности отъ нарѣчія малороссійскаго и галицкаго, таково напримѣръ весьма твердое *ы*, которое у горцевъ не смягчается и послѣ гортанныхъ г, к, х. По давнему общенію съ венгерцами и въ нарѣчіе карпаторусское вошло много венгерскихъ отдѣльныхъ словъ и даже звуковъ. Этимъ особенно отличается говоръ жителей долинъ, которые и по виду, и по одеждѣ гораздо болѣе обугрились; у нихъ слышится напримѣръ часто звукъ *ü*, столь употребительный въ венгерскомъ языкѣ, почти не извѣстный въ другихъ русскихъ и славянскихъ нарѣчіяхъ. Но и у горцевъ господствуетъ тотъ-же звукъ *и* вмѣсто *о*, какимъ отличается выговоръ украинцевъ и галичанъ. Сами между собою горцы называются лишаками, а жители долинъ лемаками, по поговоркѣ *лишь*

и *лемъ*, употребляемой ими въ рѣчи, подобно тому, какъ словаки у венгерцевъ прозваны товтами, за частое употребленіе слова *томъ*.

Есть и въ самомъ лицѣ горцевъ большое сходство съ малороссіянами. Одежда женская также напоминаетъ убранство украинокъ: таже вышитая красною ниткою сорочка, и запаска съ плахтою, подвязанныя краснымъ поясомъ. Голову здѣшнія женщины повязываютъ платками, подбирая подъ нихъ всѣ волосы, а у дѣвушекъ они заплетаются въ длинную косу; но головнымъ уборомъ ото всѣхъ отличаются женщины мараморскія, превосходящія всѣхъ въ Венгріи своею красотою. Тамошнія дѣвицы заплетаютъ волосы свои въ двѣ косы и на голову надѣваютъ красивую *парту*, сплетаемую въ видѣ толстаго и широкаго вѣнка изъ искусственныхъ цвѣтовъ и разноцвѣтныхъ гранатъ, а на лѣвой сторонѣ прикрѣпляютъ къ ней еще высокій пучокъ изъ цвѣтовъ натуральныхъ. Шею украшаютъ женщины горянскія множествомъ монистовъ, особенно красныхъ. На ногахъ какъ женщины, такъ и мущины горскіе носятъ кожаные постолы, завязываемые черными либо красными шерстяными волоками. Что касается до убранства мущинъ, то у горянъ рубахи очень похожи на великороссійскія по ихъ боковой распоркѣ (пазухѣ) и потому что носятся поверхъ узкихъ гатей. Волосы у нихъ длинные, подстригаемые только на лбу. На головѣ лѣтомъ носятъ клебаны съ круглою тульею и широкими брылами; но мущины мараморскіе носятъ широкія гати, коротенькія рубашки, съ чрезвычайно широкими рукавами, всего же примѣчательнѣе въ ихъ нарядѣ кожаные, шириною въ полъ-аршина, пояса, называемые чересами, и ихъ верхнее длинношерстное одѣяло, называемое гунею, въ родѣ бурки съ рукавами; женскія гуни нѣсколько короче. Чересъ переходитъ изъ рода въ родъ по завѣщанію отцовскому.

Домъ или хижина у горцевъ строится изъ сосноваго дерева и покрывается осокою, раздѣляется на жилую избу, сѣни и комору, какъ внутри, такъ и снаружи вымазанъ и выбѣленъ; но крыша отъ копоти скоро чернѣетъ, ибо дымовыхъ трубъ на домахъ нагорныхъ обыкновенно не дѣлаютъ.

Строенія при домѣ суть обыкновенно: хлѣвъ для рогатаго скота и лошадей, кутецъ для свиньи, въ особой отгородкѣ или стежарѣ стоятъ высокіе оборoги сѣна, сложеннаго между четырехъ столбовъ, прикрытыхъ съ верху шаркою. Передъ вызорами (окнами) стоятъ

подвижные изъ прутьевъ сплетенные коши, для храненія кукурузы, составляющей здѣсь самое употребительное хлѣбное растеніе какъ въ горахъ, такъ и въ долинахъ: изъ нея не только приготовляются разные кушанья, но и печется хлѣбъ, а потому и на поляхъ иногда встрѣчаете только одну ее.

Середину села всегда занимаетъ церковь, по большой части каменная, вблизи церкви домъ священника, домъ дьячка и сельская школа; иногда возлѣ церкви ставится и куна или колода, но чаще этотъ станокъ для наказанія виновныхъ имѣетъ мѣсто возлѣ того дома, гдѣ живетъ бировъ, или сельскій старшина. Бировъ избирается изъ знатнѣйшихъ кметей ежегодно сельскою громадою. Ему въ помощники, которые называются боженикими, и въ другія общественныя должности избираются кмети также громадою, но по указанію бирова, съ назначенія котораго собирается и громада на совѣтъ, или раду о дѣлахъ общественныхъ.

Кмети, какъ уже сказано выше, живутъ на земляхъ господскихъ, церковныхъ и коронныхъ, но принявъ ее на извѣстныхъ условіяхъ, они владѣютъ ее уже потомственно, только безъ раздробленія между дѣтьми, а съ передачею меньшому сыну. Обработывая принятую имъ землю, онъ за цѣлый ея участокъ (телекъ) обязанъ работать на владѣльца 52 (пѣшихъ) дня въ годъ, или 25 тяглыхъ и давать *дѣжму* или десятину съ полевого сбору хлѣбнаго. Прежде была и подымная дань, но она за нѣсколько лѣтъ предъ симъ уничтожена, также, какъ и прежняя власть владѣльцевъ наказывать кметей тѣлесно.

При этихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ владѣльцу, кметь не привязанъ къ его землѣ и воленъ ее оставить. Въ отношеніи къ священнику кметь обязанъ работать два дня въ годъ, и со всего участка земли даетъ два вѣка (мѣрки) лучшаго хлѣба съ своего поля. Соразмѣрно уменьшенію принимаемой земли, и сказанная повинность кметя уменьшается.

Въ казну даетъ кметь «поголовную порцію», то есть подать, и исполняетъ повинность рекрутскую. Количество ежегодной подати опредѣляется на королевскомъ сеймѣ, бывающемъ черезъ три года, и собирается бировомъ [1]); но вмѣсто денежнаго взноса по-

[1]) Отъ головы человѣка и домашняго скота платится около коп. сер.

дать принимается иногда воробьиными головками и головами волчьими [1]).

Что касается до рекрутства, то еще въ недавнее время оно производилось такимъ порядкомъ, или лучше сказать безпорядкомъ: на тайное приказаніе алл-иш-пана или начальника графства поставить извѣстное число солдатъ или катунъ (изъ венгерскаго катона) бировъ съ своими помощниками и съ командою по ночамъ холодной зимы нападали на домы кметей и брали изъ нихъ силою, кого имъ было угодно. Это чрезвычайно не нравилось народу, и потому они всячески избѣгали рекрутства; молодые парни или легини, заслышавъ шумъ набора, поспѣшно уходили въ лѣса, гдѣ нерѣдко и пропадали, другіе увѣчили себя различно, чтобъ не быть годными въ службу, или же безденежно и на долгое время отдавались въ службу къ дворянамъ и священникамъ, которыхъ служители свободны отъ рекрутства; родители укрывали своихъ сыновей и иногда отчаянно защищали пойманныхъ, и все это дѣло кончалось не рѣдко смертоубійствами; но теперь, къ великой радости всѣхъ, наборъ войска производится уже не силою и не на неопредѣленное время, но по жребію на восемь лѣтъ; молодые парни, за исключеніемъ наслѣдниковъ земли, идутъ добровольно изъ селъ своихъ въ домъ графства (domus comitatensis) и на кого падетъ жребій, тотъ охотно становится въ ряды солдатъ.

Въ сельскомъ быту рабочій день начинается звономъ колокола на молитву Пресвятой Дѣвы Маріи, послѣ которой выходятъ на работу; часу въ 8-мъ садятся за обѣдъ, по здѣшнему завтракъ, состоящій обыкновенно изъ кукурузного хлѣба и дзямы (говяжего отвара, подбитаго кукурузною же мукою). Послѣ того продолжается работа, пока на колокольнѣ второй звонъ не воззоветъ къ молитвѣ полудневной; тогда народъ садится уже полуденковать, то есть обѣдать. Обыкновенный обѣдъ состоитъ также изъ дзямы, или изъ киселици [2]) и потомъ изъ бобовъ, или изъ картофлей. Отдохнувъ часъ, снова работаютъ до солнечнаго захода; тогда, при звукѣ колокола

[1]) Волчья голова принимается въ 5 злотыхъ сер., т. е. 3 рубл. сер.

[2]) Киселища замѣняетъ собою великорусскіе щи и малорусскій борщъ. Она варится изъ квасу, приготовленнаго изъ отрубей, особенно пшеничныхъ, но безъ зелени. Есть пословица: сербай, Грицу, киселицу, не впадуйся на дурницу.

на вечернюю молитву, возвращаются домой и тамъ уже садятся за ужинъ, на который подается свинное вареное мясо, или саламата, которая здѣсь дѣлается тоже изъ муки кукурузной, и при томъ или густая и называется *токаномъ*, или порѣже и называется *чиромъ:* первую кушаютъ съ овечьимъ сыромъ или съ свинымъ саломъ, а вторую всегда съ молокомъ. Для питья употребляютъ воду, а русскаго квасу и малоросiйскаго сыровцу здѣсь не пьютъ. Изъ напитковъ здѣсь извѣстно пиво и виноградное вино; но важнѣе ихъ обоихъ водка, которая здѣсь называется *паленкою.*

Всякому русскому кметю можно выкуривать водки сколько угодно для собственнаго употребленiя, что и дѣлаютъ многiе въ небольшихъ винокурняхъ, и варятъ ее всего болѣе изъ сливъ; однако большая часть предпочитаетъ ту паленку, которою въ каждомъ селѣ торгуетъ панъ арендарь. Это званiе принадлежитъ всегда жидамъ, которые и здѣсь наживаются на счетъ руснаковъ. Надобно однакожъ отдать справедливость, что у нихъ и дворы и корчмы несравненно опрятнѣе, нежели у жидовъ польскихъ; корчма посѣщается одними только мущинами. Корчемныя гулянья сопровождаются музыкою и пляскою; ремесло музыканта принадлежитъ всегда сельскому кузнецу цыгану и его семейству; играютъ они на гусляхъ (скрипкахъ) и цимбалахъ, но самые руснаки играютъ болѣе на дудахъ (волынкахъ); что касается до пляски, то, кромѣ обыкновенныхъ венгерокъ и нацiональнаго карпаторусскаго танца, сопровождаемаго пѣнiемъ, особенное вниманiе привлекаетъ ня себя пляска свинарей. Необыкновенное зрѣлище, когда они, по нѣсколько вмѣстѣ, выдѣлываютъ очень трудныя фигуры ногами, и въ тоже время надъ головами своими повертываютъ искусно и отважно широкими блестяще наточенными топорами (болтами). Пляски женщинъ можно видѣть только на семейныхъ праздникахъ, они вообще скорѣе и пылкiе, но не имѣютъ въ себѣ ничего мимическаго.

Что касается до пѣнiя, то народъ русскiй на Карпатахъ весьма пѣвучъ; мущины поютъ болѣе въ корчмахъ, но пѣнiемъ женскимъ сопровождаются всегда работы сельскiя. Напѣвъ здѣсь всегда почти протяжный и грустный. Нѣкоторiя пѣсни здѣсь тѣже самыя, какъ и на Украйнѣ, напримѣръ: «Не ходи, Грицу, на вечерницу».

Много бы еще я могъ говорить вамъ о карпатской Руси, но не знаю, что именно и все ли объ ней будетъ любопытно.

Подъ двойною властію венгерскою и австрійскою она заключена въ своихъ Карпатахъ, какъ бы отрѣшенная отъ міра; но у нея есть еще другіе пріятнѣйшіе узы кровнаго родства съ великимъ народомъ, которому принадлежитъ она не только по имени и языку, но и по своей любви къ нему, составляющей одну изъ лучшихъ стихій ея внутренней духовной жизни.

Библіографія.

Холмская Русь. Историческія судьбы русскаго Забужья. Изд. П. Н. Батюшкова. Спб. 1887 г.

Названное изданіе не составляетъ нарочитаго самостоятельнаго изслѣдованія о данномъ предметѣ, но только переработку и систематизацію нѣкоторой части содержанія VII и VIII выпусковъ «Памятниковъ русской старины въ западномъ краѣ», издаваемыхъ П. Н. Батюшковымъ. Эти два выпуска посвящены уясненію историческихъ судебъ русскаго Забужья или Холмской Руси, иначе Холмщины и Подлясья; но въ составъ ихъ, какъ мы говорили въ свое время [1]), вошло много статей, притомъ самаго большаго объема, не имѣющихъ прямаго отношенія къ Холмской Руси, а только вообще къ исторіи уніи въ Западной Руси, каковы: двѣ статьи о люблинскомъ съѣздѣ 1569 г. проф. М. О. Кояловича и И. И. Малышевскаго, біографіи Кирилла Терлецкаго, епископа луцкаго и Ипатія Потѣя, О. И. Левицкаго, изслѣдованіе объ Іоасафатѣ Кунцевичѣ, проф. Петрова, о Сплѣтскомъ архіепископѣ Маркѣ Антоніѣ Господнѣвичѣ, его же, о креховскомъ монастырѣ въ Галиціи, Я. Ѳ. Головацкаго и пр. Произошло ли это отъ поспѣшности въ выпускѣ названныхъ сборниковъ, обусловленной употребленіемъ Высочайше разрѣшенной на изданіе ихъ суммы, или отъ недостатка людей, которые пожелали бы посвятить свой трудъ нарочитому изученію историческихъ судебъ русскаго Забужья, или отъ того, что приглашенные сотрудники предпочли новой трудной работѣ утилизацію готовыхъ свѣдѣній и матеріаловъ, хотя и не имѣющихъ прямаго отношенія къ цѣли изданія, все это ближе извѣстно самому издателю. Но когда два обширные и

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1885 г. въ іюньской книжкѣ рецензію VII вып. „Памятниковъ“ и 1886 г. въ апрѣльской кн. рецензію VIII вып.

дорого стоившіе сборники одинъ за другимъ явились въ свѣтъ, для всякаго стало очевидно, что цѣль изданія не вполнѣ достигнута, что оно не даетъ цѣльной картины многовѣковой жизни Холмской Руси, что въ немъ недостаетъ связнаго и послѣдовательнаго изложенія ея исторической судьбы, что собранный въ немъ пригодный для этой цѣли матеріалъ разбросанъ, не сведенъ къ единству и теряется въ массѣ другихъ общихъ и не нужныхъ матерій.

Чтобы исправить этотъ недостатокъ, принаровить изданіе къ намѣченной цѣли распространенія въ читающей публикѣ, а особливо мѣстной, точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о Холмской Руси, о томъ, что это еесь исконная часть русской земли, что населеніе ея, раньше другихъ подвергшееся дѣйствію польско-католической пропаганды, больше всѣхъ потерпѣвшее отъ нея и совсѣмъ оторванное отъ единства съ русскою жизнью, сохранило до нашихъ дней, хотя и въ искаженномъ нѣсколько видѣ, свою вѣру, языкъ и народность, для этого необходимо было очистить оное отъ лишняго груза, переработать и свести къ единству разбросанный въ немъ пригодный матеріалъ, дополнить его новыми изысканіями и дать цѣльную историческую картину минувшей жизни Холмской Руси, словомъ: требовалось новое изданіе, хотя и на основѣ прежняго и съ употребленіемъ годнаго изъ него матеріала, нужно было стройное и полное изслѣдованіе, не бьющее въ глаза роскошью иллюстрацій, но раскрывающее предметъ съ большею полнотою и послѣдовательностію, при которыхъ рельефно выдѣлялись бы главнѣйшія перемѣны историческаго существованія холмско-подляскаго края и ярко очерчивался бы основный вѣро-исповѣдный и національный характеръ кореннаго населенія, подъ вліяніемъ непосильной борьбы измѣнявшійся и ослабѣвавшій, но не утратившійся до конца. Въ такомъ, кажется, видѣ мысль о необходимости новаго изданія представлялась и самому издателю, хотя въ предисловіи къ изданію она формулирована нѣсколько иначе и мотивы ея сведены къ общедоступности изданія и практическому его употребленію въ школахъ и среди грамотныхъ людей не только Забужной Руси, но и сосѣднихъ Литвы и Бѣлоруссіи.

Нѣтъ надобности говорить о пользѣ такого изданія и важности заслуги издателя, послѣ многолѣтнихъ трудовъ своихъ надъ собираніемъ и изданіемъ памятниковъ русской старины въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ, посвятившаго время и трудъ ознакомленію русскаго общества съ такою исконною частію русской земли, которая до недавняго времени оставалась въ совершенномъ забвеніи и считалась принадлежностью Польши. Привѣтствуя съ полнымъ сочувствіемъ изданіе, въ которомъ давно чувствовалась настоятельная потребность, мы позволимъ

себѣ сказать нѣсколько словъ о его выполненіи и, имѣя въ виду практическое его назначеніе, которое можетъ вызвать повтореніе изданія, сдѣлаемъ нѣсколько посильныхъ замѣчаній о томъ, что слѣдовало бы восполнить и чего не мѣшало бы избѣжать при повтореніи изданія.

Историческій очеркъ русскаго Забужья, составляющій главное содержаніе настоящаго изданія, написанъ профессоромъ кіевской духовной академіи г. Петровымъ, извѣстнымъ многими, преимущественно историко-литературными работами. Отличительныя черты другихъ его трудовъ, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимаетъ «Очеркъ исторіи украинской литературы», отпечатлѣлись и въ настоящемъ его трудѣ. И здѣсь г. Петровъ справился съ своею ближайшою задачею хорошо и легко: съ свойственною ему тщательностью онъ разсортивалъ матеріалъ двухъ выпусковъ прежняго изданія, собралъ всѣ другія печатныя свѣдѣнія о Холмской Руси, свелъ тѣ и другія и далъ связный и послѣдовательный очеркъ исторической судьбы русскаго Забужья; но онъ не могъ уже ни стать выше, ни пойти дальше готоваго матеріала, ни даже извлечь изъ него все то, что помогло бы ему расширить рамки своего изслѣдованія, освѣтить предметъ съ различныхъ сторонъ, оживить его воспроизведеніемъ не рѣдко мелкихъ, но характерныхъ чертъ мѣстной жизни и быта. Имѣя дѣло съ опредѣленнымъ однохарактернымъ матеріаломъ, г. Петровъ, соотвѣтственно ему, установилъ и основную точку зрѣнія своего на предметъ изслѣдованія. Сказавъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ о политической судьбѣ и подчиненности русскаго Забужья до половины XVI в., онъ сосредоточилъ все вниманіе исключительно на церковно-религіозной жизни холмско-подляскаго края, точнѣе на вѣроисповѣдной борьбѣ здѣсь кореннаго православно-русскаго населенія съ наплывавшимъ польско-католическимъ, подкрѣпленнымъ впослѣдствіи выдѣлившимся изъ православія уніатствомъ; весь поэтому очеркъ исторической судьбы русскаго Забужья есть ничто иное, какъ изложеніе этой борьбы и постепеннаго подавленія православія, возстановленнаго лишь въ наши дни. Но этимъ далеко не исчерпывается жизнь русскаго населенія въ Забужьѣ на протяженіи девяти съ лишнимъ вѣковъ. Самая борьба, первые признаки ея обнаруживаются лишь съ XIV вѣка и какъ не преобладалъ въ тогдашней и послѣдующей жизни народовъ религіозный характеръ, однимъ этимъ нельзя оправдать такой односторонности въ изслѣдованіи автора о минувшей судьбѣ Забужья. Слѣдя эту судьбу по очерку г. Петрова, подумать можно, что другихъ интересовъ въ тогдашней жизни не существовало; борьба ведется притомъ представителями несогласныхъ исповѣданій лишь при слабомъ участіи общества, и то въ немногіе періоды; самый источникъ

борьбы, ея жизненные стимулы представлены столь же не полно, какъ и не ясно. Отъ чего Польша съ XIV в. движется на Русь? Отъ чего это движеніе совершается съ такимъ постоянствомъ и упорствомъ во всѣ послѣдующія столѣтія и идетъ все далѣе на востокъ, по пятамъ русской колонизаціи, вплоть до татарскихъ кочевьевъ и отъ чего въ немъ съ рѣдкимъ единодушіемъ принимаютъ участіе всѣ слои Рѣчи Посполитой? Отъ чего съ другой стороны повсюду и во всѣ послѣдующія времена это движеніе встрѣчаетъ въ русскомъ населеніи, начиная съ пограничья, самый рѣшительный отпоръ, превращающійся вскорѣ въ ожесточенную и непримиримую борьбу? Религіозными мотивами, какъ они ни сильны, ни этого движенія, ни встрѣченнаго имъ отпора уяснить нельзя. Двинулась Польша на востокъ послѣ того, какъ неразумно потеряла свои владѣнія на сѣверѣ и западѣ; ей тѣсно стало у себя, ей жить было нечѣмъ на своей бѣдной песчанной равнинѣ, ей не возможно было рззвиться снова въ сильное государство, не расширяясь постепенно на счетъ русскихъ княженій, раздробленныхъ и ослабленныхъ послѣ татарскаго погрома и литовскихъ завоеваній. Но Польша несла съ собою не одно политическое господство, а вмѣстѣ съ нимъ особый феодальный, рабовладѣльческій строй общественной жизни, совершенно противуположный извѣчному общинно-демократическому строю русской жизни. Борьба такимъ образомъ зарождалась и держалась на почвѣ глубоко-жизненныхъ интересовъ, на почвѣ основныхъ порядковъ и началъ жизни, и направлялась противъ чуждаго гражданско-общественнаго строя, въ городахъ и мѣстечкахъ разрушавшаго цѣлость общины, самоуправленіе, свободу промысловъ и ремеслъ, а въ селахъ превращавшаго свободнаго человѣка въ раба, ограничивавшаго его въ свободѣ труда и передвиженія и въ способахъ существованія. Въ этомъ исходный пунктъ борьбы, основной ея стимулъ; все остальное—посягательство на вѣру, языкъ, нравы и обычаи только усиливало борьбу и придавало ей возвышенный, идеальный характеръ. При такой постановкѣ главнаго предмета въ разсматриваемомъ очеркѣ изображаемая въ немъ борьба получила бы болѣе широкое освѣщеніе и не казалась бы столь однообразной и подъ часъ мелочной и какъ бы лишенной жизненной почвы. Правда, исторія Холмщины и Подлясья едва затронута въ послѣднее время и представляетъ предметъ новый, слишкомъ мало разработанный: но за то разработана значительно исторія земель и княженій сосѣднихъ съ холмско-подляскимъ краемъ, съ которыми онъ жилъ въ одинаковыхъ условіяхъ и въ составъ которыхъ иногда входилъ, потому многое въ сферѣ господствовавшихъ въ немъ гражданско-общественныхъ отношеній и порядковъ можно было бы уяснить даже путемъ ближайшей аналогіи;

при нѣкоторомъ же усердіи и большемъ срокѣ, покопавшись даже въ печатныхъ источникахъ, особливо многочисленныхъ собраніяхъ актовъ виленскихъ, минскихъ и др., не говоря о богатѣйшемъ собраніи неизданныхъ еще актовъ люблинскаго трибунала, варшавскаго главнаго архива и такихъ же собраній въ Львовѣ и Перемышлѣ, можно было бы найти не мало и прямыхъ данныхъ для объясненія культурно-общественной борьбы русскаго населенія Забужья съ вторгавшимся въ его исконныя земли польско-шляхетскимъ элементомъ и его рабовладѣльческими порядками. Будь хотя въ общихъ чертахъ намѣчены главные пункты и фазисы этой борьбы, набросанная авторомъ картина была бы болѣе полною и жизненною, болѣе интересною и поучительною.

Указаніемъ на этотъ главный и коренной недостатокъ разсматриваемой книги, ослабляющій ея высокій интересъ, мы и закончимъ сдѣланную выше общую ея характеристику. При внимательномъ чтеніи книги, можно бы подмѣтить нѣкоторыя второстепенныя погрѣшности, какъ напримѣръ спутанность соображеній автора объ аборигенахъ Холмщины и Подлясья и ихъ племенномъ характерѣ, основываемыхъ между прочимъ на пѣсняхъ, записанныхъ большею частію въ такихъ граничныхъ пунктахъ съ волынскою и гродненскою губерніями, гдѣ теряется всякая этнографическая грань, на что указываютъ иногда содержаніе и языкъ пѣсенъ, или неточность его свѣдѣній о политическомъ положеніи Холмщины и Подлясья въ XI и послѣдующихъ вѣкахъ и отношеніи къ нимъ сосѣднихъ земель, доходящую до перемѣшиванія галицко-владимірскаго княженія съ владиміро-волынскимъ, Юрія Даниловича съ Юріемъ Наримунтовичемъ и пр. Но все это мелочи, которыя не портятъ общаго впечатлѣнія ни въ цѣломъ, ни отдѣльно въ каждой главѣ. Исключеніе составляетъ послѣдняя, 7-я глава, излагающая исторію возсоединенія холмско-подляскихъ уніатовъ въ 1875 году.

Кто имѣлъ случай слѣдить за ходомъ этого дѣла или соприкасаться съ нимъ, для того очевидны неполнота и неточность многихъ изложенныхъ здѣсь свѣдѣній; но даже не посвященный въ подробности сего дѣла наталкивается въ настоящемъ изложеніи на нѣкоторыя не разрѣшимыя противорѣчія. Извѣстно напр., что два главные дѣятели по переобразованію Царства Польскаго послѣ мятежа 1864 г. и улучшенію положенія находившихся въ немъ уніатовъ, Н. А. Милютинъ и кн. В. А. Черкаскій, далеки были отъ мысли о возсоединеніи уніатовъ въ ближайшемъ будущемъ и не ставили этою прямою цѣлію проводимыхъ ими реформъ; тутъ шло дѣло лишь объ упорядоченіи церковныхъ дѣлъ уніатскаго населенія и объ огражденіи его отъ дальнѣйшей латинизаціи и колонизаціи. Такова же была система дѣятельности и графа Д. А. Толстаго, къ которому съ конца

1868 г. перешли въ завѣдываніе уніатскія дѣла, изъятыя изъ его вѣдѣнія снова въ 1874 году. Положеніе самыхъ уніатовъ отнюдь не давало какой либо надежды на скорое ихъ возсоединеніе: управленіе холмскою епархіею, переходившее изъ рукъ въ руки, отнюдь этому не благопріятствовало; холмско-подляшское населеніе, особливо его духовенство было до крайности окатоличено и ополячено; въ Подлясьѣ каждая новая мѣра, направленная къ очищенію уніатскаго обряда, вызывала ожесточенныя волненія, усмиряемыя только военною силою. Откуда же въ короткій промежутокъ времени, менѣе чѣмъ въ 10 лѣтъ, въ главномъ пунктѣ уніатской оппозиціи Подлясьѣ, это *народное* движеніе въ пользу православія, это стремленіе къ вѣрѣ Бѣлаго Царя, увлекшее за собою, по словамъ очерка, и самое духовенство? Одно изъ двухъ: или это движеніе преувеличено, или оно носило иной характеръ и вызвано другими, быть можетъ даже случайными причинами, на что указываютъ продолжающіяся и доселѣ упорныя уклоненія отъ православія бывшихъ уніатовъ преимущественно того же Подлясья. Вотъ другой не менѣе загадочный фактъ. Въ то время, какъ въ Подлясьѣ то и дѣло возникаютъ волненія и бунты при всякой новой мѣрѣ, направленной къ упорядоченію церковныхъ дѣлъ, Холмщина остается совершенно спокойною и даже такое крупное событіе, какъ вывозъ номината Каминскаго въ Вятку, проходитъ въ ней какъ бы не замѣченнымъ; между тѣмъ когда тоже бунтливое и фанатическое Подлясье, непосредственно послѣ самаго сильнаго волненія, осенью 1874 г. обнаруживаетъ столь серьезное и горячее стремленіе къ православію, Холмщина пребываетъ неподвижною и потомъ идетъ у него на буксирѣ, а затѣмъ опять Подляшье отталкивается отъ православія, а Холмщина въ большей части остается вѣрной ему. Какъ хотите, но тутъ что нибудь да не такъ.

Есть въ этой главѣ много другихъ недомолвокъ, неясностей, упущеній, и всѣ они, кажется, являются послѣдствіемъ односторонности источника, изъ котораго авторъ черпалъ свои свѣдѣнія, а быть можетъ и желанія подогнать факты къ благополучному разрѣшенію уніатскаго вопроса. Ни однимъ напр. словомъ не упомянуто о выдающейся въ семъ дѣлѣ роли бывшаго сѣдлецкаго губернатора, извѣстнаго С. С. Громеки, безъ объясненія способа дѣйствій котораго останется непонятною вся исторія подляскихъ волненій и неожиданная развязка ихъ и всего уніатскаго дѣла. Не отмѣчена вовсе двойственная дѣятельность временно управлявшаго холмскою епархіею протоіерея Войцицкаго, невыяснена такая же политика епископа Куземскаго. Воздано должное широкой и энергической дѣятельоости князя Черкаскаго, но упущены изъ виду характер-

ныя ея черты: нѣкоторая искусственность въ его дѣйствіяхъ, недостатокъ прямоты, иногда, какъ это ни странно, даже просто рѣшительности; такія черты особенно отразились въ дѣлѣ замѣщенія холмской епископской каѳедры дѣйствительнымъ, а не номинальнымъ епископомъ, въ дѣлѣ введенія русской проповѣди въ уніатскихъ церквахъ и русскаго преподаванія въ уніатской холмской семинаріи, даже въ такомъ незначительномъ по видимому дѣлѣ, какъ учрежденіе въ Холмѣ женскаго 6-ти класснаго училища, инниціативу котораго авторъ совершенно напрасно приписываетъ тому же князю. Все это частности, мелочи въ сложномъ и великой важности дѣлѣ; но безъ нихъ остается непонятнымъ многое какъ въ общемъ ходѣ его, такъ и въ дѣйствіяхъ оппозиціи. Очевидно, что одни оффиціальныя бумаги не обнимаютъ всѣхъ сторонъ дѣла и не исчерпываютъ его. Надо ждать частныхъ записокъ, воспоминаній, переписки неоффиціальной, но для этого не настала еще пора.

Скажемъ въ заключеніе еще объ одной сторонѣ разсматриваемаго изданія. Оно богато иллюстрировано: въ немъ двѣ хромо-литографіи и 45 гравюръ, дающихъ изображенія древнѣйшей мѣстной святыни и историческихъ дѣятелей, имѣющихъ отношеніе къ холмско-подляскому краю, а также карта люблинской и сѣдлецкой губерній съ обозначеніемъ границъ XIII в. входившихъ въ составъ ихъ земель. Мы остановимся на одной изъ этихъ иллюстрацій, именно хромолитографированномъ изображеніи св. равноапостольнаго князя Владиміра, представляющемъ копію съ древнѣйшей будто бы фрески успенскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ. Позволяемъ себѣ сказать, что этой фрески нельзя признать изображеніемъ св. Владиміра и на это имѣемъ достаточныя причины.

Изображеніе это, открытое недавно подъ слоями побѣлки въ владимірскомъ успенскомъ соборѣ, созданномъ въ 1158 году в. кн. Андреемъ Юрьевичемъ Боголюбскимъ, признается въ книгѣ „Холмская Русь“ современнымъ построенію этого храма. Этотъ храмъ дѣйствительно былъ росписанъ живописью при Андреѣ Боголюбскомъ и конечно фресковою, греческою. Но извѣстно изъ лѣтописей, что въ 1185 году онъ страшно потерпѣлъ отъ пожара, при чемъ погибли всѣ его украшенія, дорогіе сосуды, паникадила, иконы въ окладахъ, оксамиты и княжескія одежды, изъ коихъ нѣкоторыя хранились на хорахъ. Послѣ сего братъ Андрея, Всеволодъ Юрьевичъ, возобновляя владимірскій успенскій соборъ, сильно измѣнилъ его, расширивъ пристройкой 3-хъ стѣнъ съ 3-хъ сторонъ храма и надстроивъ 4 купола вокругъ бывшаго доселѣ одного. Въ 1238 году, по взятіи г. Владиміра, татары, чтобы погубить княжеское семейство, запершееся въ успенскомъ соборѣ съ епископомъ Митрофаномъ на хорахъ, произвели въ немъ новый пожаръ, зажегши нанесенный внутрь

его въ большомъ количествѣ хворостъ. Въ послѣдствіи времени, хотя и неизвѣстно когда именно, въ этомъ соборѣ, для его расширенія и лучшаго освѣщенія, выломаны преобразователями три стѣны Андрея Боголюбскаго и хоры. При такихъ огненныхъ бѣдствіяхъ, постигшихъ владимірскій успенскій соборъ и при двукратномъ его преобразованіи, безъ сомнѣнія не много могло уцѣлѣть въ немъ изъ фресковой иконописи князя Андрея, и даже изъ иконописи князя Всеволода, а вмѣсто ихъ, впослѣдствіи конечно, могла и должна была явиться новая иконопись русской суздальской школы. Что касается въ частности такъ называемаго изображенія св. Владиміра, то, хотя намъ неизвѣстно, фресковое ли оно, или воспроизведенное масляными красками, мы не можемъ отнести его къ XII вѣку. Тутъ во 1-хъ у князя въ рукѣ крестъ восьми-конечный, а не четверо-конечный, между тѣмъ восьми-конечные кресты не были извѣстны у насъ въ Россіи до XVI в., а на Востокѣ нѣтъ ихъ и понынѣ; во 2-хъ у него борода длинная, клинообразная, и волосы расчесаны по великорусскому, а не малорусскому манеру; а на извѣстныхъ древнихъ изображеніяхъ Владиміра, именно: въ спискѣ сказанія XIV вѣка о св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ, въ новгородской Ѳедоровской церкви 1369 г. и на владиміровскихъ монетахъ, кн. Владиміръ изображенъ съ круглою бородой, въ Ѳедоровской же церкви и на монетахъ, кромѣ того, и съ семи-конечнымъ крестомъ въ правой рукѣ; въ 3-хъ вѣнецъ на головѣ князя не сходенъ съ вѣнцами Владиміра на его монетахъ; въ 4-хъ въ XII вѣкѣ Владиміръ еще не былъ внесенъ въ число святыхъ; въ числѣ ихъ имя его въ первый разъ встрѣчается въ половинѣ XIII в., а потому ни при Андреѣ, ни при Всеволодѣ Юрьевичахъ онъ не могъ быть изображенъ въ владимірскомъ успенскомъ соборѣ на лицевой сторонѣ алтарнаго столба, гдѣ открыто будто бы его изображеніе. Полагаемъ, что приложенное къ книгѣ „Холмская Русь» изображеніе князя есть произведеніе XVI или XVII вѣка и представляетъ, по всей вѣроятности, Андрея Боголюбскаго, создателя успенскаго собора. Къ этой догадкѣ слѣдуетъ обратиться тѣмъ болѣе, что надпись при образѣ не сохранилась, а противъ столба, на которомъ онъ написанъ, почиваютъ въ ракѣ мощи св. князя Андрея Боголюбскаго, который, какъ мученикъ, могъ быть изображенъ съ крестомъ, а какъ воинственный князь, и съ мечемъ.

Всѣ затѣмъ рисунки, помѣщенные въ разсматриваемой книгѣ, сдѣланы весьма отчетливо и искусно; поясненія къ нимъ М. И. Городецкаго, очень сжатыя и весьма содержательныя, заслуживаютъ особой похвалы. Книга снабжена, сверхъ всего, алфавитнымъ указателемъ встрѣчающихся въ ней личныхъ именъ.

Остается сдѣлать еще одно замѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ этого изданія въ слѣдъ за разсказомъ о возсоединеніи уніатовъ

помѣщены біографія издателя П. И. Батюшкова и его портретъ, въ другихъ ни біографіи, ни портрета нѣтъ. Почему бы это? Экземпляры перваго рода напечатаны на бумагѣ плохаго достоинства, но стоютъ не дорого, всего 1 р. 50 к. за экземпляръ.

К. Цыбульскій.

Историческая записка о злотопольской гимназіи, составленная ко дню 50-лѣтняго юбилея ея въ августѣ мѣсяцѣ 1887 г. инспекторомъ А. Андріевскимъ. Кіевъ, 1887 г.

Дѣло народнаго образованія пережило и переживаетъ у насъ столько рѣшительныхъ перемѣнъ, что полувѣковой періодъ составляетъ уже цѣлую эпоху и даже нѣсколько эпохъ въ жизни учебнаго заведенія и по справедливости можетъ послужить интереснымъ и поучительнымъ предметомъ изученія для историка. Авторъ названнаго выше труда, получившій ранѣе извѣстность своими сборниками матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, и въ новомъ своемъ трудѣ отнесся къ дѣлу съ болѣе широкими задачами, чѣмъ это принято обычно въ «историческихъ запискахъ» объ учебныхъ заведеніяхъ; правда, очеркъ его не полонъ, что объясняется недостаткомъ времени, которымъ располагалъ г. Андріевскій для составленія его, но и въ настоящемъ видѣ „записка“ заключаетъ нѣкоторый матеріалъ для бытовой исторіи просвѣщенія на югѣ Россіи. Подѣлимся съ читателями существенными подробностями содержанія «записки».

Злотопольская гимназія возникла изъ существовавшаго тамъ ранѣе уѣзднаго дворянскаго училища, помѣщеніе для котораго, при его открытіи, пожертвовано и приспособлено владѣльцами имѣнія, братьями П. Ѳ. и А. Ѳ. Лопухиными. Ранѣе открытія этого училища существовалъ въ Злотополѣ частный мужской пансіонъ, учрежденный въ 1830 г. иностранцемъ Л. Вильетти и подготовлявшій къ поступленію не только въ гимназію, но и въ высшія учебныя заведенія; ученики этого пансіона распредѣлены были по тремъ классамъ училища, а пансіонъ Вильетти, въ которомъ они продолжали жить, подчиненъ смотрителю. Въ качествѣ приготовительнаго класса къ уѣздному дворянскому училищу открыто было приходское училище, въ домѣ, пожертвованномъ Лопухиными-же. Первый годъ вызвалъ служащихъ въ училищѣ къ усиленной дѣятельности по устроенію не только матеріальной и учебной части, но и воспитательной, по части надзора за воспитанниками, помѣщавшимися на квартирахъ, указанныхъ училищнымъ начальствомъ. Для этой цѣли существовали надзиратели, которымъ смотритель составилъ инструкцію;

учителямъ онъ также предписалъ соблюдать очередь въ надзорѣ за учениками. Вскорѣ послѣ открытія училища, признано было полезнымъ учредить при немъ благородный пансіонъ. Въ училищѣ преподавались: законъ Божій, русскій языкъ, математика, два новыхъ иностранныхъ языка и латинскій языкъ. По замѣчанію дирнктора училищъ кіевской губерніи Богородскаго, ревизовавшаго злотопольское училище въ 1840 году, занятія латинскимъ языкомъ, не смотря на опытность и трудолюбіе учнтеля, давали результаты плохіе: „большая часть учениковъ, писалъ онъ, зараженная ложнымъ мнѣніемъ, къ сожалѣнію, распространяемымъ нѣкоторыми изъ учителей, считаетъ этотъ предметъ не нужнымъ и безполезнымъ, а потому занимается мало и не оказываетъ достаточныхъ успѣховъ". Для недостаточныхъ учениковъ учреждены были общія квартиры, съ платою отъ 60 до 100 р. въ годъ. Въ 1857 году предостовлено было на волю родителей помѣщеніе дѣтей на общей квартирѣ или у частныхъ лицъ. Съ 60-хъ годовъ пробуждается особое рвеніе къ образованію среди еврейскаго населенія, и смотритель училища Сторожевскій признавалъ «огромное» и благотворное значеніе этого факта для улучшенія общественнаго быта мѣстныхъ евреевъ. Въ это же время въ педагогическомъ совѣтѣ начали подыматься и обсуждались разнаго рода педагогическіе вопросы, съ занесеніемъ разсужденій въ протоколы. Подъемъ умственной жизни въ педагогической карпораціи сказался и въ заботахъ о библіотекѣ. Въ 1861 году вдова статск. сов. Варвара Затлеръ жертвуетъ училищу свою библіотеку въ тысячу томовъ; имѣлось даже въ виду основать при училищѣ публичную библіотеку. Въ 1865 году совѣтъ началъ ходатайствовать о заведеніи ученической библіотеки. Любопытенъ напечатанный въ приложеніи къ «запискѣ» докладъ библіотекаря Чернявскаго о нуждахъ библіотеки. Указывая, между прочимъ, на скудость отдѣла естественной исторіи, онъ говоритъ: «можетъ быть, на это мнѣ скажутъ, что заведеніе наше, какъ общеобразовательное, не имѣющее въ виду никакой спеціальности, чуждое всякаго реализма, не должно, или, по крайней мѣрѣ, не имѣетъ необходимости заботиться объ обогащеніи себя сочиненіями спеціальнаго направленія. Не стану разбирать здѣсь, какой путь—классическій или реальный способенъ болѣе развить духовныя силы ребенка; споръ объ этомъ давно ведется европейскими учеными и до сихъ поръ не рѣшенъ, кажется, окончательно. Я хочу только сказать, что подобныя сочиненія съ популярнымъ, доступнымъ для неспеціалиста наставника, изложеніемъ, могли бы оживить, оразнообразить и придать болѣе занимательиости преподаванію каждаго предмета и въ тоже время служить матеріаломъ для домашняго чтенія воспитанниковъ".

Въ 1868 году училище преобразовано въ 4-классную прогимназію и плата за ученіе увеличена до 15 р., а съ 1883 г. до 40 р.; параллельно съ этимъ и плата за содержаніе въ пасіонѣ возрасла съ 150 р. Въ 1882 г. злотопольская прогимназія преобразована въ 6-классную. Въ 1881 году отставной поручикъ Н. А. Цвѣтковъ и почетный гражданинъ Л. И. Бродскій пожертвовали каждый по 30 тысячъ рублей на преобразованіе ея въ полную гимназію, на что и послѣдовало Высочайшее повелѣніе въ 1885 г.

В. П.

Матеріалы для исторіи воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскіе акты. Изданіе воронежскаго статистическаго комитета. Т. I. Воронежъ. 1887 г.

Въ ряду другихъ губернскихъ городовъ Воронежъ издавна выдавался превосходствомъ своей интеллигенціи и ея дѣятельностью на пользу науки и просвѣщенія. Кромѣ знаменитаго историка и богослова, ученѣйшаго человѣка своего времени и плодотворнаго писателя, митрополита кіевскаго Евгенія Болховитинова, Воронежъ далъ двухъ поэтовъ, Кольцова и Никитина, и нѣсколько другихъ дѣятелей на поприщѣ науки и литературы. Еще въ началѣ 50-хъ годовъ тутъ работали надъ собираніемъ и изданіемъ историческихъ матеріаловъ два совѣтника губернскаго правленія, Н. Второвъ и К. Александровъ-Дольникъ, отыскавшіе и вытянувшіе изъ грязи постоялаго двора И. С. Никитина. Кромѣ Губернскихъ и Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ Воронежѣ издавались и издаются уже свыше 25 лѣтъ Филологическія Записки, а теперь и Воронежскій Телеграфъ. Недавній трехъсотлѣтній юбилей Воронежа обогатилъ отечественную литературу нѣсколькими новыми изданіями, о которыхъ мы говорили въ свое время, преимущественно по части мѣстной исторіи, этнографіи и статистики. Нынѣ предъ нами первый огромный томъ, свыше 400 страницъ, историческихъ матеріаловъ, трудъ г. А. Вейнберга и г-жи А. Полторацкой, членовъ мѣстнаго статистическаго комитета, на средства его изданный.

Происхожденіе этого тома, какъ видно изъ предисловія къ нему, таково. Въ теченіи 1885—1886 годовъ въ Воронежѣ велась такая же почти работа, какую велъ въ Кіевѣ бывшій редакторъ неофиціальной части Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей г. Андріевскій, издавшій въ короткое врема 10 выпусковъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, съ содержаніемъ которыхъ мы въ

свое время знакомили читателей, т. е. издавались такіе же мѣстные матеріалы, съ такимъ же заглавіемъ и также въ 10 выпускахъ. Воронежскіе издатели, какъ и кіевскій, старались этимъ способомъ спасти отъ гибели акты разрозненные, истлѣвавшіе; разница только въ томъ, что г. Андріевскій дѣлалъ какой то выборъ изъ архивнаго хлама, раздѣляя акты на интересные и не интересные, съ его, конечно, точки зрѣнія и печаталъ только первые, притомъ съ сокращеніями, когда помѣщалось цѣлое *дѣло*, но сортируя дѣла и акты по предметамъ, а издатели воронежскіе посредствомъ печати спасали все истлѣвавшее и, какъ сами сознаются, «помѣстили нѣсколько документовъ мало интересныхъ и частію тождественныхъ по содержанію». Теперь они сдѣлали выборъ, по ихъ словамъ, «найболѣе интересныхъ документовъ изъ числа напечатанныхъ и вновь подобранныхъ и издали ихъ отдѣльною книгою съ соблюденіемъ хронологическаго порядка».

Изданные акты самаго разнообразнаго содержанія и точно систематизировать ихъ въ настоящемъ видѣ не представляется никакой почти возможности; касаются они болѣе или менѣе заселенія воронежскихъ степей въ XVII и XVIII ст., устроенія городовъ, положенія первыхъ поселенцевъ—острогожскихъ козаковъ, ихъ сторожевой и походной службы, притѣсненій козаковъ воеводами и разными служилыми людьми, разбоевъ донскихъ казаковъ, бунта Стеньки Разина, построенія судовъ на рѣкѣ Воронежѣ и крѣпостныхъ башенъ въ городѣ Воронежѣ, надѣленія монастырей и частныхъ лицъ землями, аграрной борьбы между первоосѣдлыми «черкасами» и пришлымъ великорусскимъ людомъ, быта колодниковъ и пр. и пр. Всѣхъ актовъ 301, а раздѣлены они на два отдѣла: 1. Царскія грамоты и 2. Разные документы (sic!). Къ нимъ приложены указатели: предметный, личныхъ и географическихъ именъ, городищъ и кургановъ, разсѣяныхъ по воронежской губерніи и наконецъ объясненіе старинныхъ непонятныхъ словъ и словъ иностранныхъ; въ концѣ книги карта воронежскаго края въ XVII ст.

Изъ этого общаго обзора воронежскихъ актовъ видно, что въ массѣ ихъ есть не мало матеріаловъ, относящихся къ исторіи южной Руси; но матеріалы эти рѣдко являются въ видѣ цѣльныхъ документовъ, а разбросаны въ нихъ, какъ случайныя упоминанія и найти ихъ можно лишь съ помощью систематическаго указателя предметовъ, гдѣ они отмѣчены подъ рубриками: *Черкасы*, *Запороги*, *Польша и Литва*. Въ одномъ изъ документовъ находимъ перечисленіе сотень острогожскаго полка, именно: острогожская, ольшанская, усердская, короченская, палятовская, едидовищенская, землянская и ливенская, что даетъ понятіе о районѣ олка и территоріи, имъ занятой.

Нельзя не отдать полной справедливости усердiю редактировавшихъ настоящiй сборникъ; ими сдѣлано, кажется, все, что только могли они могли придумать для облегченiя пользованiя ихъ изданiемъ: тутъ всевозможныя замѣчанiя и объясненiя, указатели, снимки, карта, обозначенiя датъ, печатей номеровъ, страницъ и пр. и пр. И при всемъ томъ занимающемуся исторiею справляться съ этою громадою матерiала трудно, а не посвященный въ архивную работу и просто отстранится отъ нея. Сами издатели, не смотря на массу потраченнаго ими труда, чувствовали, что въ работѣ ихъ не безъ недостатковъ и „не снисхожденiя къ нимъ просятъ, а лишь откровеннаго указанiя на нихъ".

Именно въ виду этого откровеннаго обращенiя издателей, дѣлающаго имъ особую честь, мы позволимъ себѣ, минуя частности и мелочи, указать на одинъ главный и существенный недостатокъ въ ихъ почтенномъ трудѣ, безъ котораго невозможно устраненiе другихъ, именно отсутствiе въ подборѣ актовъ основной, руководящей мысли, своего рода системы, иначе предметнаго ихъ *подбора,* а не распредѣленiя ихъ по предметамъ, когда подборъ уже сдѣланъ по шаткому и субъективному критерiю большаго или меньшаго интереса. Ужъ если издатели послѣ напечатанiя актовъ додумались до необходимости приложить къ нимъ систематическiй указатель предметовъ, въ нихъ заключающихся, то ничего не стоило имъ эту самую предметность, иначе однородность главнаго содержанiя актовъ, положить въ основу ихъ подбора. Тогда особо подбирались бы акты напр. относительно колонизацiи, пожалованiй землями, построенiя церквей и пр., и особо акты, касающiяся острогожскихъ и иныхъ козаковъ, особо опять документы къ бунту Стеньки Разина, кораблестроительнаго дѣла и пр. и пр. Каждая группа такихъ актовъ, при большомъ ихъ числѣ, могла бы составить особый томъ, и томы могли бы чередоваться, и въ каждомъ томѣ была бы своя хронологiя, но, что всего важнѣе, каждый томъ давалъ бы извѣстное число документовъ, уясняющихъ одну какую либо сторону въ минувшей жизни края и на основанiи ихъ, а также съ помощiю печатныхъ источниковъ и общихъ свѣдѣнiй, можно было бы уяснять эту сторону въ передовой статьѣ, давая руководящую нить къ уразумѣнiю и изученiю актовъ всѣмъ, кто захотѣлъ бы заняться ими. Издаваемый матерiалъ входилъ бы тогда въ науку въ правильно разсортированномъ и даже обработанномъ видѣ, и не нужны были бы тогда многiя къ нему мелкiя поясненiя и большаго труда стоющiй систематическiй указатель. Тогда не мыслимо было бы такое странное и вносящее путаницу дѣленiе, какое встрѣчаемъ въ настоящемъ томѣ актовъ: 1. Царскiя грамоты и 2. Разные документы. Тогда наконецъ легче было бы и издателямъ и читателямъ уяснять не

только смыслъ, но и текстъ отрывочныхъ, искаженныхъ или испортившихся отъ времени актовъ.

Очень рады будемъ, если это общее указаніе наше пригодится въ дальнѣйшихъ работахъ воронежскимъ архивистамъ, обнаружившимъ и въ настоящемъ томѣ большую тщательность и усердіе къ пользѣ отечественной исторіи.

Т. Шнейдеръ.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

Мимолетное знакомство мое съ Т. Гр. Шевченкомъ и мои объ немъ воспоминанія.

Т. Гр. Шевченко ближайшій мнѣ землякъ. Село Кириловка, въ которомъ онъ родился и провелъ юные годы, всего въ семи верстахъ отъ мѣста моего рожденія, села Зеленой или по-письменному, Зеленой Дубровы; а въ нашемъ селѣ, на искосокъ чрезъ улицу отъ насъ, рядомъ со *школой*, жила родная старшая сестра поэта, Катерина, по мужу Красицкая, у которой онъ въ дѣтствѣ по долгу проживалъ. Не смотря на это, узнать Тараса пришлось мнѣ не скоро, а познакомиться съ нимъ довелось лишь не задолго до его смерти, и то на короткое время, такъ сказать, мимолетомъ.

Какъ, однако, ни кратковременно было мое знакомство съ нимъ, но и тѣ немногія воспоминанія объ немъ, которыя я хочу здѣсь изложить, не лишены будутъ интереса для почитателей памяти славнаго поэта и пригодятся, быть можетъ, хотя какою-либо чертою для будущихъ его біографовъ.

Имя Тараса стало извѣстно мнѣ съ юношескихъ моихъ лѣтъ по упоминаніямъ объ немъ въ нашей семьѣ, относящимся къ той главнымъ образомъ порѣ его жизни, когда къ его христіанскому имени не прикладывалось еще никакого другаго, кромѣ имени *хлопця* и *погонича*, когда онъ, не окончивъ ученія ни въ школѣ дьячка Петра Богорскаго, ни у хиромантика-діакона с. Майдановки, жилъ нѣсколько лѣтъ, въ неопредѣленномъ положеніи не то най-

мита, не то пріемыша, у священника с. Кириловки о. Григорія Кошица. Семья этого сосѣда была въ ближайшемъ знакомствѣ съ нами и если, напр., пріѣзжалъ къ намъ въ гости о. Григорій съ своею супругою Ксеніею Прокопіевною, то широкохвостою буланою ихъ кобылою по большей части правилъ Тарасъ, будущій украинскій поэтъ, и онъ же продовольствовалъ ее въ нашей конюшнѣ и водилъ на водопой до «Нечитайлового ставка». На той же одинокой кобылѣ доставлялъ онъ сына о. Григорія Яся къ ученію въ Богуславъ и потомъ въ Кіевъ, а иногда возилъ сливы, яблоки или дыни на продажу въ сосѣднія мѣстечка Бурты и Шполу, совершая каждый разъ переѣздъ чрезъ наше село. Въ одинъ изъ такихъ переѣздовъ Тараса и Яся на Нечитайловомъ мостку «спиткала лиха година»: возъ ли, или мостокъ подломился, не помню, но только сливы высыпались изъ воза въ такой ставокъ, въ которомъ курицѣ утонуть было нельзя, но и вылѣзть изъ него трудно. Прибѣгали они къ намъ просить «поратунку», как выражалась матушка Ксенія Прокопіевна, и долго вытаскивали сливы изъ болота и полоскали ихъ въ болотной же водѣ. Сколько помнится, торговая эта экспедиція вышла неудачною: такъ называемыя *раннія* сливы не выдержали далекаго переѣзда и какъ они оказались, кромѣ того, въ болотѣ, то и цѣна имъ была грошъ. Тарасу и Ясю досталось, кажется, на бублики отъ разсчетливаго, даже нѣсколько скупаго и взыскательнаго о. Григорія, хотя общественное мнѣніе околотка винило именно его за то, что онъ вздумалъ транспортировать въ далекую дорогу столь нѣжный продуктъ, и даже сама матушка Ксенія Прокопіевна не одобряла по существу столь смѣлаго и рискованнаго проэкта своего «господинка», выставляя въ доводъ о раннихъ сливахъ то, что Богъ родитъ ихъ «на всякого долю» и что добрые люди отдаютъ ихъ за *спасыби*, а излишекъ предоставляютъ даже на потребленіе собакамъ и свиньямъ. Но о. Григорій тѣмъ и былъ оригиналенъ, что чужихъ доводовъ, а тѣмъ болѣе доводовъ своего *подружія*, не признавалъ, смотрѣлъ вообще на вещи философски или же съ точки зрѣнія экономической.

Приходилось ли мнѣ видѣть когда-либо Шевченка въ этомъ первобытномъ приниженномъ состояніи, никакъ припомнить не могу; не могу также опредѣленно сказать, какова была жизнь Тараса у о. Григорія, какъ долго и на какихъ условіяхъ онъ жилъ у него. Первоначально,

по малому возрасту, былъ онъ *креденсовымъ* (буфетчикомъ), какъ говорили въ шутку, т. е. чистилъ и пряталъ въ шкафъ ножи и вилки, перемывалъ тарелки и ложки, топилъ «грубку въ покояхъ», состоялъ на мелкихъ посылкахъ по селу и въ поле, по вечерамъ повторялъ псалтырь и читалъ житія святыхъ, въ досужіе часы рисовалъ углемъ на коморѣ и стайнѣ пѣтуховъ, людей, церковь, даже и кіевскую *дзвиныцю*, а за тѣмъ его стали употреблять и на всѣ другія хозяйственныя и полевыя работы и даже на самостоятельныя и отвѣтственныя поѣздки съ Ясемъ въ школы и на ярмарки. Получалъ ли Тарасъ за свой трудъ и услуги какую-либо плату, не знаю; думаю, что сначала, будучи еще хлопцемъ, онъ не имѣлъ никакого денежнаго вознагражденія, какъ сирота, котораго надо было одѣть и прокормить, и какъ не пріученный еще и малоспособный къ работѣ. И впослѣдствіи наемная плата его не могла быть сколько-нибудь значительна: въ тѣ годы дюжій парубокъ на хозяйской одежѣ получалъ 15—20 руб. асс. въ годъ, а мальчикъ лѣтъ 16-ти, съ шуточнымъ названіемъ «креденсового», служилъ у насъ приблизительно въ тоже время за три рубля асс. въ годъ.

Зная близко священника Кошица и его жену, можно безошибочно утверждать, что по тогдашнему крестьянскому быту подроставшій Тарасъ нигдѣ не могъ бы найти лучшаго пріюта, какъ въ домѣ приходскаго батюшки, и что жизнь его здѣсь (а онъ жилъ, полагать надо, не меньше 3 лѣтъ) была гораздо удобнѣе и безпечальнѣе, чѣмъ жизнь другихъ, даже хозяйскихъ сыновей его возраста. О. Григорій былъ хорошій распорядительный хозяинъ и если былъ строгъ и взыскателенъ, то конечно больше на словахъ, ибо о тѣхъ наказаніяхъ и истязаніяхъ, какимъ подвергались неисправные и лѣнивые работники на панщинѣ, тутъ не могло быть и рѣчи; что же касается самой матушки, то это была идеальная женщина по необычайной добротѣ, кротости, снисходительности, заботливости и попечительности обо всемъ и обо всѣхъ. У такой хозяйки рабочимъ не могло быть плохаго житья, а по части кормленія имъ могли завидовать и хозяйскія дѣти. Непосильнымъ трудомъ своей прислуги священники никогда не обременяли, но и праздно сидѣть у нихъ не приходилось, такъ какъ хозяйство ихъ было обширнѣе крестьянскаго и въ немъ заключался главный источникъ ихъ содержанія. И въ

нравственномъ отношеніи здѣсь было больше выдержки, порядка жизни и охраны отъ всякой гульбы и соблазновъ. Можно съ полною увѣренностью допускать, что лучшія нравственныя свои воззрѣнія и идеалы нашъ поэтъ вынесъ отсюда и обязанъ ими боголюбивой, истино-христіанской душѣ своей матушки и ея сострадательности и любви ко всѣмъ страждущимъ и угнетеннымъ. Тѣмъ болѣе удивительно, что покойный Тарасъ Григорьевичъ, обязанный быть можетъ, лучшими годами своей жизни о. Григорію Кошицу и его женѣ, ни однимъ словомъ не обмолвился объ нихъ ни въ своей автобіографіи, ни въ послѣдующихъ бесѣдахъ со мною, когда казалось, не было болѣе подходящаго предмета для разговора, какъ эта жизнь у людей, столь близко извѣстныхъ намъ обоимъ. Почему? Не потому ли, что вообще онъ не любилъ обращаться воспоминаніями къ своей сиротской приниженной жизни? Не вспоминалъ онъ и о своей старшей сестрѣ Катеринѣ, въ противуположность Яринѣ, которую печатно величалъ великомученицею. Ее, т. е. старшую сестру Тараса, звали у насъ «Катрею гугнявою», потому что она отъ природы или отъ болѣзни какой гнусила. Послѣ того, какъ Тарасъ не задолго до ссылки своей побывалъ на родинѣ и у нея, Катри, она, вспоминая его дѣтство, разсказывала матери моей о его блуканьѣ въ дѣтскіе годы изъ Кириловки въ Зелену, т. е. отъ отчима къ старшей сестрѣ и обратно. «Приблудою ёго, матушечко, звали, ей-Богу. Було оце й не видно, якъ воно рипъ и ввійде тыхенько до хаты, сяде соби на лави та все мовчить. Ничого въ свити у ёго не допытаешся: чи ёго прогнали видтиля, чи ёго били, чи ести ёму не давали. Було манивцями ходыть, геть по пидъ дибровою, та черезъ Гарбузивъ яръ, та черезъ левады, та мбгилками. И якъ прийшло разъ воно, то такъ впало грудочкою и заснуло на лави, а я якъ загляну ёму въ голову, ажъ у ёго, пробачайте, матушечко, въ голови... якъ у свинячому стегни... Эге, отаке було, а дали выстербало... Нихто й не сподивався зъ ёго чоловика».

Отъ времени этого посѣщенія остались у меня въ памяти два обстоятельства. Разсказывали, что при выѣздѣ изъ Кириловки Тараса провожала его родня за село и остановились всей гурьбой у корчмы, стоявшей на самомъ выѣздѣ у царины. Вошли въ корчму, усѣлись вокругъ стола, потребовали водки и стали угощаться на прощанье. А жидъ-арендарь снуетъ все по корчмѣ, или торчитъ

передъ ними, пренебрежительно посматривая на подгулявшую компанію. Тарасъ въ свою очередь сталъ пристально смотрѣть на жида. Жидъ былъ въ полномъ старомодномъ своемъ костюмѣ: съ пейсами, въ ермолкѣ, въ лапсердакѣ и въ патинкахъ, тогда какъ именно предъ тѣмъ Высочайшимъ указомъ воспрещено было носить такой костюмъ, брить головы и носить пейсы. Подгулявшій Тарасъ прошелся прежде съ злою ироніею на счетъ жидовскаго костюма и напомнилъ о царскомъ указѣ, воспрещавшемъ носить такіе костюмы. Богатый и зазнавшійся арендарь, которому наглядно тутъ представлялось невысокое происхожденіе Шевченка, отвѣчалъ съ презрѣніемъ и наглостію, что ему дѣла нѣтъ до его костюма и указа и чтобы онъ «глядѣлъ своего носа». Тарасъ уже съ большею рѣзкостью и приправою крѣпкихъ словъ продолжалъ на счетъ кровопійства жидовъ и того, какъ арендарь за проценты у пана беретъ людей на работу. Арендарь расхарахорился, погрозилъ паномъ, полиціею, добавилъ нѣсколько непочтительныхъ выраженій въ родѣ: «ну, ты швыня, мужикъ, сто цортивъ въ твою голову». Тарасъ не выдержалъ и крикнулъ своимъ родичамъ: «хлопцы! а простягнить, лишень, сего невиру на воздусяхъ та всыпьте ему гарячихъ». Хлопцы, во главѣ которыхъ былъ рослый широкоплечій Микита, родной братъ Тараса, мигомъ протянули мизернаго арендаря и отхлестали его на всѣ бока. Жидовки и жиденята подняли гвалтъ; но пока дали знать пану эконому, Тарасъ уѣхалъ въ Зелену до Катри. Дорога пролегала мимо Боровиковаго хутора и стоявшей подъ лѣсомъ ветхой корчмы, гдѣ лѣтъ за 80 предъ тѣмъ, по воспѣтому Тарасомъ въ «Гайдамакахъ» живому преданію, подобный же Іуда-кровопійца, расплачиваясь за свои грѣхи предъ народомъ, подъ звуки музыки, подъ ударами нагаекъ конфедератовъ, выдѣлывалъ уморительный свой танецъ, характерно очерченный словами пѣсни:

Передъ паномъ Хведоромъ,
Ходыть жидъ передомъ.
Передъ паномъ Хведоркомъ
И задкомъ й передкомъ,
Ходыть жидъ, ходыть.

Въ этотъ единственный разъ Тарасъ Григорьевичъ былъ у насъ въ домѣ; но меня въ ту пору не было тамъ и мнѣ не пришлось тогда выдѣть его, о чемъ я, конечно, много жалѣлъ.

Провожалъ его отъ насъ въ ближайшее село Княжу на почтовую станцію одинъ изъ старшихъ моихъ братьевъ. Пора была вечерняя; на пути лежалъ густой, лиственный лѣсъ *довжокъ*, съ версту шириною. Когда въѣхали мы въ лѣсъ, разсказывалъ мнѣ братъ, стало совсѣмъ темно. Я ѣхалъ съ Шевченкомъ, позади слѣдовалъ братъ его Никита съ другимъ родичемъ. Вдругъ Тарасъ хватился своего кисета съ табакомъ и нигдѣ его не находитъ. Остановили лошадей, слѣзли съ брички и давай искать, присвѣчивая скоропотухавшими спичками. Никита, остановившись позади, нетерпѣливо ожидалъ конца нашихъ поисковъ, все спрашивая брата, что онъ потерялъ.

— Та яка тамъ згуба?–крикнулъ онъ еще разъ Тарасу.

— Та капшукъ зъ тютюномъ десь дився,–отвѣчалъ тотъ ему.

— Тьпфу!–откликнулся на это Микита,–катъ-зна що шукать, и крикнувъ родичу: «звертай», свернули съ дороги и умчались впередъ.

Традиціонная въ минувшемъ козачествѣ люлька преслѣдовалась теперь въ убогомъ крестьянствѣ, по крайней мѣрѣ, въ нашихъ сосѣднихъ селахъ, какъ праздная панская забава, нерѣдко опасная при частомъ и близкомъ обращеніи съ соломою. Вотъ отъ чего и Микита такъ презрительно отнесся къ привычкѣ брата къ табаку и его потерѣ. Коли ты не панъ, то не приходится тебѣ панскимъ прихотямъ предаваться,—такъ, конечно, разсуждалъ про себя Микита.

Куда уѣхалъ Тарасъ изъ Княжей, не помню. Родичамъ его пришлось потомъ расплачиваться за расправу съ жидомъ, учиненную по его вдохновенію. Ихъ забрали подъ арестъ, водили въ Ольшану къ управляющему и въ Звенигородку къ становому. Напрасно мечтали они, «що Тарасъ десь тамъ коло царя» и заступится за нихъ. Пришлось бы имъ плохо, если бы не выручилъ ихъ Варѳоломей Гр. Шевченко, вспоминавшій со мною недавно эту трагикомическую сцену, стоившую родственникамъ Тараса не одинъ десятокъ рублей въ видѣ гонорара жиду.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ этого Тарасъ Гр. Шевченко былъ уже арестованъ, а затѣмъ очутился въ ссылкѣ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Меня живо интересовала судьба незнакомаго земляка-поэта. Я прочелъ уже его «Гайдамаки», и «Катерину» и проникся величайшимъ уваженіемъ къ его таланту. Съ жадностью слушалъ я разсказы о его дѣтствѣ, ученіи, выкупѣ, о портретѣ генерала, проданномъ имъ на вывѣску и о его собствен-

номъ портретѣ въ солдатской одежѣ, присланномъ изъ ссылки какому-то пріятелю вмѣсто письма, въ отвѣтъ на вопросъ о житьѣ-бытьѣ, съ наслажденіемъ прочитывалъ ходившія по рукамъ его не напечатанныя стихотворенія. Кончилось мое ученье, Тарасова ссылка. Я побывалъ уже на службѣ, вдали отъ родныхъ, и успѣлъ перебраться въ родной мнѣ Кіевъ. Прочелъ, наконецъ, «Наймичку» и не повѣрилъ Кулишу въ его сочиненной исторіи о происхожденіи этой поэмы. Какая тутъ степная барышня! „Одури, Пантелимоне, того, въ кого носа нема",—думалъ я про себя, видя въ каждомъ словѣ «Наймички» не барышню, а усатаго Кобзаря.

Насталъ 1859 годъ. Въ каникулярное время я очутился почему-то въ Кіевѣ, а не у родныхъ; очутился здѣсь и Тарасъ Григорьевичъ, доставленный сюда подъ арестомъ черкасскимъ исправникомъ Табачниковымъ послѣ извѣстной катехизаціи съ зернами, произведенной Тарасомъ въ какой-то корчмѣ въ состояніи невмѣняемости. Грустная эта исторія могла бы, говорятъ, кончиться ничѣмъ, но тутъ примѣшалось будто бы личное самолюбіе исправника, не осторожно задѣтое Шевченкомъ. Исправникъ, видите-ли, любилъ въ часы досуга предаваться поэтическимъ изліяніямъ и когда Тарасъ былъ доставленъ къ нему, то онъ, послѣ распросовъ, успокоивъ его, накормилъ его даже обѣдомъ, а послѣ обѣда представилъ ему на судъ нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній, вынувъ ихъ изъ столика, у котораго они сидѣли. Тарасъ, прослушавъ одно или два стихотворенія и будучи, вѣроятно, въ состояніи нѣкотораго подпитія и веселаго настроенія, взялъ изъ рукъ исправника тетрадку его стиховъ, положилъ обратно въ ящикъ, изъ котораго они были вынуты и, заперши на ключь, выбросилъ ключь въ растворенное окно, давъ совѣтъ непризванному поэту не искать ключа. Обидѣвшійся исправникъ сказалъ что-то рѣзкое Шевченку; онъ отвѣтилъ тѣмъ же. Исправникъ въ старой стереотипной формѣ указалъ на свое служебное положеніе, Шевченко отвѣчалъ: «дурный ты зъ твоимъ».... Тогда исправникъ далъ мѣсто правосудію и раба Божія Тараса препроводили въ Кіевъ, а здѣсь посадили въ крѣпость. Пока подлежащія власти разбирали дѣло о неудачномъ гаданьи Тараса на зернь, его выпросилъ къ себѣ на поруки мой школьный товарищъ, священникъ Ефимъ Ботвиновскій, которому Н. С. Лѣсковъ въ своихъ «Печерскихъ антикахъ» посвятилъ нѣсколько страницъ.

Было 1-е августа, праздникъ происхожденія, точнѣе предхожденія или преднесенія честныхъ древъ Животворящаго Креста. На Подолѣ, въ церкви братскаго монастыря, служилъ литургію нынѣшній петербургскій, а тогда кіевскій митрополитъ Исидоръ, а оттуда совершалъ обычный крестный ходъ на Днѣпръ для освященія воды. Я пошелъ на церемонію и шелъ рядомъ съ процессіею. Тутъ подмигнулъ мнѣ шедшій въ процессіи о. Ефимъ. Я подошелъ къ нему, а онъ шепчетъ мнѣ: «тебе Тарасъ шукае». Гдѣ, что и какъ, спрашиваю я, не зная ничего предъидущаго, и о. Ефимъ передалъ мнѣ вкороткѣ всю исторію привезенія, какъ онъ выразился, «честныхъ мощей Тараса» въ Кіевъ и содержанія ихъ у него на порукахъ. Я выразилъ намѣреніе самолично въ тотъ же день отправиться на поклонъ къ великому поэту; но о. Ефимъ отклонилъ меня отъ этого. «Загулявъ,—говоритъ,—козакъ зъ горя та зъ печали. Десь тыняется по ярамъ та горамъ... Не ночуетъ даже иной разъ у меня; и сегодня нѣтъ его дома. Жди, пока самъ забредетъ къ тебѣ». Я прождалъ дня три; навѣдался самъ, но и хозяина дома не засталъ.

6-го августа, въ день Преображенія Господня, на Подолѣ случился большой пожаръ. Я пошелъ на пожарище почти въ сумерки и неожиданно встрѣтилъ тамъ о. Ефима; онъ тотъ часъ всадилъ меня на свой скотъ и препроводилъ къ себѣ на Старый Кіевъ для свиданія съ объявившимся Тарасомъ. У меня невольно забилось сердце при мысли о скоромъ свиданіи съ человѣкомъ, котораго я давно чтилъ въ душѣ за его несравненный талантъ; молодое воображеніе рисовало его въ какихъ-то причудливыхъ, необыкновенныхъ чертахъ; я думалъ о первой встрѣчѣ, первомъ привѣтствіи и, признаюсь, смущенъ былъ не мало, не зная, съ чего начать. Увы! скоро всѣ мечты разсѣялись, какъ дымъ, при видѣ глубоко-грустной картины: Тарасъ, котораго не оказалось въ комнатахъ, вскорѣ найденъ нами у воротъ въ преждевременномъ и отнюдь не непорочномъ снѣ.... Не скрываю этого скорбнаго факта, свидѣтельствующаго, какъ теперь мнѣ думается, не столько о вынесенной поэтомъ изъ крестьянской среды привычкѣ, усиленной послѣдующими тяжелыми испытаніями, сколько о той великой тугѣ отъ неудачнаго гаданья на зернь, которую онъ хотѣлъ залить, заохочиваемый, быть можетъ, развеселымъ хозяиномъ, который жилъ, столь же мало думая о вчерашнемъ, какъ и о завтрешнемъ днѣ. Указанное

обстоятельство нисколько, разумѣется, не уменьшило моего глубокаго уваженія къ поэту и сердечныхъ моихъ симпатій къ нему, но повергло меня въ неописанное смущеніе, въ которомъ я счелъ за лучшее удалиться въ комнаты. Не меньше моего, кажется, смущенъ былъ и Тарасъ Гр., когда, кое-какъ разбуженный о. Ефимомъ, вошелъ съ нимъ въ комнату и увидѣлъ меня. «Охъ, Зелена, Зелена!»—повторялъ онъ со вздохомъ, то глядя на меня, то опуская голову на грудь. Хотя радушный хозяинъ поспѣшилъ разшевелить насъ наливочкою, но разговориться на сей разъ мы никакъ уже не могли, и я скоро отправился къ себѣ на квартиру.

На другой день, часовъ въ 5-ть пополудни, Т. Гр. пришелъ ко мнѣ, и тутъ уже мы разговорились не по-вчерашнему. Съ первыхъ почти словъ онъ заговорилъ о задуманномъ тогда въ Петербургѣ изданіи «Основы», ея задачахъ и цѣляхъ, силахъ, способахъ и пр. Я въ свою очередь сообщилъ Т. Гр. о готовившемся у насъ періодическомъ изданіи, духовномъ и даже спеціальномъ, но съ мѣстнымъ историко-литературнымъ и церковно-проповѣдническимъ отдѣломъ, къ сожалѣнію, почти не тронутыми потомъ при выполненіи. Тарасъ Гр. отнесся къ нашему предпріятію съ величайшимъ сочувствіемъ и одобреніемъ, желалъ намъ полнаго успѣха, но въ то же время, указывая на свое петербургское изданіе, широкое и болѣе мѣстное по своей задачѣ, заохочивалъ меня къ участію въ немъ, просилъ указать другихъ, готовыхъ трудиться на этомъ поприщѣ. Трудно было мнѣ дать какой-либо удовлетворительный отвѣтъ на теплыя задушевныя слова земляка-поэта; никто въ нашемъ заколдованномъ кружкѣ не обмакивалъ еще пера для печати и самъ я ничего также не писалъ и не печаталъ, кромѣ одной маленькой статейки, случайно и безъ моего вѣдома попавшей въ томъ году въ „Русскую Бесѣду". Была, правда, у меня на сей разъ одна небольшая вещица, написанная мною по-малорусски, въ видѣ образчика, для поддержанія мѣстной идеи, которую я проводилъ въ программѣ нашего изданія, но, боясь судьбы стиховъ Табачникова, я не вдругъ и послѣ нѣкотораго насилія надъ собою рѣшился показать ее великому моему гостю. Онъ попросилъ меня прочесть и не успѣлъ я окончить, какъ онъ обѣими руками взялъ ее у меня изъ рукъ и, закладывая въ свой карманъ, сказалъ: «теперь хоть вы мени що, а вже я вамъ и до вику вичного не отдамъ». Такъ и не отдалъ онъ уже мнѣ

моего рукописанія, увезъ его съ собою въ Петербургъ, читалъ землякамъ, восторгался чистотою рѣчи, ея ритмомъ, речитативомъ, какъ говорилъ онъ мнѣ самъ, какъ писали мнѣ другіе. Онъ не могъ надивиться, какъ сохранилъ я, пройдя школу, такую чистую народную рѣчь, а меня удивляло самое это удивленіе. Вѣдь это таже родная рѣчь, которой научила насъ одна мать—зеленая дуброва, думалъ я, обращаясь мысленно къ поэту, давшему образцы безсмертной рѣчи; только владѣемъ мы ею не одинаково, ибо неодинаковыми талантами надѣлилъ насъ Богъ. Не много позже, когда съ изданіемъ «Основы» заговорили въ ней на разныхъ языкахъ подъ названіемъ малорусскаго, я понялъ причину удивленія Шевченка моей немудрой рѣчи.

Не помню, въ этотъ ли разъ, или при другомъ посѣщеніи, Тарасъ Гр. разсказывалъ мнѣ, въ какое недоумѣніе привели его присланныя ему П. А. Кулишемъ Нижній-Новгородъ извѣстныя «Оповиданя Марка Вовчка», снабженныя его предисловіемъ. «Сижу я, бачите, въ Нижнему та выглядаю того розрѣшенія (ѣхать въ Москву), якъ стара баба лита. Коли це присылае Пантелимонъ оти оповидання и такъ уже ихъ захваляе та просить, щобъ я ихъ прочитавъ и сказавъ свое слово. Я звычайно починаю зпершу, зъ передмовы. И двохъ стряничокъ не перечитавъ, згорнувъ тай кинувъ за лаву. Птьфу, кажу, хиба не видно Кулишевой работы. Лежали вони тамъ килька недиль. Коли знову пише до меня Кулишъ, нагадуе та просить, щобъ скорыше перечитавъ, або хоть такъ звернувъ. Тоди я роскрывъ по середыни и читаю. Э, кажу соби, це вже не Кулишева мова, и перечитавши до остатку, благословивъ обома руками».

Въ эти первые дни свиданія моего съ Тарасомъ Григорьевичемъ, онъ получилъ извѣстіе о томъ, что дѣло его приходитъ къ благополучному концу и что ему будетъ разрѣшено свободно отправиться, куда хочетъ. Тарасъ Гр. замѣтно повеселѣлъ и вскорѣ перешелъ на жительство отъ о. Ефима Ботвиновскаго къ фотографу Гудовскому, жившему на углу Мало-Житомірской улицы со стороны Крещатика. Тутъ мнѣ пришлось побывать у него еще раза два по особому его порученію. Просилъ онъ меня поискать, не найдется ли гдѣ въ Кіевѣ списка его поэмы «Иванъ Гусъ», просилъ также принести ему для прочета большую тетрадь малорусскихъ стихотво-

реній покойнаго нынѣ профессора К. Д. Думитрашка. Поиски за «Гусомъ» оказались совершенно безуспѣшными, а по поводу стихотвореній Думитрашка, которыя мы читали вмѣстѣ, онъ выразилъ сожалѣніе, что этотъ безспорно даровитый человѣкъ вздумалъ перекладывать стихами оригинальныя народныя легенды, причемъ совершенно утрачивался иногда натуральный ихъ букетъ. Гораздо большую услугу, говорилъ Тарасъ Гр., оказалъ бы наукѣ вашъ поэтъ, если бы записалъ дословно всѣ эти легенды и разсказы, какъ они живутъ въ устахъ народа.

Въ поискахъ за «Гусомъ» Шевченко припоминалъ нѣкоторыя мѣста изъ этой поэмы и мурлыкалъ ихъ про себя; но и то, что можно было разслышать, давно улетѣло изъ памяти моей. Помню, что, живши еще у о. Ефима Ботвиновскаго, онъ записалъ карандашемъ на клочкѣ бумаги слѣдующіе стихи изъ тирады о папѣ:

И на апостольськимъ престоли
Чернецъ годованый сыдыть.
Людскою кровью винъ шинкуе
И рай у наймы отдае...
О милый Боже! Судъ твій всуе
И всуе царствіе твое.

По поводу тѣхъ же поисковъ случилось Тарасу Гр. познакомиться съ столоначальникомъ кіевской консисторіи Даниломъ Кирилловичемъ Поставскимъ и узнать отъ него много малорусскихъ анекдотовъ, которыхъ онъ прежде никогда не слыхалъ. Въ числѣ ихъ особенно заинтересовалъ его анекдотъ о молодой канонархинѣ женскаго монастыря, посредствомъ припѣвовъ къ стихирамъ передававшей своей подругѣ вѣсть объ ожидающемъ ее свиданіи. Передавая мнѣ этотъ анекдотъ во время прогулки по Крещатику, Тарасъ Гр. до того увлекался имъ, что, забывая о проходящей публикѣ, далеко не вполголоса напѣвалъ: «Мене ждуть праведныци, а тебе, Палажко, на гори семинаристы ждуть, дендеже» и проч.

Случилось мнѣ за короткое время моего знакомства съ Тарасомъ Григорьевичемъ быть съ нимъ вмѣстѣ на одномъ семейномъ обѣдѣ, а въ другой разъ на скромномъ гуляньи на Оболони близъ Почайны. Радушнѣйшій хозяинъ, пригласившій Тараса Григорьевича на обѣдъ, пожелалъ выдержать всѣ предковскія церемоніи уго-

щеній, поэтому пили «стуканця» настоящей запеканки на калганѣ и баддянѣ, пили до борщу и послѣ борщу, пили потому, что рыба въ води плавала и потому, что она воду любила, полоскали зубы и на потуху пили. День былъ нестерпимо жаркій, въ комнатѣ духота; къ концу обѣда Тарасъ Григорьевичъ видимо ослабѣлъ. Когда потомъ замужняя дочь хозяина сѣла за фортепьянъ и подъ аккомпаніманъ его запѣла общеупотребительныя тогда *Віють вітры* и *Ихавъ козакъ за Дунай* (изданій народныхъ пѣсенъ съ музыкою тогда совсѣмъ еще не было), онъ сталъ непринужденно и съ нѣкоторымъ раздраженіемъ высказывать свое неодобреніе всему этому наслѣдію гр. Сарти и другихъ италіанско-малорусскихъ композиторовъ, а когда добродушнѣйшая хозяйка угостила насъ въ заключеніе такою варенухою, какая подавалась развѣ въ гетманскихъ и полковничьихъ будынкахъ, то великій поэтъ превратился въ самаго слабаго смертнаго, утратилъ всякое самообладаніе и соображеніе, такъ что не только о. Ефимъ поспѣшилъ увезти его на квартиру, но и готовившаяся въ тотъ день поѣздка за Днѣпръ не могла состояться. Совсѣмъ иначе прошло чаепитіе на Почайнѣ, устроенное молодыми почитателями таланта Шевченка изъ чиновничьяго и педагогическаго кружковъ. Компанія была небольшая; собрались люди близкіе; пили чай, расположившись на травѣ и вели бесѣду о прелестяхъ кіевской природы и Украйны вообще, о минувшихъ временахъ, о богатствѣ народной поэзіи, о необходимости собирать памятники народнаго творчества и пр. и пр. Ничего лишняго не было ни въ рѣчахъ, ни въ угощеніи; вечеръ прошелъ живо и закончился общимъ удовольствіемъ. Дорогой нашъ гость былъ сначала задумчивъ и молчаливъ; потомъ мало по малу разговорился, восхищался Днѣпромъ, Почайной, видомъ Кіева, Андреевской церкви, Щекавицы, а когда солнце скрылось за горами, легкій туманъ пошелъ по Оболонью и вверху на чистомъ небѣ стали показываться то тамъ, то сямъ ярко свѣтившія звѣзды, Шевченко, стоя лицомъ къ западу, своимъ чистымъ, серебристымъ, чуть-чуть дрожавшимъ голосомъ запѣлъ свою любимую пѣсню: «*Ой зійди, зійди, та вечірняя зіронько...*». И пѣлъ онъ съ такимъ одушевленіемъ, съ такимъ глубокимъ чувствомъ, что звуки этой пѣсни и теперь, спустя 26 лѣтъ, отдаются въ моихъ ушахъ. Воздухъ постепенно свѣжѣлъ; августъ давалъ себя знать и мы поспѣшили по домамъ.

Отъѣздъ Шевченка изъ Кіева въ Петербургъ послѣдовалъ такъ скоро и неожиданно, что я не могъ ни проститься съ нимъ, ни проводить его. Изъ Петербурга онъ прислалъ мнѣ свою фотографію, снятую Гудовскимъ, и два экземпляра вышедшаго тогда «Кобзаря». Другой экземпляръ онъ просилъ меня передать проф. Н. Д. Иванишеву, его такъ сказать сослуживцу по коммисіи для разбора древнихъ актовъ. Покойный Иванишевъ, рядомъ съ которымъ я квартировалъ, принялъ подарокъ Шевченка съ обычнымъ своимъ зоильствомъ, по которому онъ ради краснаго словца не щадилъ иногда и роднаго отца.

— А, это нашъ славный поэтъ! Скажите, какую толстую книгу написалъ. Видно, тамъ недаромъ его фухтелями угощали. Въ сущности вѣдь пьянчужка былъ. Право. Какъ-то онъ обѣдалъ у меня. Я, самъ вы знаете, ни ядца, ни пійца; ну, и ему много не даю, зная его страстишку. Послѣ обѣда приглашаю его въ мой садикъ, а онъ отказывается, лучше говоритъ, книжку почитаю. Пока я погулялъ немного, а онъ тутъ весь графинчикъ осушилъ.

Я не возражалъ многоученому профессору, зная довольно уже его натуру и то, что за этими язвительными словами у него скрываются самыя вѣрныя о людяхъ сужденія, которыхъ онъ однако въ большей части не имѣлъ привычки высказывать.

Прошло болѣе полутора года; я готовился начать семейную жизнь. Въ это именно время привезли въ Кіевъ покойнаго уже Шевченка. Мнѣ было тогда не до похоронъ и не до проводъ; я едва могъ побывать на отпѣваніи и проводить гробъ до парохода. Отъ того и воспоминаній у меня объ этомъ времени осталось не много. Были у меня В. Гр. Шевченко и художникъ Честоховскій въ ту пору, когда гробъ покойнаго остановленъ былъ за Днѣпромъ, и толковали со мною и братомъ о какихъ-то затрудненіяхъ, представившихся для провоза тѣла чрезъ Кіевъ, и о мѣстѣ погребенія, которое окончательно избрали близъ Канева. Не помню, сколько дней гробъ Шевченка простоялъ въ Кіевѣ, но при провозѣ его по набережному шоссе изъ-за Днѣпра къ церкви Рождества Христова и обратно къ пароходу собирались огромныя массы народа, да и вообще въ тѣ дни въ Кіевѣ было значительное оживленіе и возбужденіе въ нѣкоторыхъ кружкахъ. При отпѣваніи церковь была переполнена, александровская улица запружена самою разнообразною

публикою. Нигдѣ, кажется, нѣтъ населенія столько любопытнаго и охочаго до зрѣлищъ, какъ въ Кіевѣ; поставь только гдѣ-либо будочника и сей часъ соберутся толпы. Простой народъ совсѣмъ не могъ понять, если ему кто и объяснялъ, что такое поэтъ и за что ему такая честь. Иной десятскій или жандармъ на докучливые вопросы называлъ покойника просто генераломъ. И въ людяхъ понимающихъ не обошлось безъ комичныхъ сценъ. Пришелъ на отпѣваніе учитель гимназіи изъ евреевъ и, стоя у гроба, съ покиваніемъ головы и вздохомъ говорилъ сосѣду: «нема насого Тараса!» Семинаристы, забравшіеся на клиросъ, не нашли чѣмъ другимъ заявить своей симпатіи отпѣваемому поэту, какъ затянувъ въ концѣ «*вѣчная память*»... Одинъ студентъ, говорившій рѣчь на шоссе, величалъ поэта всевозможными именами: «ты нашъ батьку, учителю, *пророче*». При послѣднемъ словѣ баба-торговка, внимательно слушавшая рѣчь, плюнула со злостью и сказавши: «отъ, ка-зна що говорить», ушла домой. Другой студентъ, взлѣзшій на колесо, до того сконфузился и запутался, что не могъ кончить рѣчи. Большая возня была, когда пришлось наконецъ по ту сторону цѣпнаго моста спустить гробъ съ высокой насыпи къ пароходу; простыхъ рабочихъ тутъ не случилось, а почитатели таланта поэта не могли оцѣпить гробъ веревками. Замѣтивъ это, я отдалъ мой зонтикъ и шляпу стоявшему подлѣ меня племяннику Тараса, моему односельцу, Олексѣ Красицкому, а самъ взобрался на верхъ гроба, обвязалъ его съ помощію другихъ вокругъ, затянулъ узелъ съ двумя длинными концами и затѣмъ оглянулся съ высоты, ища глазами Олексы. Онъ въ свою очередь слѣдилъ за мною, боясь потерять меня изъ виду, и, лишь только мы встрѣтились глазами, какъ онъ, потрясая поверхъ головы зонтикомъ и шляпой, во все деревенское свое горло закричалъ: «Паничу! Ось, ось»! Это привлекло къ нему общее вниманіе и вызвало смѣхъ вокругъ.

Не за долго до привоза тѣла Шевченка въ Кіевъ пришлось мнѣ проѣхать на родину и быть въ послѣдній разъ у о. Григорія и Ксеніи Прокопіевны Кошицовыхъ. Дошла и туда вѣсть о смерти жившаго нѣкогда у нихъ Тараса и о томъ, какъ чествовали его по смерти. О. Григорій и теперь не могъ признать въ своемъ бывшемъ наймитѣ какого-то безмертнаго поэта и судилъ объ немъ только по воспоминаніямъ, какъ о простомъ работникѣ.

— Не знаю, за що его такъ выславили. Этъ, такъ ледащо соби було,—закончилъ онъ.

А добродѣтельнѣйшая Ксенія Прокопіевна относилась къ нему, какъ и ко всѣмъ, и теперь вполнѣ любовно и снисходительно.

— Вичный покой души его, царство ему небесное,—говорила она.— Робивъ винъ и у насъ скильки литъ; не дуже, правда, охочий бувъ до роботы и трошки таки упартый, а все жъ працювавъ для насъ, издивъ зъ нами, побивався по дорогахъ зъ Ясемъ, худибки доглядавъ. Пошли ему, Господи, царство небесное!

Послѣ распродажи имущества Т. Гр. Шевченка пересланъ былъ мнѣ изъ Петербурга лѣтній парусинный костюмъ его, который и доселѣ хранится у меня.

Ө. Лобода.

Еще свѣдѣнія о «дикомъ попѣ».

Въ «Кіевской Старинѣ» 1886 г. (т. XIV, стр. 821—826) сообщены были довольно пространныя свѣдѣнія о «дикомъ попѣ», но основанныя, повидимому, на одномъ преданіи, и потому происхожденіе интересной личности священника Кирилла Тарловскаго по прежнему осталось невыясненнымъ. Въ № 63 «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за настоящій годъ г. Дорошенко далъ новыя свѣдѣнія о Тарловскомъ, говоря, что свѣдѣнія эти сообщены ему «глубокимъ старикомъ Ф. И. Д—скимъ, почерпнувшимъ ихъ изъ устъ козелецкихъ старожиловъ и изъ писемъ Тарловскаго къ своему зятю». Вотъ эти свѣдѣнія.

«Тарловскій былъ уроженецъ города Козельца, черниговской губерніи. Не смотря на то, что онъ происходилъ изъ дворянской фамиліи, отецъ его былъ священникомъ при козелецкой Николаевской церкви. Образованіе Тарловскій получилъ въ кіевской духовной академіи. По окончаніи курса, онъ поступилъ во священники: былъ сперва при козелецкомъ дѣвичьемъ монастырѣ (нынѣ упраздненномъ), а затѣмъ, по смерти отца, занялъ его мѣсто при Николаевской церкви. Здѣсь однако онъ пробылъ не долго. Въ 1744 году, по пути въ Кіевъ, Козелецъ посѣтила императрица Елисавета Петровна. Къ ея пріѣзду на берегу Остра (на мѣстѣ ны-

нѣшняго городскаго училища) былъ выстроенъ небольшой деревянный дворецъ. Въ этомъ скромномъ помѣщеніи, съ необычайною простотою и таинственностью, Тарловскій, какъ говоритъ преданіе, сочеталъ императрицу бракомъ съ извѣстнымъ графомъ А. К. Разумовскимъ. Выѣзжая изъ Козельца, Елисавета взяла о. Кирилла съ собой въ Петербургъ и опредѣлила его учителемъ и духовникомъ къ недавно прибывшей въ Россію принцессѣ Ангальтъ-Цербтской, будущей императрицѣ Екатеринѣ II. Достигнувъ такого высокаго положенія, Тарловскій не забывалъ ни своей довольно многочисленной родни, ни бывшихъ своихъ прихожанъ и, по возможности, старался помогать тѣмъ и другимъ. Когда въ 1752 г. во время сильнаго пожара деревянная Николаевская церковь сгорѣла, Тарловскій поспѣшилъ къ бывшимъ «парахвіянамъ» съ денежною помощію и практическими совѣтами. Письма его къ козельчанамъ долгое время хранились при Николаевской церкви и нѣкоторое время были въ рукахъ Ф. И. Д—скаго. Къ сожалѣнію, нѣсколько лѣтъ назадъ они соблазнили кого-то добротностью своей бумаги и были употреблены на оклейку потолка.

Со смертію императрицы Елисаветы, положеніе Тарловскаго при дворѣ сдѣлалось крайне тяжелымъ. Спасаясь отъ придворныхъ интригъ, онъ бѣжалъ наконецъ въ привольныя приднѣпровскія степи, гдѣ долго скитался, перенося всяческія лишенія, неразлучныя съ жизнью въ почти безлюдныхъ степяхъ. Наконецъ какимъ-то образомъ онъ попалъ въ руки запорожцевъ. Въ своемъ рапортѣ сѣчевому начальству они отрекомендовали его «дикимъ попомъ»—и это названіе осталось за нимъ на всегда. Тарловскій былъ доставленъ въ Сѣчь и, какъ видно, понравился *братчикамъ*, которые пригласили его священствовать въ ихъ сѣчевой церкви. Въ этой должности о. Кириллъ пробылъ не долго. Не понравилась ли ему разгульная жизнь *сичеваго товариства*, или считалъ онъ себя здѣсь не вполнѣ безопаснымъ отъ петербургскихъ враговъ, но только вскорѣ онъ наконецъ покинулъ гостепріимное Запорожье и снова пустился *блукать* по степямъ новороссійскимъ. Во время этихъ блуканій случай свелъ его съ знаменитымъ разбойникомъ прошлаго вѣка Семеномъ Гаркушей. Говорятъ, что, благодаря убѣжденіямъ Тарловскаго, Гаркуша будто бы раскаялся и кончилъ жизнь честнымъ человѣкомъ.

По *зруйнованьи* Сѣчи запорожской, въ Новороссійскій край прибылъ въ качествѣ администратора прежній пріятель Тарловскаго, генералъ Чертковъ. Узнавъ объ этомъ, о. Кириллъ явился къ нему, былъ имъ ласково принятъ и надѣленъ обширными помѣстьями. Обезпеченный такимъ образомъ съ матеріальной стороны, Тарловскій вызвалъ изъ Козельца свою родню и окончилъ жизнь въ энергической дѣятельности по колонизаціи южной части Новороссійскаго края.

Не смотря на то, что Тарловскій бо́льшую часть жизни провелъ вдали отъ родины, память о «дикомъ попѣ», вѣнчавшемъ царицу съ Разумовскимъ, жива была въ козельчанахъ еще весьма недавно. Въ ризницѣ козелецкой соборной рождество-богородичной церкви до нынѣ хранится портретъ дикаго попа, писанный на полотнѣ масляными красками. Тарловскій изображенъ во весь ростъ; стоя у открытаго окна, онъ правой рукой опирается на какую-то книгу, лежащую на маленькомъ, изящномъ столикѣ. Наружность о. Кирилла довольно симпатичная: выразительная, нѣсколько строгая физіономія, правильный носъ, приподнятыя брови, не большая, сѣдоватая бородка. Одѣтъ Тарловскій въ шелковую темно-зеленую рясу. Подписи, на сколько помню, не имѣется».

На сколько козелецкое преданіе вѣрно въ своихъ подробностяхъ, рѣшить пока нельзя; но во всякомъ случаѣ свѣдѣнія г. Дорошенка интересны тѣмъ, что собраны на родинѣ Тарловскаго, гдѣ мѣстные старожилы должны сохранять о послѣднемъ, какъ объ интересномъ землякѣ, болѣе достовѣрную память, чѣмъ въ Екатеринославѣ. Козелецкое преданіе ни слова не говоритъ о военной службѣ Тарловскаго и, кажется, вполнѣ основательно, такъ какъ сыну козелецкаго священника естественнѣе было сразу стать священникомъ же, безъ посредства гвардейской будто бы службы. Нельзя также сразу отвергать преданія и о томъ, что Тарловскій вѣнчалъ императрицу Елисавету Петровну... Вѣдь свѣдѣніе о вѣнчаніи ея въ подмосковномъ селѣ Перовѣ (Семейство Разум., т. I, стр. 19—20) основано тоже на одномъ преданіи, при чемъ прибавка г. Васильчикова, что «нѣтъ сомнѣнія, что обрядъ совершалъ Дубянскій», основывается, какъ видно, на одной догадкѣ. А можетъ быть, что обрядъ вѣнчанія совершенъ былъ и въ Перовѣ, но не Дубянскимъ, а именно Тарловскимъ... Во всякомъ случаѣ козелец-

кое преданіе о происхожденіи «дикаго попа» значительно выдвигаетъ личность послѣдняго изъ того тумана, которымъ она до сихъ поръ окружена.

А. Л.

Къ исторіи рода Свѣчекъ.

Умѣла наживаться малороссійская козачья старшина XVII и XVIII ст. и составлять себѣ крупныя «маетности». Какой нибудь хорунжій, есаулъ, либо сотникъ выпроситъ у полковника или гетмана никѣмъ не занятое «мѣстце», впустѣ лежащую нивку или гаекъ, позволеніе устроить гдѣ либо на рѣчкѣ греблю и поставить «млинъ», пуститъ на свою земельку захожихъ людей и пойдетъ прихватывать къ ней близь лежащіе грунты, лѣски и нивы, покупая ихъ за безцѣнокъ или прямо отнимая у простыхъ козаковъ. Глядишь, лѣтъ чрезъ 10—20 является у него нѣсколько сотъ и тысячъ десятинъ земли, а поселившіеся на ней люди оказываютъ ему «послушенство» въ работахъ. По мѣрѣ повышенія въ войсковыхъ должностяхъ, это изъ ничего возникшее земельное достояніе увеличивается пожалованіями цѣлыхъ селъ и хуторовъ за службу и на «рангъ» и является крупное состояніе, занимавшее иногда половину и болѣе нынѣшняго уѣзда, а потомки безвѣстнаго лица образуютъ богатый и знатный родъ. Такимъ путемъ выдвинулся сильный и богатый нѣкогда родъ Свѣчекъ, и мы имѣемъ документальныя свѣдѣнія объ одномъ изъ непривлекательныхъ эпизодовъ ихъ обогащенія.

До появленія Богдана Хмельницкаго, прогнавшаго польскую шляхту изъ предѣловъ Украйны, неограниченнымъ владыкою Лѣвобережья былъ знаменитый князь Іеремія Вишневецкій, имѣвшій свою главную резиденцію въ г. Лубнахъ. Отсюда, по мановенію его перста, разсылались за сотни верстъ универсалы, наполнявшіе плодоносную, но пустынную страну жизнью, создававшіе новыя поселенія. Незадолго до хмельниччины Вишневецкій обратилъ вниманіе на одно живописное мѣсто на берегу р. Удая, находившееся между двумя его маетностями: Пирятиномъ и Куринькою и называвшееся Кручою, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ нагорный берегъ былъ очень крутъ, и задумалъ устроить здѣсь греблю и мельницы. Уже свезенъ былъ весь необходимый для этой цѣли матеріалъ, но

загремѣло оружіе въ Украйнѣ и Вишневецкому было не до кручанской гребли.

Послѣ хмельниччины часть маетностей Вишневецкаго вошла въ составъ пирятинской сотни лубенскаго уѣзда и при Самойловичѣ была захвачена приближеннымъ къ нему переяславскимъ полковникомъ, Леонтіемъ Артемьевичемъ Полуботкомъ. По низложеніи Самойловича, Полуботокъ впалъ въ немилость новаго гетмана, Мазепы; этимъ воспользовался Леонтій Назаровичъ Свѣчка и началъ въ Москвѣ дѣло объ отнятыхъ земляхъ, которыя, по его ходатайству, и были возвращены пирятинцамъ. Въ этомъ дѣдѣ Свѣчка дѣйствовалъ не безкорыстно, такъ какъ изъ возвращенныхъ земель и ему досталась не малая ихъ часть. За три года своего полковничества Свѣчка сталъ владѣльцемъ большей половины пирятинской сотни.

Въ 1682 году, будучи еще полковымъ лубенскимъ есауломъ, Леонтій Свѣчка осуществилъ намѣреніе князя Вишневецкаго относительно «мѣста Кручи», устроилъ, съ разрѣшенія лубенскаго полковника, Максима Ильяшенка, греблю и поставилъ мельницу объ одномъ колесѣ; въ 1685 году ему было разрѣшено устроить при этой мельницѣ другое колесо, ступное.

Сдѣлавшись полковникомъ лубенскимъ, Леонтій Свѣчка не удовольствовался кручанской греблей и вынудилъ у пирятинскихъ мельниковъ себѣ согласіе на устройство весенней мельницы или вешняка, «на гаткахъ въ Зарѣчѣ, гребли пирятинской»; но ему только и нужно было это согласіе, получивши же его, онъ устроилъ пять колесъ, которыми работалъ круглый годъ. Такое самоуправство, а также то обстоятельство, что кручанская гребля сильно поднимала уровень воды, такъ что приходилось другимъ перестраивать свои мельницы, крайне возмущали пирятинскихъ мельниковъ; но, конечно, при жизни могучаго полковника, имъ и въ голову не приходило жаловаться на него расположенному къ нему гетману Мазепѣ. Послѣ смерти Леонтія Свѣчки, послѣдовавшей въ 1699 году, и паденія Мазепы, пирятинскіе мельники тотчасъ же «ускаржились» новому гетману Скоропадскому на самоуправство покойнаго полковника и просили разслѣдовать дѣло. Гетманъ послалъ въ Пирятинъ для «очевидного разсмотру и розыску» Ивана Сулиму, хорунжаго войсковаго генеральнаго, и Василія Велецкаго, гадяцкаго полковаго

судью, которые удостовѣрились, что вдова Леонтія Свѣчки, Домникія, продолжаетъ самоуправно молоть круглый годъ, а потому запретили ей дѣлать это впредь. О результатахъ осмотра было доведено до свѣдѣнія гетмана и онъ выдалъ въ обозѣ подъ с. Бѣлоусовкою, 5 мая 1711 года, универсалъ на имя лубенскаго полковника и пирятинскаго сотника, разрѣшавшій дѣло въ пользу пирятинскихъ мельниковъ. Получивши универсалъ, мельники отправились совмѣстно съ горожанами пирятинскими къ сыну Леонтія Свѣчки, Лукьяну, объявили ему о полученномъ универсалѣ и, когда тотъ пришелъ съ ними «до згоды», записали о его согласіи исполнять универсалъ въ городскую книгу «зъ притисненіемъ звиклой печати городовои ратуша пирятинскаго». Но, видно, эта «згода» ни къ чему не привела, такъ какъ уже въ 1715 году въ полковой лубенской канцеляріи былъ полученъ гетманскій универсалъ, въ которомъ говорилось, «иже многократне уже стужаютъ и стужали намъ своими жалобливими донесеніями всѣ обче мелники пирятинскіе, ускаржаючися на пана Лукяна Свѣчку», который, не довольствуясь вешнякомъ на пирятинской греблѣ, устраиваетъ новую мельницу на кручанской греблѣ; гетманъ угрожалъ Свѣчкѣ, въ случаѣ, исполненія имъ своего намѣренія, штрафомъ въ 2000 талярой. Но и этотъ универсалъ не подѣйствовалъ на Свѣчку, пришлось гетману обратиться къ послѣднему съ личными увѣщаніями. Въ 1715 году лѣтомъ Скоропадскій послалъ Свѣчкѣ слѣдующій листъ:

„Пане Свѣчка. Удивлятися непомалу мусимъ такому твоему глупому и неразумному поступку, же у полтора року ледве до насъ показалесь былъ очи, а потомъ, дневъ два чили три забавившись, звернулесь хороговъ и безъ вѣдома нашего уехалесь тайно ку дому, а до того зъ лекгоумия своего, противно зверхности нашои поступуючи, не выдаешъ, по давнему обикновенію, зъ селъ своихъ людей для гаченя греблѣ, подъ мѣстомъ Пирятиномъ будучои, якое твое лекгоумие не малую въ насъ ку тобѣ побужаетъ уразу, бо уже часъ бы, оставивши дурность, знати свое належное звание, и не иначей мусимъ зъ тобою впредъ поступовати, ажъ хиба зискавши, когда прилучится знову быти въ походѣ. кажемо тебе пилновати умислне, а теперъ пилно подъ неласкою нашою приказуемъ, абысь людей своихъ по давнему для гаченя греблѣ пирятинской не боронилъ, бо если бысь еще въ томъ мѣлъ быти противенъ, то не тилко млини твои кажемъ позапечатовати, але маетностей позбудешъ, декляруемъ. Зъ обозу одъ Макошина, іюля 22. 1715 року. Иванъ Скоропадскій гетманъ рукою власною“

И этотъ «листъ», видно, не ускромилъ Свѣчку, въ слѣдующемъ году Скоропадскому пришлось писать къ нему новый «листъ» слѣдующаго содержанія:

«Свѣчко неразумній. Не зъ чего иншого, тилко зъ твоеи легкомыслности и крайнего неразсудку, походитъ тое, же ты, бынамнѣй указовъ нашихъ не слухаючи и не исполняючи онихъ, не тилко млиновъ, на гаткахъ ку шкодѣ старои греблѣ пирятинской безправне и самоволне построенних, не хочешъ зносити и безчережно всегда мелешъ, але еще зъ низу кручанскою своею греблею наплавною, а не стародавною, чинишъ подтопъ, закгартовавши тертицями яловій спустъ, на которій свободно вода бивало идеть, а къ тому хочешъ насилно, ку болшой шкодѣ тоей же греблѣ пирятинской, и еще вновь на яловомъ лотоцѣ на греблѣ кручанской строити клѣтку, зъ якихъ своихъ легкомыслнихъ поступковъ, самъ будучи въ винѣ, чинишъ похвалки на Ходолѣя—то бити, то словомъ шпиgовати, не уважаючи наконецъ, жеби напередъ тобѣ не словомъ, але чимъ иншимъ не нашпиgовано; разсудилъ бись, если мѣешъ разумъ, што цѣле неслушне, безъ вѣдома и волѣ гетманскои, построени млины на гаткахъ, поневажъ покойный отецъ твой упросился у мелниковъ пирятинскихъ, еще будучи полковымъ есауломъ, построити межи ихъ млинами одно толко коло, зъ такимъ договоромъ, жеби оное не всегда мололо, лечъ въ тотъ часъ, когда изобилно биваетъ воды, а и то въ чергу, якое постеновление, и на писмѣ выраженное, презентовали нкмъ помянутие мелники; досить биложъ уже тобѣ нашого и на писмахъ упомненя и черезъ висланихъ нашихъ, якие Каменозатонского походу по жалобѣ тихже мелниковъ били ординовани, же бись конечне млини, на гаткахъ построение, позносилъ, аже ты, якъ вулъ на рогатину пручися, и по сей часъ онихъ не зносишъ, да еще и вновь строити збираешся, прето для всеконечного погамованя твоего зухвалства, за которое повелѣвши тобѣ приминути въ Глуховъ, учинимъ наказание, видалисмо мелникамъ пирятинскимъ унѣверсалъ, позволяючи, зъ помощию старшини тамошнеи, тие твои, не слушне построение, млини роскидати и пречъ зъ мѣсца позносити, тобѣ зась сурово грозимъ и приказуемъ, абись болше онихъ тамь реставровати и держати не важился, бо если бысь мѣлъ еще стояти при упорѣ, то вѣдай певне, же инших млиновъ, а безъ мала и маетностей не позбудешъ, декляруемъ. Съ Глухова, августа 29, року 1716» [1]).

---

[1]) Приведенные здѣсь документы хранятся въ копіяхъ середины XVIII вѣка въ усадьбѣ „Отрада“ пирятинскаго уѣзда, полтавской губерніи, принадлежащей графинѣ Е. П. О'Руркъ и были любезно предоставлены въ наше распоряженіе графомъ Н. М. О'Руркомъ.

Отмѣтимъ любопытный фактъ: на пирятинской греблѣ теперь нѣтъ ни одной мельницы, а на кручанской, въ шести верстахъ внизъ по Удаю отъ г. Пирягина, и по нынѣ работаетъ четыре мельницы.

Н. Стороженко.

Замѣтка къ статьѣ «о шелудивомъ Букякѣ».

Въ Дрогичинѣ на Западномъ Бугѣ я слышалъ нынѣшнимъ лѣтомъ преданіе, которое очевидно происходитъ изъ одного источника съ галицкой легендой, разсказанной въ статьѣ г. Кузмичевскаго «О шолудивомъ Бунякѣ» («Кіев. Стар.», августъ, 1887 г., стр. 693). Однажды мальчикъ заблудился въ подземельѣ дрогичинской замковой горы, отъискивая шапку, заброшенную туда шалуномъ-товарищемъ. Чортъ, стороживший въ подземельѣ сундукъ съ золотомъ, сжалился надъ мальчикомъ и не только возвратилъ ему шапку, но и позволилъ наполнить ее червонцами. Тогда завистливый товарищъ нарочно забросилъ свою шапку въ тоже подземелье и попалъ ею какъ разъ въ сундукъ съ кладомъ. Но когда онъ сталъ наполнять шапку червонцами, сундукъ захлопнулся и отрубилъ голову мальчика. Замѣчательное сходство обѣихъ легендъ, червоно-русской и дрогичинокой, наводитъ на мысль, что онѣ родились до разъединенія волынско-галицкаго великаго княжества.

Н. Авенаріусъ.

Народное преданіе о взятіи Бендеръ.

Крѣпость Бендеры—старая крѣпость. Це не нашъ царь строивъ, кажуть, турецькій. Скильки тамъ міру ввести можна, сила! Тильки, розказують, якъ нашъ, значить, царь іи бравъ у туркивъ, то довго не могли наши взять іи, бо у туркивъ була чаривниця. Сидить вона соби на стовпи, що стоить на площади въ Бендерахъ и теперь (я самъ ёго бачивъ), сидить, кажу, та й вертае уси кули руськихъ на нихъ же. Узнали про це наши. Найшовся одинъ салдатъ и каже, що я, значить, можу іи вбити (мабуть винъ зъ нечистымъ знався). Царь позволивъ. Салдатъ каже до своихъ: «отъ тильки

выстрѣлю, то вы заразъ накрыйте мене, бо якъ не накрыете, то и самъ згину»; зарядивъ ружжо, та й чекае. Видьма узнала про цее и хоче злизти изъ стовпа; а у неи була мати, тожъ видьма; ось стара и каже: «сиди, дурна, ще не народився такій, що тебе подужае». Дочка послухала, знову сидить, та й кули вертае. Нашъ салдатъ побачивъ, та й выстреливъ; выстреливъ и вбивъ видьму, тильки наши не поспили ёго накрыть и салдатъ пропавъ.

(Записано Квятковскимъ отъ крестьянина, въ поѣздѣ одесской желѣзной дороги).

„Писанный крестъ".

На юго-западной оконечности Волыни, въ кременецкомъ уѣздѣ, при с. Верещакахъ, въ 7 или 8 верстахъ отъ м. Збаража, находящагося въ Галиціи, среди распаханнаго поля одиноко стоитъ давно забытый крестъ на полуосунувшейся могилѣ какого-то героя, павшаго въ одной изъ кровопролитныхъ битвъ, которыми такъ извѣстна въ исторіи эта мѣстность. Крестъ этотъ извѣстенъ тамъ подъ именемъ «писаного», и рѣдкій изъ окрестныхъ жителей не знаетъ объ немъ. Такихъ памятниковъ въ томъ краѣ разсѣяно много въ разныхъ мѣстахъ по полямъ, лѣсамъ, горамъ, городищамъ и дубровамъ. Кѣмъ и когда они поставлены, память въ народѣ объ этомъ потеряна, и изъ оставшихся преданій въ рѣдкихъ случаяхъ можно вывести сколько нибудь опредѣленныя заключенія о времени и обстоятельствахъ появленія крестовъ. Крестъ, о которомъ мы говоримъ, имѣетъ надпись; но и она не уцѣлѣла и остались лишь слова: *атаманъ рабъ Бо... Б...яй.* Изъ разспросовъ на мѣстѣ удалось узнать не многое. Болѣе 10 лѣтъ тому назадъ на томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ крестъ стоитъ, находился большой дубовый лѣсъ; затѣмъ лѣсъ этотъ вырубленъ, расчищенъ, а земля, бывшая подъ лѣсомъ, засѣяна хлѣбами. Когда мы осматривали эту мѣстность, крестъ находился среди посѣвовъ пшеницы, а холмъ, на которомъ онъ водруженъ, отъ распашки разсунулся и почти сравненъ съ землей, такъ что среди густой и рослой пшеницы крестъ мы могли найти только съ помощью лица, хорошо ознакомленнаго съ мѣстностію. Это былъ 70-ти лѣтній старикъ,

крестьянинъ села Верещакъ, по имени Лукьянъ (прозвище запомнилъ). Лукьянъ помнитъ время, когда крестъ стоялъ на небольшой полянѣ въ глубокомъ лѣсу; холмъ подъ нимъ былъ гораздо выше, но надпись была въ такомъ же видѣ, какъ и теперь. Кстати Лукьянъ грамотенъ; онъ говоритъ, что отецъ его, жившій болѣе 70 лѣтъ и дѣдъ, такой же долговѣчный, знали «писаный» крестъ такимъ же, а дѣдъ прибавлялъ, что на томъ мѣстѣ давно когда то была большая битва. Вотъ и все.

Исторически извѣстно, что во время козацкихъ войнъ Богданъ Хмельницкій осадилъ въ Збаражѣ польское войко и что при этой осадѣ было убито не мало козацкихъ старшинъ, въ томъ числѣ и атаманъ Бурляй. Очень вѣроятно, что могила, на которой стоитъ «писаный» крестъ, принадлежитъ кому нибудь изъ атамановъ Хмельницкаго, а можетъ быть и самому Бурляю.

Въ полуверстѣ отъ креста проходитъ австрійская граница; дорогъ вблизи креста теперь нѣтъ; но старики говорятъ, что очень давно не вдалекѣ отъ креста пролегалъ Збаражскій шляхъ; вѣроятно, дорога эта уничтожена, когда по присоединеніи края къ Россіи проводили кордонную линію между Австріей и Россіей и уничтожили по границѣ лишнія дороги.

Весьма интереснымъ при этомъ представляется слѣдующее совпаденіе. Въ нашемъ краѣ ходитъ по рукамъ много рукописей, подъ названіемъ запорожскихъ, въ которыхъ содержится описаніе мѣстъ, гдѣ зарыты клады. Одна изъ нихъ была издана въ 1856 г. въ Кіевѣ, и въ ней есть такая запись:

«На Верещаки Вышніи зъ Полщи иде шляхъ на Субботово, мимо козацкій яръ; а яръ буде у лѣву сторону отъ шляху, а шляхъ по-надъ яромъ близъ, и такъ иде по-надъ велыкымъ яромъ, то прыйде зъ велыкого яру малый вершиною до шляху, и тыею вершиною пиды у диброву; увошедши уже у велыкій той яръ, стань и смотри на низъ до луки, и гляди, надъ лукою стоитъ дубъ товстый; отъ дуба на лугъ пять ступеней большихъ крестъ съ тогожъ боку, а то бачъ гробъ; на гробѣ крестъ написанный. Добыча»!

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что запорожская рукопись имѣетъ въ виду тотъ самый писанный крестъ, которому мы посвятили настоящую замѣтку.

О. К.

Небесные архистратиги во образѣ запорожцевъ.

Екатеринославской губерніи, ново-московскаго уѣзда, въ селѣ Аѳанасьевкѣ, рядомъ съ недавно построенною каменною церковью стоитъ старая деревянная, сложенная изъ толстыхъ дубовыхъ брусьевъ, сооруженная еще въ 1782 году полковникомъ запорожскаго войска Аѳанасіемъ Ѳедоровичемъ Колпакомъ. Это тотъ самый Колпакъ, который въ послѣдніе годы существованія Запорожья велъ ожесточенную борьбу съ обывателями и властями изюмской провинціи за неприкосновенность съ этой стороны запорожскихъ владѣній. Онъ вышелъ изъ этой борьбы счастливѣе своего запорожскаго начальства,—по разореніи Сѣчи, зачисленъ въ полтавскій пикинерный полкъ подполковникомъ, получилъ по отводу обширныя земли и основалъ на нихъ слободу своего имени, а въ ней устроилъ приходъ съ церковью.

Церковь эта незначительныхъ размѣровъ, въ формѣ креста, съ небольшимъ крылечкомъ, и не отличается ни архитектурою, ни богатствомъ ризницы, кромѣ развѣ своего иконостаса, современнаго построенію церкви. Иконостасъ пяти-ярусный съ рѣзьбою и позолотою; письмо на иконахъ для того времени очень тонкое и искусное. Нѣкоторыя изъ иконъ отъ времени, солнца и сырости пострадали въ такой степени, что трудно опредѣлить, что на нихъ изображено, другія отлично сохранились и свидѣтельствуютъ объ искусствѣ живописца. Въ срединѣ иконостаса, выше царскихъ вратъ, утвержденъ большой образъ Господа Вседержителя, а у престола его позади справа архангелъ Гавріилъ, а съ лѣва архистратигъ Михаилъ, и оба эти начальники небесныхъ силъ изображены въ видѣ запорожцевъ, Михаилъ явственно даже въ смушевой шапкѣ и съ мечемъ.

Что за дикая фантазія? спроситъ читатель.—Прежде всего, можно думать, здѣсь проглянуло высокое сознаніе о себѣ запорожцевъ, что они, всесвѣтные «лыцари» на морѣ и на сушѣ, достойны охранять престолъ Господа Вседержителя; но вѣрнѣе, кажется, предполагать здѣсь ту мысль, что запорожцы несутъ къ престолу Господню свою завѣтную храбрость и отвагу и готовы сложить головы за имя Его. Если сопоставить впрочемъ стоящихъ здѣсь на стражѣ у престола Господня запорожцевъ съ малороссійскими козаками вообще, которые, какъ удалось намъ прочесть въ одной рукописи

XVII ст., отгоняютъ отъ креста Іисуса Христа распинающихъ его поляковъ и жидовъ, то внутренній смыслъ названнаго выше изображенія получаетъ новый оттѣнокъ національнаго сознанія своей близости къ Богу и угодности Ему сравнительно съ мучителями христіанскаго рода въ данную пору ляхами и жидами, а также сосѣдями бусурманами. Уцѣлѣвшія другія изображенія въ этомъ родѣ, а также нѣкоторыя произведенія старинной нашей письменности, указываютъ на присущую нашимъ предкамъ особую наклонность къ антропоморфизму, стремленіе приблизить себя къ божественному, низвести оное въ кругъ обыденныхъ своихъ образовъ и представленій, чтобы яснѣе видѣть и понять недоступное уму. Изъ иконъ сего рода извѣстны: образъ Покрова Божіей Матери въ ново-московскомъ соборѣ, гдѣ въ качествѣ осѣняемыхъ изображена запорожская старшина, такой же образъ, бывшій въ покровской церкви г. Переяслава, съ изображеніемъ вверху группы малороссіянъ и великороссіянъ, а внизу Петра Великаго съ Екатериною I и Мазепы съ храмоздателемъ полковникомъ Мировичемъ, образъ съ портретомъ Богдана Хмельницкаго въ одной изъ заднѣпрскихъ церквей и другой съ портретами Мазепы, Скоропадскаго и Полуботка, бывшій въ упраздненномъ каменскомъ монастырѣ черниговской губерніи. Изъ произведеній старинной письменности нашей довольно указать на цѣлый рядъ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ послѣдней чесверти XVIII ст., гдѣ самыя возвышенныя идеи христіанства облекаются въ реальныя и простыя формы народнаго быта и цѣлый сонмъ ветхо-завѣтныхъ праведниковъ принимаетъ участіе въ радостяхъ земной мужицкой жизни. Во всякомъ случаѣ указанный фактъ изображенія арх. Гаввіила и архистр. Михаила во образѣ запорожцевъ у престола Господня, по самой оригинальности своей, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ лѣтописи мѣстной исторической жизни.

А. Р—въ..

Пѣсня о Кармелюкѣ.

Молодый Кармалюкъ по свиту ходыть,
Не едну дивчину зъ розуму зводыть,
Не едну дивчину, не едну вдову,
На личко биляву, ще й чорноброву.

Пишовъ Кармалюкъ до кума въ гости;
Скинувши вбранье, сивъ на помости.
— Ой куме, куме, порадьмося,
Меду, горилки напіймося,
Сядемо соби пидъ яблонькою,
Будемо пити медъ зъ горилкою,
Будемо пити, ще й говорити,
Якъ съ Кармалюкомъ на свити жити.
Ще й рада въ раду,
Пидемъ до саду,
Натрусимъ грушокъ
Повенъ хвартушокъ,
Будемо пити, будемо спивати,
Прійде чорнява, будемо гуляти.
Скажи, чорнява, якъ тебе звати,
Щобъ потрапивъ до твоеи хаты.
— Моя хатина надъ долиною,
Мене зовуть Магдалиною,
Моя хатина въ самій долыни,
Прійди, Кармалюкъ, въ добрій годыни.
Моя хатина снопками шита,
Прійди, Кармалюкъ, хочъ буду бита.
Хочъ буду бита,—знати за кого:
За Кармалюка молодого.

(Записана г. Туркевичемъ въ ровенскомъ уѣздѣ, волынской губ.).

Отъ редакціи.

Журналъ **„Кіевская Старина“** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки

За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногородняго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Михайловская улица, домъ № 12-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.